06(57)
31-324
КН 9
Записки Зап.-Сиб.
1887

ОМСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ВТОРАЯ
БИБЛІОТЕКА

Хр. кат. № 1148

Отдѣлъ „VI"
№ „86"

116211

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

стр 8а

РК

Колич. предыд. выдачи

86

050 (94)
3.30 к 9.

ЗАПИСКИ

06 (57)
З-324.
к 9.
1887 г.

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

11692 II.

КНИЖКА IX.

Печатано по распоряженію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.
Типогр. Окружн. Штаба.
1887.

91

КАШГАРІЯ

И

ПЕРЕВАЛЫ ТЯНЬ-ШАНЯ

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Н. ЗЕЛАНДА.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА
№ _____

ОМСКЪ.
Типогр. Окружн. Штаба.
1888.

Печатано по распоряженію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОБЩЕСТВО ИСТ.
ОБЩЕСТВОВЕДЕНІЯ
ВЪ СПБ.
БИБЛІОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. Отъ Вѣрнаго до Нарына	1.
II. Отъ Нарына до Кашгара	15.
III. Кашгаръ	42.
IV. Отъ Кашгара до Аксу	83.
V. Аксу и Учь-Турфанъ	106.
VI. Общій взглядъ на Кашгарію	125.
VII. Историческій очеркъ	140.
VIII. Итоги	165.
IX. Возвращеніе	186.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАШГАРІЯ И ПЕРЕВАЛЫ ТЯНЬ-ШАНЯ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Н. ЗЕЛАНДА.

I.

ОТЪ ВѢРНАГО ДО НАРЫНА.

Причина путешествія.—Тянь-шань и Семирѣчье.—Отъѣздъ.—Пишпекъ.—Токмакъ.—Буамское ущелье.—Джувашъ-Арыкъ.—Барантачи.—Долонскій перевалъ.—Оттукъ.—Нарынъ.—Піонеры цивилизаціи.—Мусульманскій разказчикъ.

Около 20-го августа 1886 г. получено было въ Вѣрномъ[1]) извѣстіе отъ Императорскаго Россійскаго Консула въ Кашгарѣ, что въ городѣ Аксу, находящемся въ томъ же Кашгарскомъ намѣстничествѣ, открылась сильная холера. Такъ какъ Кашгарія находится въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ нашими Семирѣченскою и Ферганскою областями, то необходимы были безотлагательныя мѣропріятія, чтобы предупредить нашествіе эпидеміи на нашу территорію, откуда она затѣмъ могла даже дойти до Европы. Но одновременно съ санитарными распоряженіями на случай холеры необходимо было констатировать самый фактъ, т.-е. дѣйствительно-ли свирѣпствовавшая въ Аксу болѣзнь была холера. Такъ какъ во всей Кашгаріи нѣтъ научно-образованныхъ врачей, то поѣздка туда кого-либо изъ нашихъ врачей сдѣлалась необходимостью. День спустя послѣ сообщенія извѣстія о холерѣ высшему начальству, было получено по телеграфу распоряженіе о командированіи меня въ Кашгарію.

[1]) Главный городъ Семирѣченской области.

На сборы въ это неожиданное и отчасти трудное путешествіе я имѣлъ недѣлю, или, точнѣе говоря, 4 дня, такъ какъ первые три дня прошли въ различныхъ административныхъ распоряженіяхъ, въ писаніи всевозможныхъ инструкцій, циркуляровъ, отчетныхъ вѣдомостей и т. д.

Семирѣчье и Фергана въ сущности близкіе сосѣди Венгріи, или г. н. Восточнаго Туркестана, но попасть изъ первыхъ въ послѣднюю труднѣе, чѣмъ проѣхать тысячу верстъ по Европѣ или Сибири, потому что между ними поднимается гигантская стѣна *Тянь-шаня* или *Небесныхъ горъ*. Этотъ хребетъ, или, точнѣе, эта система хребтовъ въ длину раскинулась на 2000 вер., въ вышину уступаетъ только Гималаю. Со снѣговыхъ его вершинъ низвергаются въ обѣ стороны множество потоковъ, которыми питаются стелющіяся у подножія хребтовъ долины и степи. Сѣверная или русская сторона Тянь-шаня богата растительностію (не лѣсною, впрочемъ) и ея предгорія и низменности по климату, по количеству водъ и плодородныхъ участковъ, а отчасти и по минеральному богатству, представляютъ вполнѣ годный для культуры край.

Восточная часть этой полосы, т.-е. Семирѣчье лишь съ четверть вѣка тому назадъ примкнула къ культурнымъ странамъ, ставъ достояніемъ Россіи. И теперь еще, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, киргизскій кочевникъ пасетъ свои стада въ степяхъ и долинахъ Семирѣчья, раскидывая то тутъ, то тамъ, свое подвижное войлочное жилище. Но уже вдвинулись колоніи пивы въ травяныя пустыни, подвинулись окруженные садами города и селенія, надъ потоками повисли мосты, по широкимъ дорогамъ тянутся обозы и гремитъ почтовый колокольчикъ, нескончаемая вереница телеграфныхъ столбовъ шагаетъ черезъ горы и равнины и соединяющая ихъ проволока поетъ пустынѣ свою таинственную пѣсню. Жаркое и продолжительное лѣто при умѣренной зимѣ, обилію девственной почвы и возможность орошенія полей и садовъ гор-

ной водой, какъ необходимая гарантія отъ капризовъ погоды— составляютъ условія, по которымъ эта страна способна быть преимущественно земледѣльческою. Пшеница, кукуруза, просо, рисъ[1], даютъ великолѣпные урожаи; вѣрненскій табакъ начинаетъ составлять себѣ извѣстность; Каракольскій и Ленсинскій медь почти не имѣетъ себѣ равныхъ; въ садахъ и огородахъ Вѣрненскаго и Токмакскаго уѣздовъ зрѣютъ превосходные яблоки, черешни, дыни, арбузы и проч.. даже въ горахъ растутъ довольно порядочные яблоки[2]) и урюкъ (мелкія абрикосы). Клеверъ скашивается 3 раза въ лѣто, а деревья садовъ и аллей растутъ съ неслыханною въ Европѣ быстротою.

Не первый годъ уже тянутся сюда переселенцы изъ Россіи и Сибири, кромѣ дунганъ и таранчей изъ Кульджи, и можно сказать, что это одна изъ тѣхъ окраинъ, которая для русскаго представляетъ подобіе того, чѣмъ бываетъ Америка для западнаго европейца. Много уже захудалыхъ и приниженныхъ мужичковъ почувствовали себя здѣсь людьми и зажили такъ, что „одна рука въ патокѣ, другая въ медѣ". Нищета здѣсь почти неизвѣстна, она составляетъ единичное и обыкновенно переходное явленіе, чаще всего относящееся къ людямъ вновь прибывшимъ, или къ пьяницамъ, лѣнтяямъ и тому подобнымъ чужеядцамъ. Правда, есть въ здѣшнемъ быту еще темныя пятна—отсутствіе гласныхъ судовъ и обиліе кабаковъ, этой всероссійской язвы. Кромѣ того, слишкомъ мало развита промышленность, техническое обученіе юношества, земская санитарная часть и нѣкоторыя другія статьи. Все—это предметы, заслуживающіе полнаго вниманія администраціи и общества. Невниманіе къ нимъ неминуемо приведетъ край къ упадку, тогда какъ легко было-

---

[1]) Рисовыхъ полей здѣсь до сихъ поръ немного; разведеніемъ его занимаются дунгане Токмакскаго уѣзда.

[2]) Оттуда старинное названіе Вѣрнаго—*Алматы*.

бы, напротивъ, возвысить степень его процвѣтанія[1]).

Я отправился изъ Вѣрнаго въ двухъ экипажахъ, изъ которыхъ одинъ назначался для фельдшера съ аптекою. Прежде всего надлежало проѣхать въ укрѣпленіе Нарынъ, чрезъ которое проходитъ наиболѣе удобный изъ 4-хъ караванныхъ путей, существующихъ между Кашгаріей—съ одной стороны, Ферганою, Семирѣчьемъ и Кульджею съ другой. Почтовая дорога изъ Вѣрнаго идетъ сначала степями вдоль подошвы *Алатау* (одного изъ хребтовъ Тянь-шаня) чрезъ городъ *Пишпекъ* и селеніе (вѣрнѣе посадъ) *Токмакъ*, затѣмъ чрезъ Бурамское ущелье поднимается къ озеру *Иссыкуль*, но оставляя его влѣво, продолжая подниматься по р. Чу и ея притокамъ къ Нарыну. Время было жаркое, сады еще нескинули

---

[1]) Строки эти были написаны до катастрофы, постигшей городъ Вѣрный и нѣкоторыя другія мѣста Семирѣчья въ маѣ 1887 г., но, тѣмъ не менѣе, я и теперь считаю, что землетрясенія не составляютъ препятствія для заселенія этого края. Ничего нѣтъ грустнѣе мысли о внезапномъ разрушеніи цвѣтущаго города, подвергшагося, какъ-бы дѣйствію бомбардировки, а безвременно погибшія жертвы какъ-бы обвиняютъ нашихъ піоперовъ въ слишкомъ поспѣшномъ занятіи новыхъ странъ. Но первыя впечатлѣнія не могутъ дать вѣрнаго понятія о сущности дѣла. Туркестанъ (къ которому примыкаетъ Семирѣчье) всегда былъ театромъ періодическихъ землетрясеній, что, однако, не помѣшало ему быть искони населеннымъ и богатымъ краемъ. Бѣда лишь въ томъ, что русскіе, какъ недавніе пришельцы, еще недостаточно знакомы съ мѣстной природой и поэтому не приняли надлежащихъ предосторожностей при постройкѣ домовъ, что впредь конечно будетъ иначе. Извѣстно, что даже во время послѣдней катастрофы деревянные дома не пострадали. Строить здѣсь изъ дерева уже давно запрещено, за малочисленностію лѣсовъ, но есть способы, при которыхъ каменныя стѣны укрѣпляются перекладинами настолько, что онѣ не падаютъ при землетрясеніяхъ. Такъ, въ Пишпекскомъ уѣздѣ, дунганская деревня, въ которой избы были построены въ этомъ родѣ, осталась цѣла въ 1885 г., въ то время какъ сосѣднія русскія деревни были разрушены. Кромѣ того, не слѣдуетъ строить многоэтажныхъ домовъ.

своихъ зеленыхъ кудрей, на пашняхъ, бахчахъ и огорадахъ лежащихъ по дорогѣ селеній и хуторовъ кипѣла дѣятельность, а киргизы еще не возвращались изъ своихъ лѣтнихъ кочевокъ.

До Буамскаго ущелья, которымъ поднимаются въ Иссыкульскій край, ѣзда бываетъ благополучная; но тутъ начинаются препятствія. Знаменитое это ущелье[1]), тянущееся верстъ на 70, до сихъ поръ не поддавалось почтовымъ регламентамъ и подносило путнику первый образчикъ „нецивилизованной“ дороги. Въ этотъ конецъ мнѣ еще пришлось ѣхать старой дорогой. Скатерть ея вилась то вверхъ, то внизъ, тѣснясь узенькой полоской у самой скалы, откуда мѣстный терминъ „карнизъ“. Карнизъ этотъ мѣстами такъ узокъ, что двумъ тарантасамъ невозможно было-бы разъѣхаться; наружный край не защищенъ ничѣмъ, а внизу, подъ бокомъ, скалистая крутизна и бездна, на днѣ которой бушуетъ бѣшеная *Чу*. Дорога въ иныхъ мѣстахъ завалена камнями, во время большихъ дождей даже бываютъ обвалы и тогда ѣзда бываетъ опасна. Неособенно хороша она и въ сухую погоду ночью и зимою въ гололедицу. Впрочемъ, несчастій до сихъ поръ насчитывается очень небольшое число. Давно, какъ-то, говорятъ, свалился въ бездну экипажъ съ цѣлою купеческою семьею, которая, разумѣется, моментально погибла. Въ прошедшемъ году во время гололедицы свалилась арба съ бочками и лошадьми, но безъ людей, такъ какъ возчикъ шелъ пѣшкомъ. Съ двухъ послѣднихъ станцій запрягаютъ по 5 лошадей въ тарантасъ для втаскиванія его на крутизны и часто тормозятъ на спускахъ. Въ настоящее время начали дѣлать дорогу внизу у самаго берега *Чу*, при чемъ саперы предварительно производили взрывы, и на обратномъ пути мнѣ пришлось ѣхать уже на половину по нижней дорогѣ, что оказалось значительно лучше. За непріят-

[1]) Буамъ есть испорченное слово *Бом*, что по-монгольски означаетъ „оврагъ“.

ности тряской и медленной ѣзды путника вознаграждаетъ величественно-живописный видъ этого ущелья. По обѣ стороны воздвигаются исполинскія, усѣянныя обломками, скалы разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ—сѣрыя, бѣловатыя фіолетовыя, кирпичнокрасныя, черныя съ лоскомъ, желтоминеты. Мѣстами ютятся по расщелинамъ и бороздамъ ярко-зеленые оазисы. Вотъ, съ самаго гребня отвѣсной стѣны, на разныхъ высотахъ, смѣло выступаютъ уединенные стройные тополи, пятово держась за какую-нибудь тѣнистую складку горы, верхушкой поблескивая на утреннемъ солнцѣ, а внизу надъ самой рѣкой стоитъ семья ихъ товарищей, задумчиво всматриваясь въ шумящій потокъ и слегка потряхивая зелеными кудрями. Мѣстами съ высокаго ребра горы отвѣсно низвергаются въ потокъ серебряныя водяныя жилы. Съ высокихъ точекъ дороги киргизы, работающіе на нижней дорогѣ, кажутся муравьями. Надъ грохотомъ потока, криками ямщиковъ и звономъ колокольчиковъ по временамъ раздается острая нота орла или карканіе вороны. На самыхъ узкихъ мѣстахъ случалось мнѣ сталкиваться съ караванами перекочевывающихъ киргизовъ, или торгующихъ сартовъ, ѣдущихъ изъ Нарына или Каракола. При такихъ встрѣчахъ интересно наблюдать, какъ мастерски вьючныя и верховыя животныя—верблюды и лошади, ослы и быки—ухитряются увертываться, съеживаться, чтобы дать мѣсто и экипажу и самимъ не упасть въ пропасть. Одинъ ютится внутри, какъ-бы приростая къ скалѣ, другія цѣпляются по наружному краю. Особенно припоминаю я одного быка, который съ тяжелымъ вьюкомъ на спинѣ самымъ философическимъ шагомъ пробирался, какъ-бы по зубцамъ башни, по шаткимъ камнямъ, окаймляющимъ дорогу надъ самымъ обрывомъ.

Буамское ущелье недаромъ названо прорывомъ. Оно какъ-бы прорублено поперекъ *Александровскаго хребта* и представляетъ такимъ образомъ великолѣпный разрѣзъ составляющихъ его породъ—кристаллическихъ, метаморфиче-

скихъ и осадочныхъ. Ущеліе рѣки *Теректы*, впадающей въ Буамъ, замѣчательное по залежамъ *каменнаго угля*, которыя лежатъ 4-мя пластами, сопровождаясь песчаникомъ. Въ Буамѣ же находятся мощныя залежи *гипса*, прикрытыя конгломератами (Мушкетовъ). Кстати сказать, известковыя породы, какъ и вообще осадочныя, здѣсь по *Чу*, *Качкарѣ* и *Нарыну* появляются чаще, чѣмъ въ восточной части Тяньшанскихъ хребтовъ. Изъ растеній здѣсь въ первые въ дикомъ состояніи встрѣчается *фисташковый* кустарникъ, который въ разныхъ мѣстахъ югозападной части Семирѣчья (Пишпекъ и Токмакъ) разводится въ садахъ.

У верхняго устья Буама стоитъ станція *Кутемалды*. Здѣсь начинается Иссыкульская долина, лежащая слишкомъ на 5000 ф. надъ уровнемъ моря. Отъ Кутемалды идутъ двѣ дороги: одна налѣво вдоль озера Иссыкуля, на берегахъ котораго расположены зажиточныя русскія селенія и городъ Караколъ, другая направо по безплоднымъ и пустыннымъ берегамъ Чу и притоковъ Нарына, къ укрѣпленію Нарынъ.

Станція Кутемалды настолько пострадала отъ прошлогодняго землетрясенія, что комнаты для проѣзжающихъ до сихъ поръ не имѣется, ее замѣняетъ всегда готовая къ услугамъ въ здѣшнемъ краѣ войлочная юрта, въ которой поставлена и желѣзная печка. Если проѣзжій въ Буамѣ приходитъ къ убѣжденію, что дорога могла-бы быть получше, то далѣе вверхъ онъ теряетъ всякія воспоминанія о томъ, что бываютъ на свѣтѣ удобо-проѣзжаемыя дороги. Бо́льшая часть этого пути (6 станцій) въ данное время могла быть скорѣе всего названа насмѣшкой надъ дорогой. Уже на второмъ перегонѣ (отъ Кумбельтинской до Ортъ-Токайской станціи) дорога пролегаетъ частію по кочковатымъ болотистымъ мѣстамъ, частью по заваленному крупными камнями берегу рѣки. Но самый букетъ начинается отъ Ортъ-Токая по ущелію *Джуванъ-Арыкъ*. Вкусивъ уже на предъидущей станціи

удовольствіе костоломной тряски, я предпочелъ ѣхать верхомъ впереди тарантаса. Выѣхать пришлось подъ вечеръ и при невольной медленности движенія скоро застала насъ темнота. Трудно придумать болѣе пустынную и дикую мѣстность. Все время дорога вьется по узкой береговой полосѣ на днѣ узкаго ущелья, которое какъ-бы разсчитано только для пропуска бурнаго потока, но никакъ не для людскихъ прогулокъ. Но объ стороны голыя темныя скалы такой высоты, что нужно было далеко назадъ закидывать голову, чтобы увидать верхніе ихъ зубцы и между ними крошечную заплатку ночнаго неба. Дорога и бока скалистыхъ стѣнъ усѣяны темными обломками всевозможныхъ формъ и величинъ. Стѣна, притискивающая дорогу къ рѣкѣ, мѣстами отвѣсная, мѣстами даже надвигается. Въ иномъ мѣстѣ противоположныя стѣны до того сдвигаются, что казалось просвѣта впереди уже нѣтъ и дорога ведетъ въ какую-то подземную трубу. Подъ самымъ ухомъ назойливый шумъ Джувана, кругомъ ни птицы, ни насѣкомаго, ни растительности, а торчавшіе кое-гдѣ внизу изолированные пучки сухой и желтой травы скорѣе усугубляли печальный видъ этого пейзажа. Экипажъ далеко отсталъ, и я одинъ съ моею лошадью оживлялъ это мертвое царство. Когда взошла луна, ее самой невидно было изъ-за гигантскихъ стѣнъ, но косыя полосы свѣта, падая на скалы и трещины, придавали имъ еще болѣе фантастическій и мрачный видъ. Нѣкоторые камни блистали металлическимъ блескомъ.

Я могъ сказать стихами Данте:

Come noi fummo giù nel pozzo scuro
Ediomirava ancora all'alto muro[1]).

(Inferno CXXXII).

И вообще картина этого ущелья мнѣ напоминала иллюстраціи Густава Доре къ I части Божественной комедіи.

[1]) Когда мы находились внизу въ темномъ колодцѣ
И я еще созерцалъ его высокія стѣны....

Весьма возможно, что самъ поэтъ почерпнулъ часть красокъ, которыми онъ въ различныхъ мѣстахъ рисуетъ пейзажи Ада, въ дикихъ горныхъ мѣстностяхъ, наприм. во время путешествія его черезъ Альпы. Здѣсь я какъ-бы изображалъ Данте, вступающаго въ царство тьмы, но роль Виргилія на этотъ разъ приняла на себя лошадь, водившая меня въ различные ярусы ада; была, впрочемъ, и та разница, что поэтъ спускался все ниже и ниже, а мы все выше и выше поднимались, поперемѣнно лишь спускаясь въ крутыхъ склонахъ.

Въ стѣнахъ Джуванъ-Арыкскаго ущелья выступаютъ темноцвѣтные кристаллическія породы — гранитъ, сіенитъ, діорить и того же цвѣта тальково-кремнистаго сланца[1]). Мѣстность эта, впрочемъ, не вездѣ такъ безплодна и пустынна, какъ по дорогѣ. На крышѣ этихъ скалъ, обрывающихся къ ущелью стѣнами въ 1000 и 1500 фут., есть пастбище, тамъ гуляетъ *горный козелъ* (тэкъ) и бываютъ киргизскія кочевки. Горное дѣло имѣетъ здѣсь будущность; въ горахъ этихъ есть богатыя залежи *каменной соли*, въ особенности долина рѣки Чу наполнена соленосными глинами. Неподалеку отъ Кумбель-аты она теперь уже добывается.

Наконецъ мы разстались съ Джуванъ-Арыкомъ[2]), который остался влѣво, и поздно вечеромъ добрались до станціи, расположенной на пустынной, кругомъ закрытой голыми горами, площадкѣ съ малой рѣчкой по срединѣ. Грунтъ здѣсь уже необыкновенно плотный, каменисто-глинистый. На этой станціи, въ одной кропечной комнатѣ, снабженной, впрочемъ, пирмою, стѣнными часами и необходимою мебелью, пришлось пробыть долго, за недостаткомъ лошадей, благодаря двойному проходу почты и медленности сообщенія.

Въ ясное прохладное утро отправились далѣе къ *Карагуркуту*, куда первая половина дороги оказалась неожидан-

[1]) Свѣрцовъ. „Путешествіе по Туркестанскому краю“ 1873 г.

[2]) Онъ и Кочкара, сливаясь, образуютъ рѣку Чу.

но удобною, но затѣмъ уже пришлось мнѣ пересѣсть на купленную дорогой киргизскую лошадь. Дорога на этомъ переходѣ продолжаетъ подниматься. Передъ выѣздомъ въ обширную Долонскую долину ямщики мнѣ заявили, что въ горахъ ее окружающихъ избрали себѣ притонъ киргизскіе *барантачи*, которые здѣсь стерегутъ проѣзжихъ сартовъ, дунганъ, вообще людей, у которыхъ небываетъ оружія, и отбираютъ у нихъ лошадей и другое что найдется. Къ русскимъ нерѣшаются приближаться, такъ какъ у нихъ предполагается огнестрѣльное оружіе, сами же они вооружены большею частію только пиками. Дѣйствительно, когда мы въѣзжали, наверху что-то зашевелилось, кучка всадниковъ стала тамъ разъѣзжать вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ. Тѣмъ дѣло, разумѣется, и ограничилось, барантачи удовольствовались многозначительными взглядами, относимыми въ нашу сторону, а въ отвѣтъ получили насмѣшливыя улыбки нашихъ ямщиковъ. Вообще, не смотря на преслѣдованія со стороны администраціи, баранта въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ Семирѣчья еще не совсѣмъ угасла, выражаясь то тутъ, то тамъ вооруженнымъ грабежомъ скота, но до смертоубійства дѣло рѣдко доходитъ.

Когда мы въѣхали на *Долонскій перевалъ*, мы застали по бокамъ горъ почти у самой дороги снѣгъ. И немудрено, перевалу этому считаютъ 9800 фут. надъ уровнемъ моря. Отъ него, какъ отъ узла, направляются въ разныя стороны нѣсколько хребтовъ.

Съ перевала спустились въ длинное живописное ущелье, по дну котораго течетъ рѣка *Оттукъ*. Здѣсь глазамъ неожиданно представисъ оживленныя, болѣе мягкія картины. Появилась невиданная съ самаго Вѣрнаго *ель*. Вообще ѣль есть только по сѣвернымъ склонамъ Тянь-шаня, и то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ больше атмосферныхъ осадковъ, вслѣд-

ствіе встрѣчи теплаго западнаго и холоднаго восточнаго вѣтровъ; снѣга въ свою очередь способствуютъ накопленію влаги.

Сначала стали встрѣчаться ели развѣшными кучками, въ видѣ застрѣльщиковъ, потомъ цѣлымъ лѣсомъ, живописными группами распредѣленнымъ по бокамъ и верхушкамъ горъ съ обѣихъ сторонъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ въ разсыпную, широкимъ потокомъ спускается съ горы, въ другомъ стоитъ правильными шеренгами, одна надъ другою, какъ ряды солдатъ, въ третьемъ изъ каждой складки горной стѣны до самаго верха выглядываетъ зеленая ватага елей. Въ промежуткахъ лѣса красовался яркозеленый коверъ альпійскихъ травъ, кое-гдѣ подернутый золотистымъ оттѣнкомъ осени, а изъ-подъ нихъ мѣстами видѣлись обнаженные участки хребта, въ видѣ сѣрыхъ сневатыхъ красныхъ зубцовъ и морщинистыхъ полосъ горнаго известняка и песчаника. Мысли въ головѣ человѣка перекрещиваются неожиданнѣйшимъ образомъ: при взглядѣ на одно мѣсто этого ущелья мнѣ вдругъ вспомнился альпійскій видъ, виданный мною еще въ дѣтствѣ на картинкѣ, изображавшей Генриха IV въ видѣ пилигрима, когда онъ столь жалостнымъ образомъ отправлялся чрезъ Альпы на поклонъ къ Гильдебранту. Кстати здѣшніе пейзажи дѣйствительно напоминаютъ альпійскіе, какъ они мнѣ представились при проѣздѣ изъ Вероны черезъ Бреннеръ въ Баварію.

Подъѣзжая къ станціи, я увидѣлъ давно невиданныя бревенчатыя избы, изъ которыхъ одна занята станціею. Значитъ лѣсу здѣсь вдоволь. Въ горахъ, у подножія которыхъ расположенъ Вѣрный, еловаго лѣса столько, что онъ служитъ украшеніемъ пейзажа, но строить деревянные дома тамъ, какъ и въ остальномъ Семирѣчьѣ, запрещается.

Слѣдующая станція—опять новый дорожный курьезъ: по дну ущелья, Оттукъ бѣжитъ до того извилисто, что приходится переѣзжать въ бродъ болѣе 30 разъ. Вода мѣстами лошади по брюхо, но это считается низкая вода. А что зна-

чить высокая, объ этомъ красноречиво говорятъ десятка полтора исковерканныхъ мостовъ; жалобно выставляютъ они свои свороченныя на сторону спины, какъ-бы говоря, что они могли-бы годиться на что-нибудь, но—среда забла. Весной случается, что вовсе принуждены бываютъ бросать почтовый трактъ и возить все вьюкомъ, гдѣ-то высоко по горамъ. Скука этого почти непрерывнаго брода нѣсколько искупается красивой обстановкой: сверху до самаго дна ущелія спускаются по обѣимъ сторонамъ дороги стройныя ели, такъ что ѣхать приходится какъ-бы лѣсомъ. Между хвойникомъ выглядываютъ *рябина*, *синовникъ*, *барбарисъ*, и проч. Наконецъ при выходѣ изъ ущелья гладкая стенная дорога. Она пролегаетъ по высокой долинѣ, обрамленной низкими горами, которыя большею частію были покрыты пожелтѣвшей травою. Здѣсь опять признаки жизни, ключи, засѣянные киргизскимъ ячменемъ и кое-гдѣ стоги сѣна. Послѣднее указываетъ на то, что киргизы—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые—приняли къ свѣдѣнію бѣдствіе прошлой зимы, постигшее нарынскія волости. Извѣстно, что большинство этихъ кочевниковъ до сихъ поръ не считаютъ нужнымъ припасать для животныхъ кормъ на зиму, предоставляя имъ самимъ доставать его изъ-подъ снѣга. Но въ зиму $\frac{1885}{1886}$ г. случилось, что послѣ снѣга была оттепель, потомъ опять морозъ и глубокій снѣгъ, скотъ не въ состояніи былъ добывать траву изъ-подъ льда и погибалъ массами. Среднимъ счетомъ изъ 10 барановъ оставался одинъ.

Вотъ и рѣка Нарынъ, чистая, не бурная и уже довольно широкая[1], а на лѣвомъ ея берегу укрѣпленіе. Послѣднее, конечно, не можетъ быть названо чудомъ фортификаціи. Невысокая стѣна, валикъ, ровъ и казармы, въ которыхъ помѣщаются человѣкъ 100 команды, полусотня казаковъ и нѣ-

[1] Нарынъ ничто иное, какъ начало Сыръ-Дарьи. Въ Средней Азіи нерѣдко одна и та же рѣка носитъ различныя названія въ различныхъ мѣстахъ своего теченія.

сколько крѣпостной артиллеріи; все это можетъ быть страннымъ только для азіятовъ, но это только и требуется. Нарынъ, по отдаленности и пустынности своей, одно изъ тѣхъ злачныхъ мѣстъ нашихъ окраинъ, которыхъ служащіе наши обыкновенно избѣгаютъ, какъ ссылки на поселеніе. Что дѣлать! безъ этихъ мѣстъ нельзя,—они передовыя звенья той цѣпи русскихъ поселеній, которая внѣдряется въ мусульманскій и китайскій востокъ, шагъ за шагомъ, отвоевывая почву отъ азіятскаго варварства. Что эти слова не слишкомъ сильны, мы увидимъ ниже. Мнѣ кажется, что каждый, кто прожилъ годъ—другой въ такихъ мѣстахъ, нѣкоторымъ образомъ заслужилъ право на названіе піонера цивилизаціи, и было бы справедливо, чтобы служба въ такихъ изолированныхъ пунктахъ, по крайней мѣрѣ, пользовалась нѣкоторыми привилегіями, которыхъ, однако, до сихъ поръ нѣтъ. Нигдѣ, какъ въ этихъ обездоленныхъ углахъ, вся атмосфера зависитъ отъ качества мѣстнаго старшаго начальства. Въ этомъ отношеніи въ настоящее время Нарынъ счастливъ. Вліяніе К. А. Ларіонова, соединяющаго образованіе и знаніе края съ достоинствомъ характера, можетъ быть названо благотворнымъ. Въ этомъ ему помогаетъ и его супруга, которая въ прежнее время сопровождала его во всѣхъ экспедиціяхъ для изслѣдованія этого края въ топографическомъ и метеорологическомъ отношеніи.

Самое поселеніе Нарынъ, находящееся въ укрѣпленіи, довольно приличное и почти исключительно торговое. Нѣсколько длинныхъ, широкихъ и чистыхъ улицъ, дома сырцовокирпичные, съ плоскими крышами и палисадниками. Зелень послѣднихъ—преимущественно ива—оказалась еще свѣжею. Главная улица представляетъ гостиный дворъ, лавки котораго исключительно азіятскія, а хозяева ихъ частію татары, большею же частію чернобородые сарты въ халатахъ и чалмахъ; здѣсь проходитъ главная часть товаровъ изъ Кашгара. Всѣхъ торговцевъ считаютъ до 300.

Окрестности Нарына непривлекательны. Котловина, окруженная голыми желтовато-сѣрыми горами, по недостатку открытаго горизонта названная солдатами „карцеромъ". Въ нѣкоторомъ отдаленіи въ горахъ есть нѣсколько пятнышекъ низкорослаго ельника. Почва замѣчательно плотная, состоящая изъ суглинка въ перемежку съ мелкой галькой. Вода относительно богата известью, которой вообще въ здѣшнихъ горахъ довольно. Есть, между прочимъ, богатая залежь алебастра. Климатъ, вслѣдствіе высокаго положенія (7000—8000 фут. надъ уровнемъ моря), очень холодный; капуста здѣсь не вызрѣваетъ, а картофель бываетъ немногимъ болѣе лѣснаго орѣха. Благодаря холодности климата, плотности почвы, отсутствію болотъ, сравнительно чистой водѣ, ширинѣ и чистотѣ улицъ, Нарынь остается однимъ изъ болѣе здоровыхъ мѣстъ Семирѣчья, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ экономическій запасъ хинина, накопившійся въ аптекѣ лазарета, тогда какъ въ большинствѣ остальныхъ нашихъ лазаретныхъ аптекъ въ немъ постоянный недостатокъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что вновь пріѣзжіе здѣсь нерѣдко страдаютъ нервными припадками—головною болью, чувствомъ одышки и безпредметной душевною тоскою, что отчасти объясняется высотою мѣста.

Во время прогулки по Нарынскому гостиному двору пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ сцены въ восточномъ вкусѣ. Скамейки, ступеньки и завалинки передъ нѣсколькими лавками посыпаны халатоносной публикой. Отъ бѣлобородыхъ старцевъ въ бѣлыхъ чалмахъ до босоногихъ мальчишекъ всѣ сидятъ, какъ окаменѣлые, приковавъ взоры къ человѣку, ходящему взадъ и впередъ по улицѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ лавокъ. Субъектъ этотъ въ бѣлой чалмѣ съ желтымъ кушакомъ и въ шелковомъ халатѣ, громкимъ голосомъ что-то разсказываетъ. То онъ остановится, протягивая руки впередъ, надсаживая голосъ и выпучивая глаза, то пойдетъ уско-

реннымъ шагомъ, говоря скороговоркой, то сѣсть, какъ-бы въ задумчивости, говоря чуть не шепотомъ, то опять войдетъ въ пафосъ, словомъ импровизируетъ что-то очень трогательное. Это, оказывается, былъ странствующій разсказчикъ или лекторъ, преподающій легенды изъ житія мусульманскихъ святыхъ. Ремесло это очень выгодное, разсказчика носятъ на рукахъ и хорошо одариваютъ.

II.

ОТЪ НАРЫНА ДО КАШГАРА.

Дорожныя приготовленія.—Атбаши.—Маршрутъ чрезъ Тянь-шань. Плоскогоріе Каракоинъ.—Курганы и некрополи.—Разсказъ джигита.—Природа Каракоина.—Сурки и сѣрый медвѣдь.—Пѣсни казаковъ и разсказы Семенина. Холодные ночлеги и горная тоска.—Голосъ верблюда.—Ташрабатская долина и древній монастырь.—Припадокъ горной болѣзни.—Выступленіе къ Ташрабатскому перевалу.—Разговоръ съ Мамѣкомъ и описаніе чорта.—Перевалъ и видъ на долину Чатыркуля.—Озеро Чатыръ-куль.—Волки.—Преимущества американскаго сѣдла.—Перевалъ Тургартъ.—Природа плоскогорья и «Крыша міра».—Метель.—Гроза въ снѣговой тучѣ.—Характеристика киргизовъ.—Природа долины Кокона и Суіока.—Крѣпость Чакмакъ.—Привалъ въ сакѣ и китайскіе воины.—Селеніе Артышъ.—Лѣсъ и растительность кашгарскихъ оазисовъ.—Въѣздъ въ Кашгаръ.

Какъ ни плохъ Нарынскій почтовый трактъ, но все же онъ, по крайней мѣрѣ, почтовыми станціями своими напоминаетъ путешественнику, что послѣдній еще не совсѣмъ предоставленъ на произволъ судьбы. За Нарыномъ же, или точнѣе за Атбаши, начинается пустынный, холодный и голодный, горный путь, на протяженіи котораго кое-гдѣ кочуютъ киргизы, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ на нѣсколько дневныхъ переходовъ, даже ихъ нѣтъ. Нѣтъ ни домовъ, ни дровъ, ни съѣстныхъ припасовъ. Движеніе совершается вьюкомъ по одному переходу, т.-е. верстъ по 25—30 въ день, для ночлега полагается юрта, которую выставляютъ къ этому времени увѣдомленные впередъ киргизы, туда же достав-

лиютъ нѣсколько хворосту и барановъ. Я, впрочемъ, пріобрѣлъ въ Нарынѣ для себя малаго образца киргизскую юрту, извѣстную подъ названіемъ *кошъ*. Остовъ ея, какъ и въ большихъ, состоитъ изъ складной рѣшетки, накрывается онъ кошмами; послѣднія я въ Кашгарѣ еще обшилъ вторымъ слоемъ, въ виду предстоявшаго возвращенія. Для команды я взялъ конопляную же палатку. Подобные подвижные дома всегда слѣдуетъ имѣть съ собою въ такихъ путешествіяхъ, хотя-бы предвидѣлось выставленіе юрть. Послѣдствія показали, что предосторожность моя была умѣстною. Караванъ нашъ состоялъ изъ 4-хъ вьючныхъ верблюдовъ и 12 всадниковъ, т.-е. кромѣ меня, фельдшера и деньщика, было 6 конвойныхъ казаковъ, 2 киргизскихъ джигита, знавшихъ дорогу, и одинъ верблюдовожатый. Первый ночлегъ представлялъ еще нѣчто среднее по части удобствъ. Это тоже была войлочная юрта, но большая и плотная, выставленная на дворѣ аксакала селенія Атбаши, находящагося верстахъ въ 45-ти отъ Нарына, у подошвы сѣвернаго склона хребта Ать-башъ-тау, въ очень высокой (около 7500 фут. надъ уровн. моря), но, тѣмъ не менѣе, плодородной долинѣ, которая при томъ снабжается словымъ лѣсомъ изъ ближайшихъ горъ[1]). Здѣсь домовъ до 80, населенныхъ сартами и татарами, которые отчасти живутъ торговлей съ киргизами, но кромѣ того сѣютъ ячмень, пшеницу и клеверъ. Передъ нашимъ пріѣздомъ только что окончилась атбашская *ярмарка*, гдѣ киргизамъ сбываются русскіе и кашгарскіе товары, изъ послѣднихъ преимущественно хлопчато-бумажныя ткани (мата и даба).

Двѣ до извѣстной степени параллельныя дороги ведутъ отъ Нарына къ Кашгару: первая черезъ перевалы Богуминты и Теректы, вторая черезъ перевалы Ташъ-рабатъ и Тургартъ, мимо озеро Чатыръ-куля; послѣдній путь былъ

[1]) Существуетъ проектъ перенесенія Нарынскаго укрѣпленія въ это мѣсто. Оно дѣйствительно лучше перваго во многихъ отношеніяхъ.

нашъ, онъ немного длиннѣе, но за то, говорятъ, удобнѣе (??) перевала въ данное время года. Почти на половинѣ этихъ дорогъ, перерѣзывая высокіе перевалы Тургартъ и Теректы, проходитъ русско-китайская граница. Стало-быть, первая половина дороги поднимается по сѣверной, вторая спускается по южной сторонѣ Тянь-шани. Этотъ громадный альпійскій хребетъ Средней Азіи вообще отличается скудостію лѣсовъ, суровыми и пустынными видами, но все это на сѣверной сторонѣ выражено еще въ болѣе мягкой формѣ.

Подъемъ до подножія Тянь-рабата продолжался два дня. Дорога идетъ большею частію высокими обширными долинами, иногда ущельями, часто приходится переѣзжать въ бродъ различныя рѣчки, впадающія въ рѣку Аты-баши (притокъ Нарына). Часть пути лежитъ вдоль р. *Каракоша*, потомъ по р. Тянь-рабату. Въ серединѣ дня бывало почти жарко, но какъ только приближался часъ заката, то чувствовался рѣзкій холодъ.

116211

Дни были ясные и небо голубое. Послѣднее, по крайней мѣрѣ, пріятно разнообразило общій печальный сѣроватый колоритъ ландшафтовъ. Горы, ограничивавшія горизонтъ по обѣ стороны, частью выставляли сѣрыя лысины, частью были покрыты сѣро-желтой травой, степь поросла сѣровато-желтымъ чіемъ, мѣстами вдали виднѣлись сѣрыя юрты киргизскаго аула, наконецъ, попадавшіяся по временамъ жилища мертвыхъ имѣли тотъ-же цвѣтъ. Вообще вездѣ, гдѣ есть киргизы, нерѣдко встрѣчаются ихъ мѣста погребенія, окруженныя грубой работы глиняными стѣнами, съ башенками по угламъ. Иногда эти кладбища прямо имѣютъ видъ некрополей, что встрѣчалось и здѣсь: вы видите купола съ открытыми входами, балкончики, разные выступы, террасы и пристроечки,—словомъ, приспособленія, какъ-бы для живыхъ людей, на самомъ же дѣлѣ это—царство покойниковъ, возвышающееся среди безмолвной пустыни. Архитектурныя издѣ-

лія эти, конечно, очень грубой работы, все изъ глины.

Одинъ изъ нашихъ джигитовъ, словоохотливый и подвижной Мамéкъ, между прочимъ, поясниль намъ, когда мы проѣзжали мимо одного такого некрополя, что иногда покойники встаютъ и блуждаютъ по окрестностямъ, въ особенности замѣчено, что если похоронень человѣкъ, оставшійся кому-нибудь должень, то онъ не можетъ успокоиться и блуждая издаетъ крики „отдамъ, отдамъ!“ Нужно замѣтить, что киргизы вообще очень совѣстливы въ отдачѣ долговъ; происхожденіе подобныхъ разсказовъ, вѣроятно, въ связи съ этой чертой ихъ характера. Кромѣ того, встрѣчаются *курганы*, происхожденіе которыхъ киргизы приписываютъ живнимъ здѣсь прежде калмыкамъ. Они сложены изъ камней, которые мѣстами еще выступаютъ правильными рядами, но все засыпалось землею.

Грунтъ, которымъ мы ѣхали, большею частью такой же плотный суглинистый, какъ около Нарына; онъ могъ-бы послужить для хорошей колесной дороги, только въ ущельяхъ много камня. Рѣка Каракопнть въ теперешнемъ своемъ объемѣ и даже во время половодья, представляетъ сравнительно ничтожную жилку, текущую по широкому, устланному галькой, руслу. Въ отдаленныя времена здѣсь, повидимому, текла большая рѣка. Кромѣ преобладающей травы *чій*, попадается стелющаяся по самой землѣ очень мелкая полынь. Что касается чія, то меня удивляетъ, почему онъ заслужилъ ботаническое названіе Lasia grostis *splendens*, когда въ немъ рѣшительно ничего нѣтъ блестящаго. Скорѣе это прилагательное шло-бы къ *ковылю* (stipa pennata: бѣлые султаны этой красивой травы въ самомъ дѣлѣ какъ-бы блестятъ на солнцѣ, когда колышатся какъ волны на степномъ вѣтру. Здѣсь ковыля мало, однако, кое-гдѣ по горамъ видѣли его. Гдѣ посырѣе, тамъ попадается карликообразный цвѣтущій *одуван-*

чай, мелкіе цвѣтки *Potentilla* и красныя ягодки *буладурука* (Nitratia caspica), имѣющія по виду отдаленное сходство съ малиной; вкусъ ихъ сладковатый, но вообще не важный. Попадавшаяся въ ущельяхъ трава *молочай* въ это время года уже не содержитъ и слѣда молочнаго сока. Изъ животныхъ часто перебѣгалъ черезъ дорогу черный *жучекъ* изъ породы Carabus, иногда проныгнетъ небольшая сѣрая *ящерица*. Разъ видѣлъ даже *бабочку* изъ рода—Vanessa. Часто попадаются *суркова* норы, самихъ-же обитателей ихъ здѣсь не пришлось видѣть, они въ это время уже почиваютъ зимнимъ сномъ. Лѣтомъ они обыкновенно съ любопытствомъ дожидаются прежихъ у входа своего дворца и затѣмъ съ рѣзкимъ свистомъ исчезаютъ. Немало здѣсь водится *волковъ*, *архаровъ* (горный баранъ, Ovis Polii), *горныхъ козловъ*; есть двѣ породы *медвѣдя*, черный и сѣрый. Сѣрый меньше перваго, но злѣе и иногда, говорятъ, нападаетъ на человѣка. Потомъ я видѣлъ такого медвѣдя въ Кашгарѣ, на цѣпи; онъ, дѣйствительно, очень свѣтлой масти, но скорѣе желтый, чѣмъ сѣрый. Даже когти у него бѣлые. Сверцовъ относитъ его къ горнымъ формамъ ursus arctos. Тяньшаньскій медвѣдь осенью главнымъ образомъ питается сурками, которыхъ выкапываетъ изъ зимнихъ квартиръ въ состояніи спячки. Птицъ почти не видали, хотя вообще Тянь-шань ими не бѣденъ. Многихъ, вѣроятно, уже не было, по случаю поздняго времени.

По возможности мы старались разнообразить себѣ монотонность путешествія. Между казаками были хорошіе пѣвцы. Бывало, запоютъ хоромъ о томъ „какъ мы воевали за Царьей“ и т. д., или „гдѣ мы были, гдѣ гуляли“, или „что, служивый, закручинился“, и т. п., и волны ихъ молодецкой пѣсни разливались далеко во всѣ стороны, замирая въ ущельяхъ Караконскихъ горъ. Киргизскіе джигиты, въ особенности Мамекъ, обыкновенно, вели оживленную бесѣду съ тѣми изъ русскихъ, которые знали по-киргизски. Къ послѣднимъ при-

надлежалъ фельдшеръ Байгуловъ, который во всю дорогу служилъ мнѣ переводчикомъ. По свойственной киргизамъ обидительности, живости и жаждѣ къ новостямъ, насъ обыкновенно сопровождало еще человѣкъ 5—6 верхомъ отъ ночлега до ночлега. Вытянувшись впереди каравана въ шеренгу, эта почетная гвардія двигалась среди неумолкаемыхъ разговоровъ.

Двое изъ казаковъ уже бывали въ Кашгарѣ, при конвоѣ консула. Одного изъ нихъ, Семенина, добродушнаго, расторопнаго и наблюдательнаго парня, я нѣсколько разъ разспрашивалъ о Кашгарѣ, и онъ мнѣ кое-что разсказалъ про тамошнюю жизнь. Говоря о кашгарцахъ, онъ большею частью, кажется, незамѣтно для него самого, называлъ ихъ „сартишками", причемъ, впрочемъ, слышалось болѣе или менѣе добродушное пренебреженіе. О господахъ же ихъ, т.-е. китайцахъ, онъ разсказывалъ съ болѣе замѣтнымъ отрицаніемъ, какъ-де они ѣдятъ всякую „скверь" и на закуску покуриваютъ „опіону", какъ у нихъ офицеры и солдаты одѣты бабами, какъ тѣхъ и другихъ бьютъ палками, какъ они жестоко пытаютъ и казнятъ провинившихся, и т. д.

Пріѣдя на ночлегъ, для котораго, обыкновенно, назначалось какое-нибудь ущелье, уставшій и озябшій караванъ оживлялся. Я принимался за чай, казаки и киргизы разводили костры, варили баранину и чай, въ одной группѣ слышались оживленная гортанная трескотня и смѣхъ киргизовъ, въ другой шутки и хохотъ моей русской свиты, далѣе кругомъ ржанье лошадей, трубные звуки верблюдовъ и озабоченный лай слѣдовавшей съ нами казачьей собаки. Послѣдняя носила кличку „Кривой", по случаю помутнѣнія всей роговой оболочки одного глаза. Ночью казаки по очереди оставались на часахъ, что дѣлалось главнымъ образомъ для сбереженія животныхъ, какъ отъ могущихъ слѣдить за караваномъ конокрадовъ, такъ и отъ волковъ. На этихъ при-

валахъ я, обыкновенно, не раскидывалъ своего коша, а пользовался юртой, которую приготовляли впередъ прибывшіе киргизы, команда же ночевала въ своей войлочной палаткѣ.

Неособенно привѣтливыми показались мнѣ эти ночлеги. Только что успѣешь согрѣться чаемъ, какъ уже начинаетъ прокрадываться холодъ, температура юрты быстро опускается и скоро останавливается на 5 или 4°. У меня была взята изъ Нарына небольшая желѣзная печка, но она была слишкомъ мала, изъ дырявой юрты быстро все выносило и она почти ничего не помогала: на разстояніи 1—2 аршинъ отъ нея термометръ поднимался всего на нѣсколько градусовъ, при томъ она дымила. Поэтому я ее приказывалъ топить только рано утромъ, чтобы добиться хотя 4—5° передъ вставаньемъ. Въ палаткѣ, обыкновенно, скоро все умолкало; поѣвъ и напившись чаю, публика наша исчезала въ своихъ кошмахъ и тулупахъ. Я же не могъ такъ моментально отдаваться сну, а дѣлать, между тѣмъ, было рѣшительно нечего. Рука коченѣла надъ писаніемъ, да и мысли не вяжутся въ такой атмосферѣ. Я оживалъ только на ночь, когда накрывался сноткой, которая гарантировала нормальную температуру, утромъ же вставалъ при 2° R. И все-таки это еще была благодать, въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало меня впослѣдствіи.

Непріятность этихъ Тянь-шаньскихъ вечеровъ увеличивалась тѣмъ, что меня по временамъ посѣщала безпредметная *тоска*—явленіе, не мною первымъ замѣченное при восхожденіи на высокія горы.

Утромъ, какъ только пробьются въ ущелье первые лучи солнца, все быстро оживало и скоро капризные крики верблюдовъ, которыхъ начинали вьючить, пробуждали горное эхо. Замѣчательно, что голосъ этого животнаго никакъ не соотвѣтствуетъ его почтенному росту. Верблюдъ большею частью издаетъ дискантныя ноты. Когда онъ въ покоѣ, то

выпускать по временамъ односложный крикъ, похожій на звукъ рожка; когда же его словами „чокъ, чокъ“ приглашаютъ опуститься на колѣна, для принятія груза, или когда приглашаютъ ѣсть, нарушая его dolce far niente и жеваніе жвачки, тогда у него выходятъ истинно комическіе звуки. Воротя морду, то направо, то налѣво, онъ производитъ какой-то плачъ, похожій на хныканье капризнаго ребенка. Иногда онъ вдругъ вздохнетъ тономъ озабоченнаго старика. Если же вожакъ чѣмъ-нибудь ему уже очень надоѣлъ, то онъ его оплеваетъ.

Въ Ташъ-рабатскомъ ущельи (или долинѣ) пришлось сдѣлать дневку, отчасти, чтобы дать животнымъ время собраться съ силами для предстоящаго подъема, а отчасти, чтобы самимъ нѣсколько свыкнуться съ рѣдкостью воздуха. Уже самое ущелье лежитъ по меньшей мѣрѣ на 11.000 футахъ.

Пустынный, печальный видъ этой долины. Со всѣхъ трехъ сторонъ своихъ она окружена горами, отчасти покрытыми скудной пожелтѣвшей травой, а на склонахъ усыпанными снѣгомъ. День здѣсь значительно сокращается заслоняющей горной оградой, чѣмъ еще скорѣе охлаждается воздухъ. 9-го сентября въ полдень на солнцѣ было 12^0 R., ночью морозъ. Нельзя было найдти болѣе подходящаго мѣста для той археологической рѣдкости, которая оказалась въ этой долинѣ и которую теперь опишу.

Въ закрытомъ углу треугольника увидите непривычнаго вида посѣдѣвшее каменное зданіе. Оно представляетъ четыреугольникъ съ плоскимъ верхомъ, въ срединѣ котораго сидитъ, въ видѣ конька, грубый полуразвалившійся куполъ. Во внутренность зданія ведетъ единственный, довольно высокій сводчатый входъ, оконъ нѣтъ никакихъ. Входное отверстіе есть начало коридора, который въ средней части зданія нѣсколько расширяется, перекрещиваясь съ другимъ болѣе коротkимъ, т.-е. въ центрѣ образуется нѣчто въ родѣ

залы, которая приходится подъ куполомъ. Изъ нея въ четыре стороны идутъ сводчатые коридоры. Изъ передняго, т.-е. входнаго, въ одну сторону идутъ еще боковые, болѣе узкіе коридоры. Какъ въ главныхъ, такъ и въ боковыхъ коридорахъ, замѣчаются въ стѣнѣ отверстія вышиною въ 1—1½ арш., которыя ведутъ въ глухія кельи. Кельи внизу четырехугольныя, кверху круглыя, сводъ у нѣкоторыхъ обвалился, тѣ же, въ которыхъ онъ сохранился, абсолютно темныя. Объемъ ихъ, судя по глазомѣру и измѣренію шагами, не болѣе 1 кубической сажени. Входить въ нихъ приходится сильно нагибаясь, а въ нѣкоторыя совсѣмъ ползкомъ. Внутренность ихъ совершенно голая, нѣтъ ни слѣда каминовъ, нары, ниши и т. п. Все зданіе сложено изъ соединенныхъ цементомъ неправильныхъ кусковъ сѣраго и красноватаго сланца, котораго много въ окрестностяхъ. Въ средней залѣ мѣстами сохранились куски грубой штукатурки, но какихъ-либо изображеній, какъ-то барельефовъ, надписей и т. п. въ настоящее время нѣтъ никакихъ. Но сейчасъ прибавить переданное мнѣ подполковникомъ Волковымъ, который видѣлъ это зданіе въ 1871 г., т.-е. 15 лѣтъ раньше меня: въ то время на штукатуркѣ можно было разобрать грубыя фигуры трехглаваго коня и пятиглаваго дракона. Надо полагать, что штукатурка съ этими изображеніями съ тѣхъ поръ обвалилась. Теперь можно увидѣть только какія-то арабскія надписи, сдѣланныя, очевидно, проѣзжими мусульманами какихъ-нибудь караванонъ, которые въ дурную погоду ставятъ лошадей подъ своды этой руины. Длина всего зданія около 48 шаговъ, ширина 36, высота купола аршинъ 12, высота главнаго коридора около 4. Кто построилъ это зданіе и какое было его назначеніе? Крѣпостью или частнымъ жилищемъ оно не могло быть. Тюрьмой еще меньше,—кому могла понадобиться тюрьма на такомъ отдаленномъ и неудобномъ мѣстѣ? Притомъ устройство келій не такое, какое бываетъ въ тюрьмахъ, наприм. нѣтъ слѣдовъ прикрѣпленія замковъ,

ѣшей и т. и. Скорѣе всего на такомъ мѣстѣ можно было-бы предположить домъ, устроенный для убѣжища караванов, которые, дѣйствительно, очень давно ходятъ этимъ путемъ. Но физіономія его совершенно особенная, вовсе не похожая на караванъсараи и рабаты, устроенные съ этою цѣлью. Кому могло придти въ голову затратить столько лишняго матеріала затѣмъ, чтобы сдѣлать входъ въ отдѣльныя кельи столь недоступнымъ и совершенно изолировать его отъ свѣта? Въ среднемъ большомъ помѣщеніи и теперь въ непогоду укрываются караваны, но отдѣльными разсѣянными норами никто и не думаетъ пользоваться. Отдѣльные покои караванъсарая обыкновенно располагаются въ рядъ, прямо со двора или сѣней, а не прячутся по извилинамъ узкихъ и темныхъ ходовъ. Если нужно было большее число отдѣльныхъ помѣщеній для проѣзжихъ, что, впрочемъ, тоже не въ обычаѣ у некультурныхъ народовъ и при караванномъ способѣ передвиженій, то можно было-бы употребить лишній матеріалъ для увеличенія наружной стѣны и расположить камеры вдоль двора или сѣней, что было-бы несравненно удобнѣе и проще. Всего правдоподобнѣе, что это былъ родъ *монастыря*, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, подавалъ помощь и пріютъ (въ средней залѣ проѣзжимъ, но какой это могъ быть монастырь? Скитообразная форма главныхъ коридоровъ наводитъ на мысль о христіанахъ. Есть, дѣйствительно, основаніе допустить существованіе въ среднія вѣка христіанскихъ монастырей въ Семирѣчьи. Напримѣръ, одна изъ надписей недавно открытаго около г. Пишпека несторіанскаго кладбища гласитъ: „это могила Шеиха, славнаго экзегета и проповѣдника, который просвѣтилъ всѣ монастыри свѣтомъ“. Года смерти въ доселѣ разобранныхъ надписяхъ простираются отъ половины 9 до 14 столѣтія. Древнѣйшія могилы этого кладбища глубже болѣе новыхъ. Съ другой стороны извѣстно, что въ Кангаріи въ началѣ среднихъ вѣковъ процвѣталъ буддизмъ, который долго боролся съ мусульманствомъ и, въ-

роятно, успѣлъ распространиться и на сѣверѣ по тѣмъ-же путямъ, которыми шло христіанство, разносимое несторіанскими миссіонерами. Можетъ быть, фантастическія животныя, о которыхъ выше было упомянуто, скорѣе составляютъ намекъ на буддизмъ, хотя, впрочемъ, слѣдуетъ помянуть, что въ этихъ отдаленныхъ краяхъ и христіане иногда дѣлали уступки мѣстнымъ понятіямъ и обычаямъ. Но во всякомъ случаѣ нужно полагать, что если этотъ домъ служилъ постояннымъ мѣстопребываніемъ для какихъ-нибудь людей, обрекшихъ себя для служенія Богу и ближнимъ, то такихъ обителей, вѣроятно, немного было на свѣтѣ.

Немало было отшельниковъ, которые жили въ пещерахъ, но это обыкновенно бывало въ странахъ южныхъ, гдѣ такой кровъ могъ дать лишь пріятную прохладу, притомъ въ пещерѣ, прямо выходящей на свѣтъ Божій, можетъ быть довольно еще свѣта. А тутъ, гдѣ климатъ, можно сказать, полярный, гдѣ и топлива-то нѣтъ[1]), да и невидно рѣшительно никакихъ приспособленій для отопленія, а всякій другой способъ разведенія огня долженъ былъ повести къ удушенію въ этихъ каменныхъ ящикахъ! Лежа вечеромъ въ моемъ холодномъ войлочномъ отелѣ, я представлялъ себѣ каково было существованіе жильцовъ этихъ конуръ, постоянно обреченныхъ вкушать подобныя удовольствія. А лишеніе свѣта? Положимъ, думать надо, что если это было келья, то въ нихъ теплились лампады, и такое, очевидно, намѣренное исключеніе дневнаго свѣта, вѣроятно, было заведено съ цѣлью большей торжественности и сосредоточенности. Но, тѣмъ не менѣе, самое пріученіе себя къ такому жалкому суррогату солнечныхъ лучей чего-нибудь должно было стоить человѣку. И къ этому разобщеніе съ людьми, печальная мѣстность и исключеніе самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ приспособленій, ибо не видно даже чего-нибудь, напоминающаго кухни, кладовыя и т. д. Житіе киргиза въ юртѣ, въ холод-

[1]) Даже въ лѣсистыхъ частяхъ Тянь-шаня нѣтъ лѣсу на такой высотѣ.

ное время года и въ ненастье, когда приходится закрывать куполь ея и опускать дверную конму, тоже неособенно привлекательно, но все-таки его далеко нельзя приравнять житію въ этихъ каменныхъ гробахъ. Вообще можно допустить, что если тутъ когда-нибудь существовали члены какой-нибудь общины, то это были люди сильной воли, тѣмъ болѣе, что они должны были жить въ большой бѣдности, иначе самое существованіе такой беззащитной обители въ горахъ, извстяи бывшихъ мѣстопребываніемъ грабительскихъ кочевыхъ племенъ, не могло быть возможнымъ. Если здѣсь были христіане, то, конечно, монахи принадлежали къ той-же несторіанской вѣтви христіанскаго ученія, которая распространилась по здѣшнему краю въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, и находились въ связи съ несторіанскими же христіанами Самарканда, Кашгара, Мерва, Герата, Ханбалыка (Пекина) и проч.; обо всѣхъ этихъ митрополіяхъ упоминается въ одной дошедшей до насъ несторіанской рукописи 9-го вѣка. Мудрено сказать, къ какому вѣку слѣдуетъ отнести эту постройку, о самомъ характерѣ и происхожденіи которой у мѣстныхъ кочевниковъ сохранились самыя противорѣчивыя и неправдоподобныя легенды. Но отъ нея вѣетъ чѣмъ-то очень отдаленнымъ и, по крайней мѣрѣ, нельзя сомнѣваться, что эта сумрачная обитель, запрятавшаяся въ забытое ущелье азіятскихъ альповъ, стоитъ передъ нами молчаливымъ вѣстникомъ сѣдыхъ временъ.

Здѣсь на высотахъ Тянь-шаня, какъ была пустыня, такъ она и есть, т.-е. она и теперь продолжаетъ быть современною той отдаленной эпохѣ, когда несторіанскіе миссіонеры завели свѣточъ ученія къ тюркскимъ племенамъ. Да и въ долинахъ Семирѣчья лишь на нашихъ глазахъ повѣяло новымъ духомъ, и онъ со временъ несторіанцевъ снялъ полусномъ первобытныхъ формъ жизни. А взглянуть на занавѣсъ—какая безконечно длинная вереница событій и совершившихся судебъ проходитъ мимо насъ за это долгое тысячелѣтіе!

Когда рылись первыя могилы въ томъ кладбищѣ, которое въ наши дни опять увидѣло свѣтъ Божій,—въ Россіи еще только начинали думать о призывѣ варяговъ; священная Римская Имперія Карла Великаго только-что расценилась на зарождающуюся Францію и Германію; папство, на нашихъ глазахъ сдавшее тысячелѣтнюю свою свѣтскую власть, тогда только въ ней стало укрѣпляться, а Григорія VII-го, вѣроятно, еще здѣсь не родилося; Венеція только что пустила корни на островѣ Ріальто; норвежецъ Гунбіорнъ, отдаленный предшественникъ Колумба, открываетъ берегъ Гренландіи, а нормандскіе лодьи еще плавали вдоль береговъ Европы, высматривая мѣста для основанія царствъ, которыя теперь давнымъ-давно разсыпались!

Весьма пожалѣлъ я, что не могъ изслѣдовать склепа, имѣющагося въ монастырѣ, гробницы и кости котораго, вѣроятно, дали-бы какія-нибудь свѣдѣнія о характерѣ и исторіи этого зданія. Киргизы, водившіе меня по крышѣ, или, вѣрнѣе сказать, по наружной болѣе или менѣе низкой поверхности потолка этого зданія, показывали мнѣ мѣсто склепа, при чемъ увѣряли, что тамъ похоронены „сарты и киргизы“. Систематическимъ археологическимъ изслѣдованіямъ остается поднять эту завѣсу.

. . . . . .

Во время пребыванія въ этой долинѣ я вдругъ почувствовалъ признаки горной болѣзни: [1]) одышку, сердцебіеніе и общую слабость, что, впрочемъ, продолжалось не болѣе получаса. Одновременно сопки окружающихъ горъ одѣлись было вдругъ туманомъ и, вѣроятно, эта перемѣна въ атмосферѣ усилила крайне непривычно слабаго давленія этого рѣдкаго воздуха. Въ другое же время и въ *спокойномъ положеніи* дыханіе и пульсъ лишь немного измѣняются, если вообще измѣняются: въ сидячемъ положеніи въ этомъ ущельи у меня пульсъ

[1]) Къ ея припадкамъ, впрочемъ, относится уже и безотчетная тоска, которую я у себя замѣчалъ по-временамъ.

быль 72, дыханіе 20, въ Вѣромъ-же (2.500 фут.), при тѣхъ же условіяхъ, бываетъ у меня въ среднемъ 70 и 18.

„День, назначенный для перевала чрезъ Ташъ-рабатъ, вышелъ великолѣпный. Было тепло всѣхъ предыдущихъ дней и небо совершенно ясно. Разными извилинами поѣхали мы вверхъ по съуживающемуся ущелью, сопровождаемые компаніей въ 6—8 сосѣднихъ киргизъ, подъ предводительствомъ бія. Ближе надвигались снѣжныя сопки. Вотъ открылась узкая щель, дорога ленточкой бросается по крутой щекѣ горы, налѣво глубокая пропасть и на днѣ ея рѣчка. Это все еще такой путь, по которому можно было вести бесѣду. „Для препровожденія времени я спросилъ Мамёка черезъ переводчика, водятся-ли черти въ этихъ горахъ. „Нѣтъ“, сказалъ онъ, „эти чисты, а тамъ дальше къ Чатырь-кулю ихъ видѣли не разъ и случалось, что они душили людей, но по прочтеніи молитвы отпускали свою добычу“. Я просилъ его описать ихъ наружность. Оказалось, что они бываютъ ростомъ съ барана, съ осла, иногда съ человѣка, но больше того ихъ не видали; тѣло ихъ покрыто темной шерстью; голова сзади собачья, спереди свиная, при этомъ еще рога; на всѣхъ четырехъ конечностяхъ человѣческія ноги, сзади хвостъ. О качествѣ глазъ онъ ничего не могъ сообщить.

Пора, впрочемъ, было покончить съ антропологіей чайтана; дорога становилась трудною. „Дороги, впрочемъ, никакой уже и не видно было. Мы взбирались по вдоль наклонной плоскости, усѣянной галькою и мѣстами покрытой снѣгомъ и гладкимъ льдомъ. Верблюды начинали скользить и пріостанавливаться. Поддерживая верблюдовъ сбоку и цѣпляясь надъ обрывомъ. Мамёкъ и остальные киргизы съ гикомъ подгоняли ихъ. Тутъ можно было подивиться проворству киргизской лошади, которая карабкается тамъ, гдѣ и человѣческая нога должна пробираться съ большою осторожно-

стью. Ниже и ниже становились горные зубцы, большею частью прикрытые дѣвственнымъ снѣгомъ, кое-гдѣ, впрочемъ, выставлявшіе свою сѣрую наготу. Мѣстами снѣгъ спекшійся на поверхности (Firn) блисталъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. По дорогѣ, окруженные снѣгомъ, еще попадаются цвѣты: potentilla, низкорослые одуванчики, нѣсколько зонтичныхъ и злачныхъ. Небо оставалось яснымъ и сіяло италіянской синевой. Вотъ, наконецъ, послѣдній поворотъ налѣво и тутъ началась самая трудная часть задачи. Обрисовался самый перевалъ. Это стѣна футовъ въ 200 вышиною и такой крутизны, что стоящій на самомъ ребрѣ ея изъ-за выступовъ горы не можетъ видѣть, что дѣлается у основанія. Проѣхавъ отъ поворота еще нѣсколько десятковъ саженъ, стали взбираться. Взглянувъ вверхъ человѣкъ небывалый можетъ подумать, что тутъ нѣтъ никакой возможности вскарабкаться. Крутизна бы еще куда ни шла, но она вся усыпана подвижною галькою, съ которой, казалось-бы, лошадь непремѣнно должна сорваться. Гдѣ лежалъ снѣгъ, тамъ было относительно легко, но на голыхъ мѣстахъ кони взбирались только при помощи безчисленныхъ ломанныхъ линій, на которыя приходится раздроблять путь по плоскости подъема. И все-таки, говорятъ, въ гололедицу случается, что лошадь срывается и летитъ въ глубину. Многочисленные скелеты различныхъ вьючныхъ животныхъ, лежащіе на бокахъ перевала, иллюстрируютъ во-очію, какъ трудно онъ имъ достается. И крутизна, и рѣдкость воздуха до такой степени утомляли бѣдныхъ лошадей нашихъ, что чрезъ каждыя 5—6 минутъ нужно было останавливаться, чтобы дать имъ отдышаться. Впереди ѣхали киргизскій бій и одинъ изъ джигитовъ, за ними я, за мною казакъ, остальной караванъ собирался около поворота. Попадаются и между казачьими лошадьми очень шустрыя. Лошадь ѣхавшаго за мною казака была сибирячка, да притомъ изъ степной полосы, но лазала не хуже киргизской, правда что она, по крайней мѣрѣ, была кована, у

киргизъ же этихъ нѣжностей не соблюдаютъ.

Наконецъ, мы четверо взобрались, вслѣдъ за нами поспѣлъ и Кривой, который тутъ-же свернулся кренделемъ и уснулъ. Вотъ, наконецъ, мы сами на такой высотѣ, что высокіе зубцы почти съ нами сравнялись, нѣкоторые, пожалуй, были даже ниже и мы могли смотрѣть черезъ нихъ. Впереди и далеко внизу открывалась панорама долины *Чатырь-куля* и по срединѣ ея серебрилось самое озеро. Солнце продолжало сіять и термометръ на самомъ перевалѣ показывалъ 7° R. Я не чувствовалъ никакихъ неудобствъ, кромѣ непривычной усталости при самыхъ легкихъ движеніяхъ; даже бинокль часто приходилось отнимать отъ глазъ, чтобы дать отдохнуть рукѣ. Высота этого перевала надъ уровнемъ моря около 12.900 фут. Онъ только въ самое жаркое время на нѣсколько дней обнажается отъ снѣга, сосѣднія же сопки никогда.

Созерцая окрестность, мы вдругъ услышали, поднимавшіеся изъ глубины, жалобные крики нашихъ верблюдовъ. „Заплакали" проворчалъ казакъ, стараясь увидѣть, что тамъ дѣлается. Вскорѣ поднялся мой Дементій и объявилъ, что верблюды легли и никакими силами ихъ нельзя заставить идти въ гору. Тутъ, какъ нельзя болѣе кстати, оказались киргизы. Живо они перевьючили вьюкъ верблюдовъ на своихъ лошадей, сами пошли пѣшкомъ и такимъ только образомъ удалось провести на гору „корабли пустыни", которые вообще по горнымъ дорогамъ не могутъ конкуррировать съ лошадью. Кромѣ того верблюдъ и по степи идетъ медленнѣе лошади. Вслѣдствіе всего этого я тутъ-же далъ себѣ слово при обратномъ шествіи чрезъ Тянь-шань взять только лошадей подъ вьюкъ.

Проволочка эта, однако, заставила насъ потерять добрые полчаса на перевалѣ, а что въ такихъ мѣстахъ вообще должно синѣть, въ этомъ скоро убѣдились. Когда я поднялся, было еще совершенно ясно, только надъ Чатырь-кулемъ про-

ныкала легкая тѣнь. А вотъ почти внезапно сосѣдніе зубцы, одинъ за другимъ, одѣлись облачной вуалью и пошелъ крупный снѣгъ. Глядя какъ по сторонамъ и впереди все исчезало въ туманѣ, я вспомнилъ строку изъ Миньоны Гете:

Kennst du der Berg mit seinem Wolkensteg?
Das Maulthier sucht im Nebel seinen Weg?

и т. д.

Снѣгъ, впрочемъ, столь-же скоро и пересталъ и когда мы спустились съ главной крутизны, небо опять прояснилось.

На берегу рѣчки, впадающей въ озеро, для насъ были выставлены юрты, которыя киргизскіе глаза открыли еще съ перевала. Горизонтъ окаймлялся горами, сплошь покрытыми снѣгомъ. Высота озера 11.570 фут.[1]. Оно пръсноводное, длина его около 2 верстъ, ширина меньше. Въ немъ водится рыба *марынка* (Diptychus) и *осман* (Oreinus), которыя вообще преобладаютъ въ водахъ тяньшаньской системы[2]. Замѣчательно, что въ существующихъ описаніяхъ Чатыръ-куля о немъ говорится, какъ объ озерѣ, лишенномъ рыбы,—на основаніи отзыва киргизъ,—каковое извѣстіе, между прочимъ, перешло и въ иностранныя сочиненія (см. Эл. Реклю l'Asie russe. 1881). Между тѣмъ, бывшіе со мной киргизы не только заявляли о существованіи рыбы, но не затруднялись называть и породы ея. А съ другой стороны много въ окрестностяхъ водяныхъ птицъ, питающихся, конечно, рыбою, на что обратилъ вниманіе и Г. Каульбарсъ. Почва береговъ озера глинистая и относится къ послетретичнымъ отложеніямъ[3]). Мѣст-

[1]) По 3-мъ опредѣленіямъ П. О. Петровскаго, сдѣланнымъ помощію точныхъ кипѣнія инструментами Негретти и Зомбра и съ расчетомъ степени влажности воздуха.

[2]) Тотъ и другой относятся къ семейству карповыхъ и замѣчательны вдовитостью своихъ внутренностей, особенно печени, которую поэтому и выбрасываютъ во время кухоннаго приготовленія. По верхнему теченію рѣкъ рыба вообще мельче, чѣмъ внизу.

[3]) Мушкетовъ. „Туркестанъ". 1886.

ность пустынная. Въ данное время и всѣ киргизы исчезли, но лѣтомъ кое-кто здѣсь кочуетъ.

Ночью (съ 10-го на 11-е сентября) былъ такой морозъ, что рѣчка покрылась толстой корой льда. Пробовали было 3 волка подползти на брюхѣ къ нашимъ лошадямъ, часовой казакъ два раза стрѣлялъ, не попалъ, но они обратились въ бѣгство.

Солнце взошло, но на встрѣчу намъ дулъ такой убійственно пронизывающій холодный вѣтеръ, что я продрогъ въ енотовой шубѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ можно сдѣлать сравненіе, какая разница ѣхать въ холодъ и вѣтеръ въ экипажѣ, или же верхомъ. Хорошо, что, по крайней мѣрѣ, ногамъ было тепло, чѣмъ я обязанъ былъ моему американскому сѣдлу, именно деревяннымъ его стременамъ, снабженнымъ спереди кожанными клапанами. Вообще для меня удивительно, почему до сихъ поръ европейцы не заводятъ у себя этого сѣдла, которое по удобству едва-ли не лучшее изъ всѣхъ, въ особенности годилось-бы для войскъ [1]).

Равниною ѣхали часа полтора, послѣ того стали показываться уступы и подъемы, но все въ такомъ скромномъ видѣ, что до перевала Гурутартъ добхали довольно незамѣтно. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ внушительную цифру 12.760 фут. надъ уровнемъ моря. Только спускъ сначала нѣсколько крутой. На самомъ перевалѣ съ правой стороны небольшая пирамида изъ камней—это пограничный знакъ. Китай насъ встрѣтилъ такою-же пустынею, какую мы вкушали до сихъ поръ, только одна ворона, сидѣвшая какъ разъ за переваломъ на скалѣ, вытянувъ шею, изъ всѣхъ силъ привѣтствовала насъ на своемъ негармоническомъ языкѣ, по поводу чего я разслышалъ ироническое замѣчаніе ѣхавшаго сзади Дементія, что „видно, заграничныя птицы поютъ не лучше нашихъ“.

---

[1]) Оно имѣетъ только одно небольшое неудобство, обнаруживающееся при дальнихъ походахъ: сидѣніе слишкомъ твердое, но это можетъ быть легко устранено.

Поѣхали опять высокою, степною мѣстностью, огаймленной съ двухъ сторонъ осадочными горами сѣраго и краснова-таго цвѣта[1]; большинство ихъ, впрочемъ, было покрыто снѣгомъ. Степь еще была покрыта короткимъ желтымъ чіемъ. Лѣтомъ здѣсь кочуютъ, теперь не было никого. Вообще высокія долины и плоскогорья Тянь-шаня имѣютъ характеръ степей, что подтверждается тождественностію многихъ горныхъ растеній со степными, какъ это показалъ г. Остен-Сакенъ. Не видали ни звѣрей, ни птицъ, ни насѣкомыхъ, только сурковыя норы напоминали о чемъ-то живомъ. Здѣсь, впрочемъ, тоже водятся Ovis Polii и другія крупныя животныя Тянь-шаня.

Плоскую возвышенность Памира, какъ извѣстно, называютъ „крышею міра", вслѣдствіе необыкновеннаго ея возвышенія (12.000—14.000 фут.). Здѣшняя равнина, хотя нѣсколько ниже, все-же покрайней мѣрѣ средняя крыша міра. Жаль только, что съ этой крыши самаго міра не видно, а видны только пустынныя, засыпанныя снѣгомъ, перила ея.

Намъ было объявлено, что и на эту ночь выставятся юрты, но мы до нихъ не могли добраться. Попался густой снѣгъ и къ этому стемнѣло, вслѣдствіе чего весьма пригодились походная юрта и войлочная палатка, которыя везли съ собою. Мы остановились у подножія одиноко стоящей пирамидальной горы *Конгъ-Кизе́*, у рѣчки *Конгъ*. Пока раскладывали палатки, я имѣлъ случай полюбоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ: изъ *синевой* тучи, висѣвшей чуть не надъ самой головой, блеснула молнія и раздался раскатъ грома. Дѣло въ томъ,

---

[1]) Около Тургарта (по Столичкѣ) преобладаютъ массивные известняки и третичные песчаники. Вообще между Чатыръ-кулемъ и Кашгаромъ различаютъ три геологически различныя горныя цѣпи: сѣверная и отчасти средняя состоятъ изъ древнихъ осадочныхъ, южная, самая низкая,—изъ новыхъ третичныхъ породъ. Въ сѣверной части средней, впрочемъ, замѣчаютъ базальты и третичныя породы.

что на этихъ высотахъ дожди вообще не бываетъ, а должность его исправляетъ снѣгъ.

При помощи джигитовъ, съ юртой и съ палаткой скоро справились, несмотря на снѣгъ и сумерки. Я скрылся отъ непогоды въ своей импровизированной спальнѣ, въ которой затопили печку, чѣмъ она доведена была на полчаса до 6°. Скоро и въ палаткѣ слышно было, что публика наслаждается чаемъ, бараниной, отдыхомъ и веселыми разговорами, въ которыхъ по обыкновенію неизмѣнно участвовали Мамéкъ и его добродушный, хотя болѣе молчаливый, товарищъ *Батай*. Вообще я долженъ замѣтить, что не напрасно похвалилъ симпатичный характеръ киргиза въ своей монографіи „Киргизы“[1]). Подобно тѣмъ растеніямъ, которыя въ пескѣ горячей пустыни развиваютъ сочные листья и плоды, этотъ народъ въ непроглядныхъ пустыняхъ своей родины ухитрился выработать веселость, добродушіе, довѣрчивость и безкорыстную услужливость. Эти качества, вмѣстѣ съ неутомимостью, феноменальной памятью мѣста и умѣньемъ найтись въ трудныхъ случаяхъ, дѣлаютъ киргизовъ драгоцѣнными спутниками въ дорогѣ, въ особенности въ пустынныхъ непривѣтливыхъ мѣстахъ. Я, разумѣется, старался вознаградить ихъ труды, но знаю изъ многихъ примѣровъ, что они на это вообще не разсчитываютъ. На слѣдующій день мы встрѣтили нѣсколько киргизскихъ старшинъ, передавшихъ мнѣ карточку нашего Кашгарскаго консула, П. О. Петровскаго, съ удостовѣреніемъ личности посланныхъ. Юрты намъ выставлялись по распоряженію китайскаго начальства, какъ и въ нашихъ предѣлахъ. Киргизы эти были китайскіе подданные, но вообще принимали насъ ни сколько не хуже, чѣмъ русскіе ихъ соплеменники.

Замѣтно было, что мы спускаемся. Снѣгъ оставался лишь

[1]) „Записки“ Зап.-Сибирск. Отдѣла Геогр. Общества. 1886 г.

на верхушкахъ горъ. Трава стала зеленѣе, появились ягоды бульдуруна и колючій кустарникъ *чилга* (Caragana frutescens), называемая здѣшними киргизами *алтынай*, тогда какъ большой видъ извѣстенъ подъ именемъ *карагай*. Оба названія ботаниками превращены въ латинскія. Растеніе это даетъ прекрасное топливо. Появились хвощъ и гребенщикъ (Tamarix), который впослѣдствіи столь долго мозолилъ намъ глаза. Въ одномъ мѣстѣ на скалахъ росла трава *ашкан* съ красными солоноватыми листьями, которые киргизы ѣдятъ. Мнѣ хотѣлось достать пучекъ ея. Узнавъ объ этомъ, Мамёкъ, не теряя словъ, погналъ свою лошадь на гору по такой крутизнѣ, гдѣ я человѣку съ большой осмотрительностью слѣдовало-бы лазать, сорвалъ траву и возвратился тѣмъ-же способомъ.

Неподволь становилось теплѣе. Дорога пошла широкимъ сухимъ логомъ, усѣяннымъ галькой, вообще весь спускъ до Кашгара сильно каменистый и напоминаетъ русло большой рѣки, по дну его течетъ рѣчка *Коюкъ*, потомъ *Суюкъ*, которыя, конечно, никогда его не наполняютъ.

Потомъ появились, къ нашему удовольствію, первыя деревья, довольно высокіе и зеленые тополи, которые росли внизу одиноко или небольшими группами. Горы за то становились все болѣе и болѣе голыми и на остановкахъ трудно было достать какого-нибудь корму для животныхъ. Проѣхали, между прочимъ, мимо заброшенной сартовской крѣпости „*Чонкакъ*“. Глинобитныя, грубо сооруженныя стѣны, съ отверстіями для ружей, вообще укрѣпленіе неважное, но мѣсто выбрано удачно: скалы неприступныя, а стѣны и укрѣпленія съ обѣихъ сторонъ узкаго прохода.

Чѣмъ дальше, тѣмъ дорога скучнѣе. Тополи опять исчезли, берега русла, болѣе и болѣе расширяющагося, представляютъ совершенно обнаженныя сѣрыя скалы, состоящія большею частію изъ конгломерата. Мѣстами камни, въ немъ заключенные вывалились и скала представляетъ рѣшетчатый видъ.

Не доѣзжая до перваго Кашгарскаго селенія, всего верстъ 35 отъ Кашгара, стоитъ первый китайскій никетъ, т.-е. небольшое глинобитное укрѣпленьеце, въ которомъ живетъ нѣсколько человѣкъ солдатъ. Оно, кажется, постоянно стоитъ пастежь, а на дворѣ его разводится тополевая аллея. Здѣсь сдѣлали мы привалъ, мнѣ отвели „комнату“ и объявили, что ко мнѣ сейчасъ прибудетъ, живущій въ Артышѣ, китайскій офицеръ, которому Кашгарскій губернаторъ поручилъ привѣтствовать меня. Комната была подобіемъ тѣхъ жалкихъ сакель, которыя въ безконечномъ разнообразіи разсѣяны здѣсь по деревнямъ и городамъ, и потому я ее опишу подробнѣе. Полы и стѣны изъ сѣрой, кое-какъ накиданной и притоптанной глины, половина покоя занята нарами, т.-е. широкимъ глинянымъ же возвышеніемъ, въ одной стѣнѣ грубѣйшій глиняный каминъ; вмѣсто окна дира въ потолкѣ, около фута въ квадратѣ. Самый потолокъ устроенъ изъ камыша или соломы, снаружи покрытый слоемъ опять-таки глины; основаніемъ его служатъ нѣсколько параллельныхъ бревенъ, поперекъ которыхъ накиданы жерди. Крыши особой не имѣется, ея должность исправляетъ потолокъ. На концѣ грубо сколоченная деревянная дверь безъ замка и даже ручки. Когда я расположился чай пить, явился офицеръ въ сопровожденіи шести солдатъ. Онъ мнѣ протянулъ руку, что-то пробормоталъ по-китайски и указалъ на корзинку съ персиками, дынями, которую одинъ изъ солдатъ поставилъ на нары. Я пригласилъ офицера присѣсть подлѣ меня на нары, угостилъ его чаемъ и вступилъ въ разговоръ, при посредствѣ двухъ переводчиковъ. На тюркскій[1] языкъ переводилъ мои слова фельдшеръ Байгуловъ, а его слова переводилъ одинъ изъ китайскихъ солдатъ на китайскій и такъ обратно. Вообще китайцы не даютъ себѣ ни малѣйшаго труда познакомиться съ языкомъ своихъ подданныхъ сартовъ, а офице-

[1]) Языки киргизовъ и сартовъ представляютъ разновидности его, такъ что тѣ и другіе понимаютъ другъ друга, хотя бываютъ недоразумѣнія.

ры и чиновники, кажется, принципіально считаютъ такое знакомство униженіемъ.

Во время нашего разговора, въ два ряда стояли китайскіе солдаты. Оружія при нихъ не было, а по остальнымъ аттрибутамъ никакъ нельзя-бы было угадать ихъ профессію. На головѣ имѣлись синіе платки, повязанные на подобіе того, какъ это водится у нашихъ женщинъ изъ простонародья. Сзади спускалась коса. Поверхъ длиннаго синяго или чернаго халата или кафтана у нѣкоторыхъ напялено былъ официальный „военный" костюмъ, а именно: у одного была пунцовая кофта безъ рукавовъ, съ бѣлымъ кругомъ спереди и сзади, на которомъ какая-то надпись[1], у другаго черная кофта съ расширяющимися книзу рукавами и широкими желтыми бортами и узорами, у третьяго просто темная кофта, остальные оставались въ кафтанахъ безъ кофтъ. На ногахъ у всѣхъ были чулки и классическіе китайскіе шерстяные башмаки, тупоносые съ мягкой подошвой, которая толщиной безъ малаго въ вершокъ. Понадобилось мнѣ первое предостереженіе самому себѣ, чтобы не улыбнуться при видѣ столь отборныхъ военныхъ туалетовъ. Вообще въ наружности китайцевъ мало мужскаго, платокъ на головѣ, коса, безбородость, камзолъ, похожій на женскую кофту, съ болтающимися рукавами, длинный исподній кафтанъ, изъ-подъ котораго часто не бываетъ видно штановъ и который напоминаетъ юбку, башмаки—все это даетъ имъ видъ бабъ; даже голосъ часто бываетъ крикливый. Впрочемъ, при разсматриваніи лицъ этихъ солдатъ, расположеніе къ смѣху у меня прошло, а напрашивалось нѣчто худшее. Монгольскій типъ въ одной изъ наиболѣе грубыхъ своихъ формъ, толстыя, какъ-бы опухшія вѣки, несходящіеся носы, толстыя губы, грязножелтая кожа, отсутствіе усовъ и бороды,—а поверхъ всего какое-то животно-грубое, плебейское въ худ-

[1]) Надпись эта, какъ я узналъ послѣ, изображаетъ имя и титулъ того начальника, который нанялъ даннаго солдата на службу.

шемъ значеніи слова) выраженіе лица, которое, при обращеніи къ офицеру еще ухудшалось примѣсью подобострастія. Мои казаки передъ нимъ казались красавцами, а ужево всякомъ случаѣ джентельменами. Что касается офицера, то онъ и одѣтъ, и лицомъ скроенъ былъ много лучше. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, хотя въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, на что указывалъ синій стеклянный шарикъ на шляпѣ. Шляпа офицеровъ и чиновниковъ хотя вообще предетавляетъ верхъ безвкусія, но довольно тонкой работы. Поля ея заворочены кверху до уровня дна, такъ что вся шляпа приблизительно похожа на усѣченный конусъ, обращенный основаніемъ кверху. На серединѣ плоскаго дна колпака возсѣдаетъ пишка или шарикъ, къ которому идутъ, какъ радіусы къ центру, желтые шелковые шнурки, а отъ задняго края прямо назади торчатъ два черныхъ пера. Самое важное въ шляпѣ шарикъ: у младшихъ оберъ-офицеровъ онъ прозрачный, безцвѣтный у старшихъ молочный, у штабъ-офицеровъ синій, у генераловъ красный. У унтеръ-офицеровъ простая мѣдная пишка, но также два черныхъ пера. На офицерѣ было два кафтана, одинъ покороче съ широкими рукавами и отложнымъ воротничкомъ, другой длинный, въ родѣ подрясника, тотъ и другой шелковые, темносѣрые, на ногахъ сапоги, безформенные, какъ какія-нибудь спальныя ихтя, и съ безобразно толстыми подошвами, но съ претензіями на шикъ, ибо они были изъ чернаго атласа и съ вышитыми узорами на носкахъ. Лицо его было безусое, желтое, но черты тонкія и выраженіе довольно интеллигентное. Онъ, видно, конфузился и старался это прикрывать частымъ потягиваніемъ изъ кальяна[1]), который ему подавалъ и поправлялъ одинъ изъ солдатъ. Я предложилъ ему, нѣсколько вопросовъ относительно его мѣсторожденія, мѣста

[1]) Кальянъ этотъ весь мѣдный, состоитъ изъ чубука и небольшаго ящика, вмѣщающаго всѣ приспособленія, т.-е. трубку, резервуаръ для воды и ящичекъ для запаснаго табаку.

жительства его родителей и т. д. и поднесъ ему, въ отвѣтъ на фрукты, баночку духовъ и нѣсколько большихъ шоколадныхъ конфектъ съ картинками. Когда онъ понюхалъ первыхъ и отвѣдалъ вторыхъ, на лицѣ его изобразилось дѣтски-наивное удовольствіе. Видно было, что это ему впервые. Затѣмъ мы распростились.

Артышъ появился, какъ зеленый оазисъ въ пустынѣ. И, дѣйствительно, мы въѣзжали въ страну, гдѣ всѣ населенныя мѣста вкраплены, какъ точки, въ обширную пустыню. Дно того высохшаго моря, которое теперь изображаетъ Кашгарія, покрыто то *лёссомъ* (желтоземомъ), то летучимъ пескомъ и солонцами. Гдѣ побольше лесса, тамъ жизнь, но его сравнительно мало[1]. Артышъ представилъ намъ образчикъ той культуры, до которой доросли деревни, а отчасти и города Кашгаріи. При необыкновенной сухости климата, земледѣліе было-бы немыслимо безъ искусственнаго орошенія, которое, какъ въ Туркестанѣ, проводится каналами (арыками) на поля и сады. На поляхъ преобладаетъ *кукуруза* (кунакъ), *джугара* т.-е. *сорго, хлопчатникъ, клеверъ*, рѣже встрѣчаются *пшеница, просо* и *рисъ*. Сорго въ это время (половина сентября) уже поспѣвалъ и его колосья, представляющіе крупную яйцевидную шишку, уже принимали пепельно-сѣрый оттѣнокъ. Въ аллеяхъ встрѣчаются всего чаще *тополь* и *ива*, затѣмъ *джида*[2] (Eleagnus argentea) и *тутъ*. Въ садахъ хорошо идутъ *виноградъ, персики, гранатъ, айва* и *винная ягода; груши* и

[1]) Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Внутренней Азіи, лёссъ играетъ роль нашего чернозема. Лёссовая глина, представляющая сѣровато- или бѣловато-желтую массу, состоитъ изъ мелко-землистой глины, мельчайшаго песка и углекислой извести. Вся масса проникнута множествомъ мельчайшихъ трубочекъ или поръ, происшедшихъ отъ истлѣвшихъ растеній. Благодаря прекрасному механическому смѣшенію частей и выгодному процентному содержанію солей, лёссъ при орошеніи очень плодороденъ. (Пржевальскій. Изъ Зайсана въ Тибетъ. 1883.)

[2]) Ягода ея съѣдобна.

яблоки разводятъ рѣже. Черешни и виноградъ превосходны, послѣдній въ это время былъ уже убранъ. На огородахъ всего обыкновеннѣе *арбузы, дыни, морковь, лукъ*, свѣтся также *капуста, горохъ, сладкій картофель*, но обыкновенный картофель добывается европейцами съ большимъ трудомъ. Изъ домашнихъ животныхъ почти исключительно держатъ *куръ, ословъ, лошадей* и *барановъ*, рогатый скотъ лишь кое-гдѣ, да и то главнымъ образомъ для работы, мясо же его и молочные продукты почти не употребляются.

Та же почва, которая кормитъ кашгарца, даетъ ему и кровъ. Куда ни взглянешь—глина. Изгородь изъ безобразныхъ комковъ глины, не заслуживающихъ названіе кирпичей. Изъ такихъ же комковъ, смѣшанныхъ съ соломою, накиданы стѣны сакель; полы, нары и поверхность двора—тоже глина. Внутренность убогихъ домовъ здѣшнихъ сартовъ того-же типа, какъ комната ишкета, которую я описалъ выше, о небольшихъ разновидностяхъ упоминать не стоитъ. Темнота и пыль, поднимающаяся съ половъ и сыпящаяся съ потолковъ, конечно, не служатъ къ украшенію здѣшнихъ жилищъ. Впрочемъ, въ нихъ есть одна благопріятная черта въ санитарномъ отношеніи, о которой я упомяну ниже. О самихъ жителяхъ рѣчь тоже впереди. Ночуя въ этой деревнѣ, мы опять побаловались тепломъ, вечеромъ было 14° R. въ саклѣ.

Путь отъ Артыша до Кашгара до такой степени безжизненный, что я его могу сравнить развѣ съ берегами Аравіи, какими они мнѣ представились около Адена и пролива Бабельмандебъ. Дорога пролегаетъ все по дну той-же ложбины, которая повидимому изображаетъ русло неполнической дилювіальной рѣки, изливавшейся въ нынѣшнюю Кашгарію. Она густо усѣяна камнями, а отдаленные берега ея такого же вида, какъ выше было описано. Дно ложбины мѣстами всхолмлено, вслѣдствіе чего приходилось нѣсколько разъ подниматься и опускаться. Кромѣ одного зеленѣющаго вдали

пятна все сѣро, пусто, неподвижно и безмолвно. Даже приближеніе къ порядочной деревнѣ обыкновенно обозначается бо́льшими признаками жизни, чѣмъ приближеніе къ этому двадцати-тысячному городу.

Когда, наконецъ, онъ самъ сталъ ясно обозначаться, въ видѣ дымящихся точекъ, окруженныхъ зеленой каймой, нѣсколько погонщиковъ ословъ по крайней мѣрѣ оживили дорогу.

Верстахъ въ 4-хъ отъ города намъ сдѣлали дружескую встрѣчу. Сначала насъ привѣтствовало нѣсколько мусульманъ въ парадныхъ халатахъ и чалмахъ; это были русскіе подданные, состоящіе здѣсь торговыми аксакалами (старостами). Потомъ обрисовался развѣвающійся по утреннему вѣтру значокъ 2-го конно-сибирскаго полка и взводъ казаковъ и консульскаго конвоя прокричалъ намъ привѣтствіе молодецкое „здравіе желаемъ“ и проч. Помощникъ консула пріѣхалъ въ колескѣ, въ которую я пересѣлъ и мы отправились въ городъ въ помѣщеніе консульства.

III.

КАШГАРЪ.

Отсутствіе поэзіи Востока.—Отзывъ Марко Поло.—Положеніе и физіономія Кашгара.—Дома и сады.—Питаніе жителей.—Занятія на улицахъ.—Китайскія казни.—Одежда жителей.—Типъ Кашгарца.—Темпераментъ и характеръ.—Бѣдность.—Половой развратъ и дешевизна женщинъ.—Употребленіе одуряющихъ веществъ.—Увеселенія.—Пѣніе и музыка.—Умственное развитіе.—Муллы и дервиши.—Изгнаніе чорта.—Торговля и промышленность.—Экономическое и соціальное положеніе.—Судъ и управленіе.—Китайскіе порядки.—Эмиграція рабочихъ.—Ненависть къ Китаю и тяготѣніе къ Россіи.—Андижанцы.—Денежный курсъ и финансовые силлабусы китайскаго начальства.—Янгишаръ.—Китайская крѣпость и караулъ.—Китайскій базаръ.—Куреніе опіума.—Параллель съ Японіей.—Китайскія жилища и экипажи.—Убіеніе Шлагинтвейна.—Визитъ китайскому губернатору.—Отвѣтный визитъ.—Китайское чиновничество.—Угощенія.—Казнокрадство и высасываніе народа.—Послѣдователи Талейрана и Торквемады.—Поклоненіе Богдыхану.—Санитарное состояніе Кашгара.—Консульство.—Полковникъ-конюхъ.—**Голландскій миссіонеръ.**

Города мусульманскаго Востока выработали свою своеобразную культуру и поэзію, которыя всякому памятны. Можно было ожидать, что городъ, считавшійся значительнымъ уже во время посѣщенія его знаменитымъ венеціанцемъ Марко Поло, т.-е. въ 13-мъ столѣтіи, тоже чѣмъ-нибудь постоитъ за себя среди своихъ азіятскихъ товарищей. Но гдѣ-же бѣломраморныя мечети, сады съ воздушно-стройными кіосками, съ розами и соловьями, колоннады, украшенныя арабесками, таинственные внутренніе дворы съ журчащими фонтанами, бани съ разминаніемъ, съ кальяномъ и нѣгою и вечерними rendez-vous женщинъ, гдѣ базары съ кофейнями и сказками Шехеразады? Ничего, хотя-бы отдаленно похожаго, здѣсь нѣтъ и, конечно, никогда и не было[1]).

Кашгаръ расположенъ въ сѣверо-западной окраинѣ Кашгаріи, въ равнинѣ, хотя высота его надъ поверхностью моря 4.100 фут. Онъ занимаетъ возвышенный берегъ рѣки *Ки-*

[1]) Марко Поло, наприм., только похвалилъ сады и виноградники, о зданіяхъ же или какихъ-нибудь замѣчательныхъ сооруженіяхъ совершенно умалчиваетъ. (Землевѣдѣніе Риттера. Востокъ и Туркестанъ).

зылъ-су или *Каппаръ-дарья*. Почва сильно глинистая (лессовая), какъ вообще въ здѣшнихъ оазисахъ. Глина лежитъ футовъ на 10, подъ нею песокъ, потомъ попадается вода, которая выше уровня рѣки. Рѣка довольно мелкая, несудоходная и довольно нечистая. По окраинамъ города есть сады и поля, но самый городъ глиняный муравейникъ, окруженный стѣною (глинобитною), и даже каждая улица на ночь, какъ въ какомъ-нибудь древнемъ Вавилонѣ, запирается воротами, по распоряженію китайскаго начальства (для предупрежденія возстаній). Улицы кривыя, узкія, пыльныя и зловонныя; дома —тѣ-же, вышеупомянутыя, грубыя глиняныя сакли безъ оконъ, съ отверстіемъ въ крышѣ, она-же потолокъ; дворы крошечные, вонючіе и тоже отчасти темные. У нѣкоторыхъ богатыхъ купцовъ есть дома въ 5—6 просторныхъ комнатъ, съ окнами и штукатуркой на стѣнахъ. По этимъ все и ограничивается, окна вмѣсто стекла заклѣены бумагою, на китайскій манеръ, вмѣсто печей грубые камины, полы изъ сырцоваго кирпича. Сады при такихъ домахъ большіе и полны прекрасныхъ фруктовъ, но вокругъ ихъ грубая глиняная ограда, и вообще ни малѣйшаго намека на вкусъ и тонкость работы. Nec plus ultra шика на такихъ дачахъ представляетъ напримъ. веранда съ отдѣльнымъ дворикомъ, окруженная рѣшетчатой глиняной оградой, выложенной и покрытой крашеной известью. И домашняя утварь, и мебель отличается у богатыхъ только большею цѣнностью, это все тѣ же кошмы, ковры, лари, обитые жестью или серебромъ, высокіе, узкіе съ перехватомъ чайники и т. п. Стулья, столы, комоды и т. п. Стеклянная посуда большинству неизвѣстна, ее замѣняютъ глиняныя и деревянныя чашки и тыквенныя бутылки. Для ѣды и бѣдный, и богатый до сихъ поръ употребляютъ пальцы, какъ дикари; даже китайскія палочки не вошли въ употребленіе. Для вечерняго освѣщенія служатъ ладьеобразныя лампадки, никакъ не лучше тѣхъ, что употреблялись въ бронзовомъ вѣкѣ.

Можно-бы думать, что по крайней мѣрѣ мечети въ городахъ предетавляютъ что-нибудь болѣе изысканное, но и онѣ незавидныя. Одно развѣ, что онѣ по крайней мѣрѣ построены изъ жженаго кирпича.

Какъ жилище и домашнее убранство, такъ и *питаніе* жителей Кашгара крайне не затѣйливое. Уже Марко Поло сказалъ про нихъ, что они „ѣдятъ и пьютъ плохо“, и эта статья, повидимому, съ тѣхъ поръ осталась въ такомъ-же застоѣ, какъ все остальное. И зажиточные люди почти ничего незнаютъ, кромѣ баранины, входящей во всѣ блюда, число которыхъ, впрочемъ, тоже невелико[1]), а пролетаріи сидятъ на одинѣхъ хлѣбныхъ лепешкахъ, дыняхъ и т. п. Изъ напитковъ употребляется почти одинъ чай, кофе тоже неизвѣстенъ, вина виноградnаго нѣтъ, кое-кто приготовляетъ плохое пиво. Молоко, коровье масло, гуси, утки, рыба, многія наши овощи и т. п.—все это относится къ предметамъ совсѣмъ необыкновеннымъ. При такихъ условіяхъ европейцу здѣсь трудно слѣдовать своимъ привычкамъ, и супругѣ Консула стоило большаго труда привести свое хозяйство въ такое состояніе, чтобы по крайней мѣрѣ можно было разнообразить пищу. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что пшеничныя лепешки, *тужачи*, предетавляющія здѣшній хлѣбъ, нерѣдко бываютъ очень вкусны. Ихъ приготовляютъ, подвергая дѣйствію пара въ продырявленныхъ сосудахъ.

Главныя отрасли *занятій* жителей можно видѣть на улицѣ. Здѣсь, въ открытой грязной будкѣ, ткутъ или красятъ хлопчато-бумажныя ткани (*мата*); тамъ, въ подобной же будкѣ, производятъ, приправленные уличною пылью, тукачи; тамъ возятся около станка, на которомъ ткутъ ковры; тамъ работаютъ кузнечные мѣхи и брызжутъ искры; тамъ подни-

[1]) Кромѣ плова и пельменей приготовляется *шурпа* и *турпа*, первая есть бараній супъ съ зеленью, вторая крошеное мясо съ вермишелью.

мастя паръ изъ только-что сваренныхъ бараньихъ пельменей; тамъ выставлены на грязныхъ, почернѣвшихъ прилавкахъ овощи, дыни, виноградъ, куски мяса, молочной товаръ, шапки, матеріи и т. д. Среди послѣднихъ есть и англійскіе и русскіе товары самаго простаго сорта, наприм. ситцы, платки, зеркальца и проч., при чемъ слѣдуетъ прибавить, что русскіе вообще дешевле и поэтому преобладаютъ надъ англійскими. Кромѣ лавочниковъ пронасть кричащихъ разносщиковъ, преимущественно со съѣстными припасами.... А вотъ шмыгаютъ между ними мальчики, съ корзинками на головѣ, въ которыхъ наложено нѣчто совсѣмъ необыкновенное, а именно конскій и ослиный навозъ—единственное топливо бѣднаго люда. Публика толчется частью пѣшкомъ, частью верхомъ, на лошадяхъ и ослахъ (никакихъ); послѣдніе попадаются на каждомъ шагу, такъ какъ они же служатъ главнымъ образомъ для перевозки различныхъ хозяйственныхъ предметовъ. Экипажей никакихъ, развѣ иногда проскрипитъ тяжелая арба на двухъ массивныхъ колесахъ, годящихся, пожалуй, и подъ лафетъ. А вотъ среди базарной толпы перемогается печальная фигура человѣка съ необыкновеннымъ придаткомъ къ шеѣ: голова продѣта въ центральное отверстіе толстой четырехугольной доски, шириной аршина въ 2 квадратныхъ, а подъ мышкой онъ держитъ длинный кусъ розогъ. Это—китайское наказаніе за различныя легкія провинности и имѣетъ цѣлью не давать человѣку спать въ лежачемъ положеніи. Налагается оно большею частью на мѣсяцъ. Иногда же на базарахъ выставляется еще болѣе назидательная картина въ китайскомъ вкусѣ, которой за мое время, впрочемъ, не было: въ желѣзной клѣткѣ подвѣшивается съ петлей на шеѣ преступникъ, у котораго единственная опора подъ ногами нѣсколько кирпичей; сколько дней ему назначено умирать медленной смертью удушья, столько кирпичей, и каждый день вынимается по одному.

Одежда мужчинъ та же, что вообще на мусульманскомъ востокѣ: чалма, обыкновенно бѣлая, исподній и верхній халатъ, высокіе сапоги съ каблуками и калошами. Послѣдніе служатъ вовсе не къ тому, на что мы ихъ назначаемъ, а для сниманія у дверей мечети, вмѣсто сапогъ. Женщины не отличаются граціознымъ нарядомъ: на головѣ или оторочennая узкой полоской мѣха шапочка, напоминающая папаху, или чаще родъ шляпы, имѣющей видъ шляпки гриба, оборoченной кверху дномъ, т.-е. внизу она ужѐ, чѣмъ сверху. Это тоже шапка, но съ болѣе широкой и съ расширяющейся кверху каймой изъ мѣха выдры. Поверхъ шапки, а иногда изъ-подъ нея спускается бѣлое покрывало на спину и бока, а лицо закрыто другою меньшею занавѣскою. На тѣлѣ сверху родъ цвѣтнаго халата или длинной кофты, а иногда накидка безъ рукавовъ, снизу короткая юбка и штаны, стянутыя подъ щиколкой. На ногахъ башмаки или сапоги съ короткими голенищами. Здѣсь, однако, не всѣ женщины показываются съ завѣшаннымъ лицомъ; не только старухи, но нѣкоторыя и молодыя настолько либеральны, что не закрываются. Это объясняется не столько вліяніемъ китайцевъ, сколько особенностями исторіи Кашгаріи, о чемъ будетъ упомянуто впослѣдствіи. Въ деревняхъ я не видалъ ни одной женщины съ покрываломъ, но тамъ, какъ у киргизъ, это поддерживается большею простотою нравовъ.

Въ одеждѣ кашгарцевъ шелковыя и другія ткани попадаются гораздо рѣже, чѣмъ въ городахъ западнаго Туркестана, что, между прочимъ, указываетъ на бо́льшую бѣдность здѣшнихъ жителей.

Обычаи, типъ, характеръ и умственное развитіе не китайскаго населенія. . . . . . .

Уже при первомъ знакомствѣ съ кашгарцами въ Артышѣ мнѣ показалось, что физіономія ихъ безъ выраженія и въ нихъ незамѣтно живости. Это впечатлѣніе оставалось и

до конца пребыванія моего въ Кашгаріи, почему я, забѣгая впередъ, здѣсь разомъ изложу результаты наблюденій по этой части.

Этническій типъ представляетъ смѣшеніе тѣхъ типовъ, изъ которыхъ онъ произошелъ, т.-е. кореннаго арійскаго и пришлаго монгольскаго, или, лучше сказать, пришлыхъ монгольскихъ. Прежде всего съ востока нахлынули *Уйгуры* или *Юэчи*, народъ тюркскій, т.-е. принадлежавшій къ большой вѣтви монгольскаго племени, къ которой относятся якуты, тунгузы, татары, киргизы, турки и др. Послѣ приходили другія монголы. Первоначальный типъ тюркскій, хотя, повидимому, былъ нѣсколько благообразнѣе чисто монгольскаго, но, очевидно, настолько близокъ къ послѣднему, что его никакъ нельзя смѣшать съ такъ называемымъ кавказскимъ, т.-е. арійскимъ; но онъ въ теченіи времени, по мѣрѣ прохожденія тюркскихъ народовъ къ западу, отъ смѣшенія съ другими народами, особенно арійской расы, настолько измѣнился, что нынѣшніе европейскіе турки (османлисы) уже приближаются къ арійскому типу и смѣшеніе это еще продолжается, благодаря притоку кавказскихъ женщинъ въ гаремы. Типъ кашгарцевъ нельзя назвать красивымъ, въ нихъ, повидимому, меньшая часть арійской крови. Я не имѣлъ возможности заняться антропологическимъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ, но по возвращеніи въ Вѣрный произвелъ нѣкоторыя измѣренія и наблюденія надъ 30-ю кашгарскими уроженцами (мужчинами), временно проживавшими тамъ. Это были земледѣльцы и чернорабочіе. Какъ изъ общихъ наблюденій, такъ изъ подробнаго изслѣдованія оказывается слѣдующее:

Ростъ средній или немного выше средняго, именно: 165,7 сантим. Грудь довольно объемиста, но почти у всѣхъ плоская, а спина, напротивъ, выпуклая. Эта особенность, вѣроятно, объясняется съ дѣтства прививаемою привычкой сидѣть поджавши ноги, вслѣдствіе чего корпусъ для равновѣсія, долженъ подаваться впередъ, причемъ онъ болѣе или менѣе

горбится. Мускулы чернорабочихъ развиты хорошо и вообще *тѣлосложеніе* ихъ довольно хорошее, въ городскомъ же пролетаріатѣ люди слабые попадаются нерѣдко.

Что касается *головы* и *лица*, то съ перваго взгляда бросается въ глаза форма головы, похожая на киргизскую: сильно брахикефалическій типъ, съ обострѣніемъ кверху и малымъ развитіемъ затылочной части. Головной указатель, т.-е. отношеніе наиболѣе поперечнаго къ наиболѣе длинному діаметру въ %, былъ въ среднемъ 86,9 *стало быть очень значительный*[1]). *Голова* большею частію коротко выстрижена или даже выбрита. *Уши* почти у всѣхъ торчащія и болѣе или менѣе заостренныя кверху, вѣроятно вслѣдствіе надвиганія шапки. *Лицо* нѣкоторыхъ представляетъ породистыя кавказскія черты, при густой бородѣ, но у большинства замѣтны слѣды монголизма—широковатыя скулы, незначительность бороды, а у нѣкоторыхъ толстые носы и выстоящія губы. А именно у 80% изслѣдованныхъ носъ былъ прямой, и большею частью не толстый; у 13% вогнутый и толстый, у 7% горбатый. Ротъ у большинства обыкновенный, отчасти даже красивый, у 23,3% же губы были выстоящія и болѣе или менѣе толстыя. У киргизъ эта пропорція (по моимъ измѣреніямъ) достигаетъ 40%. Зубы вообще хорошіе, хотя хуже, чѣмъ у киргизъ. Глаза средней величины и прямые, большею частью каріе, или свѣтлокаріе, а у 16,6% были сѣрые. Борода густая оказалась у 20%; у остальныхъ плохая. Цвѣтъ волосъ и бородъ у огромнаго большинства темный, хотя первые далеко не достигаютъ черноснней темноты волосъ индусовъ, которыхъ уже поэтому на улицѣ легко отличить. Цвѣтъ кожи смуглый, но безъ желтаго оттѣнка китайцевъ. Между молодыми женщинами случалось нѣсколько разъ видѣть очень нѣжную натуральную бѣлизну. Замѣчательно, что *Кунинскія* женщины почему-то выдаются красотою, особенно цвѣтомъ

[1]) Наибольшій длинникъ былъ въ среднемъ 18,02, наибольшій поперечникъ 15,67.

лица. Объ этомъ уже упоминается въ нѣкоторыхъ старыхъ китайскихъ описаніяхъ и тоже подтверждалъ мнѣ Г. Шахалибековъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Кашгаріи. О красотѣ женщинъ восточной окраины этой страны также упоминается у Марко Поло (см. ниже). Самъ я далѣе Аксу не былъ, поэтому не имѣю объ этомъ собственнаго мнѣнія. Изъ вышесказанныхъ подробностей можно заключить, что примѣсь монголизма у кашгарцевъ неравномѣрно выражается на различныхъ частяхъ головы и лица: форма головы и ушей, качество бороды и отчасти ширина лица у большинства напоминаютъ монголовъ, напротивъ, носъ, ротъ и глаза, большею частью, благообразные. Примѣсь сѣрыхъ (немонгольскихъ) глазъ довольно значительна. Къ удивленію, по пути къ Аксу я замѣтилъ, что въ Маралбаши и ближайшихъ селеніяхъ почему-то сохранился болѣе чистый кавказскій типъ—правильное овальное лицо, прямой благообразный ротъ, тонкій носъ, глаза небольшіе тюркскихъ, довольно высокій ростъ, напротивъ, въ Аксу монгольскій типъ еще болѣе выраженъ, чѣмъ на западѣ, да это и согласуется съ общимъ правиломъ, такъ какъ напливъ монголовъ шелъ съ востока.

Большинство подробно изслѣдованныхъ были Кашгарскаго оазиса, но 5 были изъ Аксу и Турфана, значитъ изъ болѣе восточныхъ мѣстъ; у этихъ 2 (т.-е. 40%) имѣли монгольскіе рты, а борода у двухъ изъ 5 была плохая, у 3-хъ ея почти вовсе не было.

Выраженіе лица, можно сказать, индифферентное. Ни лукаваго, ни хищнаго, ни заискивающаго оттѣнка въ немъ нѣтъ, но въ тоже время незамѣтно въ немъ и живости, внимательности, смѣлости, привѣтливости и т. п. У киргиза, въ сравненіи съ кашгарцемъ, и въ лицѣ, и въ движеніяхъ болѣе замѣчается бодрости, подвижности, участія, вообще того, что принято обозначать собирательнымъ названіемъ симпатнаго. Кашгарцы не столько присматриваются, сколько глазѣютъ на чужеземца въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Болѣе живости и на-

блюдательности въ лицахъ и замѣчалъ около Маралбаша, да отчасти въ Аксу и Учьтурфанѣ. Не смотря, впрочемъ, на невыразительность и нѣкоторую вялость, нельзя сказать, чтобы эти сарты производили отталкивающее впечатлѣніе; большинство ихъ вызываетъ впечатлѣніе—ни то, ни се, у нѣкоторыхъ замѣтенъ добродушный оттѣнокъ въ лицѣ, напротивъ лукавый встрѣчается гораздо рѣже.

Развитіе *физической силы* и *ловкости* у этого народа тоже, повидимому, не представляетъ ничего выдающагося. Правда, что оба пола привычны къ верховой ѣздѣ, и хорошіе наѣздники нерѣдкость. Есть даже игры съ джигитовкой, при которыхъ полагается на ходу поднимать какую-нибудь вещь съ земли и т. п. Но сомнительно, чтобы кашгарцы, въ массѣ своей, могли состязаться съ истинно наѣздническимъ народомъ, наприм. съ киргизами, арабами, кабилами, съ казаками и т. п. Большинство ѣздитъ на ослахъ, но и у обладающихъ лошадьми любовь къ наѣздническимъ забавамъ развита, повидимому, очень посредственно. Киргизы не любятъ медленной ѣзды и то и дѣло переходятъ въ карьеръ, въ Кашгаріи же я за все время пребыванія моего тамъ не видалъ ничего подобнаго. Ловцовъ въ этой странѣ, конечно, можетъ быть лишь очень небольшое число, такъ какъ рѣки, большею частью, столь мелки, что плавать негдѣ. Другія физическія упражненія, лазаніе по горамъ, гребля и т. п. тоже не процвѣтаютъ, вслѣдствіе физическаго характера страны. Борьба, упражненіе въ стрѣльбѣ, въ метаніи и проч. не въ модѣ. Пляска существуетъ, объ ней будетъ упомянуто ниже.

Давнѣйшее знакомство съ этимъ народомъ согласуется съ первыми впечатлѣніями.

Темпераментъ, т.-е. преобладающее расположеніе духа, тѣсно связанное съ состояніемъ здоровья нервной системы,—у кашгарца представляетъ нѣчто среднее; въ немъ, по сравненію, напримѣръ, съ киргизомъ и съ русскимъ, замѣтно меньше

жизненнаго огня. Мнѣ здѣсь нигдѣ не случалось видѣть веселыхъ игръ, слышать шутки и хохотъ даже между дѣтьми. Пѣсня существуетъ, но *ни одной* поющей женщины мнѣ не встрѣчалось. Весьма правдоподобно, что это отчасти лишь выраженіе временныхъ причинъ, напримѣръ той тяжелой внѣшней обстановки, которую многимъ изъ нихъ приходится выносить, особенно женщинамъ. Точно также слишкомъ поспѣшно было-бы составлять себѣ понятіе о темпераментѣ и характерѣ англичанъ, по тѣмъ сосредоточеннымъ, печальнымъ или пьянымъ людямъ, которые населяютъ лондонскій White Chapel и которые очень мало соотвѣтствуютъ старой характеристикѣ „merry old England“. Но, тѣмъ не менѣе, и тѣ изъ кашгарцевъ, которымъ живется относительно недурно, не отличаются проявленіемъ выдающейся жизненной энергіи, поэтому я расположенъ думать, что имѣемъ передъ собою черту народную, вызванную болѣе глубокими и постоянными условіями.

Но не только въ темпераментѣ, а и въ *характерѣ* этого народа замѣчается недостатокъ активной энергіи, чему увидимъ подтвержденія въ его исторіи. Въ многочисленныхъ переворотахъ и смѣнахъ одного деспота другимъ, даже одной вѣры другою, исторія Кашгаріи не блещетъ эпизодами стойкаго сопротивленія, смѣлыхъ предпріятій, героическаго самопожертвованія и т. п. Да и самое то обстоятельство, что въ этой странѣ такъ часто мѣнялись владыки, указываетъ на пассивность населенія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не выработались другаго рода положительныя качества. Напротивъ, это народъ недурной, и въ немъ есть нѣкоторыя другія проявленія нравственныхъ силъ, которыя слѣдуетъ отнести къ очень почтеннымъ. Во-первыхъ, несомнѣнно, что кашгарцы *трудолюбивы* и буквально въ потѣ лица зарабатываютъ хлѣбъ насущный. Затѣмъ нельзя имъ отказать и въ *честности*. Не смотря на страшную бѣдность пролетаріата Кашгара, воровство случается рѣдко. Ни въ

одной деревенской избѣ ни на одномъ даже постояломъ дворѣ не найдете, что-либо похожее на замокъ у дверей. А между тѣмъ по большой дорогѣ, гдѣ много проѣзжаетъ неизвѣстныхъ, легко было-бы уйдти отъ подозрѣнія. Значитъ существуетъ *довѣріе*, въ родѣ того, какъ въ Финляндіи. Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе аккуратность, съ которою доставляются возчиками товары и серебро заграницу, т.-е. въ Онъ или Нарынъ. Стоимость ихъ, обыкновенно, въ десять разъ и болѣе превышаетъ величину всего оборотнаго капитала возчика, но не было случая, чтобы товары пропадали совсѣмъ или отчасти (какъ это бываетъ по Ташкенто-Оренбургскому тракту), а между тѣмъ скрыться за-границу отъ преслѣдованія было-бы очень легко.

О причинахъ малаго развитія воровства и мошенничества еще будетъ упомянуто ниже. Здѣсь ограничиваюсь указаніемъ на существованіе факта. Съ нимъ согласуется и то обстоятельство, что плутовскія и хищническія физіономіи, которыхъ наприм. довольно много между европейскими евреями[1]), здѣсь встрѣчаются рѣдко. Съ другой стороны въ характерѣ кашгарца нѣтъ и смѣлости, поэтому грабежъ и разбой еще рѣже воровства. Къ слабымъ сторонамъ характера кашгарцевъ относится *нечистоплотность*, наклонность къ *злоупотребленію одурманящихъ веществъ и къ половому разврату*. Восточные города вообще крайне грязны (кромѣ японскихъ), да и Европа еще условно совершенствуется по этой части, но въ другихъ мусульманскихъ странахъ, по крайней мѣрѣ, процвѣтаютъ бани, а здѣсь и этого нѣтъ. Въ Кашгарѣ всего одна баня, да и та невелика и плоха, въ Аксу и въ деревняхъ ихъ нѣтъ вовсе, вообще зажиточные люди обмываются дома, бѣдные почти никогда.

---

[1]) Замѣчательно, что въ Кашгаріи почти вовсе нѣтъ евреевъ. Сарты, которыхъ я спрашивалъ о причинахъ этого явленія, отвѣчали, что не знаютъ, но прибавляли съ улыбкою: „да и хорошо—что ихъ нѣтъ“. Въ Кашгарѣ до моего прибытія было два еврея, но и тѣ эмигрировали въ Россію.

Что касается остальныхъ двухъ качествъ, то онѣ, главнымъ образомъ, относятся къ населенію городовъ и въ значительной степени вызваны и поддерживаются экономическою нуждою и вызванною этимъ условіемъ эмиграціею мужчинъ, хотя есть и другія причины, и основаніе этихъ темныхъ сторонъ было положено очень давно. Эмиграція эта относится преимущественно къ городамъ и вслѣдствіе этого преобладаніе женскаго пола тамъ такъ значительно, что Кашгаръ и другіе города Кашгаріи славятся во всей Средней Азіи дешевизною женъ. За 2—3 рубли можно пріобрѣсти „законную жену", а какъ только она чѣмъ-нибудь не понравится, ей даютъ увольненіе, т.-е. разводъ. Есть мужья, которые разъ по 5—6 въ годъ мѣняютъ женъ. Педерастія не въ обыкновеніи, за исключеніемъ китайцевъ, которые держатъ себѣ сартовскихъ мальчиковъ, но у самихъ сартовъ существуетъ другаго рода развратъ, не менѣе гнусный. Нерѣдко „женятся" на 10—12 лѣтнихъ дѣвочкахъ, у которыхъ нѣтъ еще ни грудей, ни менструаціи, а чтобы сдѣлать ихъ удободоступными, то на первый разъ связываютъ или опаиваютъ опіемъ. Мало-по-малу удается „мужу" выработать изъ такой жены искусственно созрѣвающій половой организмъ, которымъ онъ тѣшится пока она на что-нибудь годенъ. Каковы должны быть такія матери и ихъ потомство, понятно каждому, это одна изъ причинъ мизерности городскаго населенія. Въ деревняхъ этотъ развратъ не существуетъ и вообще тамъ отношенія правильнѣе, почти всѣ имѣютъ по одной женѣ и живутъ съ нею долго.

Судьба забронепныхъ за негодностью городскихъ женъ плачевная, для нихъ нѣтъ даже профессіи поденницъ, единственно, что остается—это работать мату за самую ничтожную плату. Въ свою очередь, у женщинъ, которыя, при обиліи своемъ, незнаютъ куда приложить свои инстинкты, выработанъ способъ искуственнаго умиротворенія таковыхъ, помощію различныхъ хитро придуманныхъ аппаратовъ. Како-

ва должна быть семейная жизнь и воспитаніе при такихъ обычаяхъ, нетрудно себѣ представить. Рядомъ съ половымъ развратомъ и исходя изъ тѣхъ же причинъ, стоитъ злоупотребленіе наркотическими веществами. Въ Кашгарѣ половина мужчинъ пролетаріата куритъ *нашу*, т.-е. гашишъ; изъ 100 женщинъ 4—5 лакомятся гашишными конфектами. Въ Аксу забавляются и гашишемъ и опіемъ, хотя нѣсколько менѣе: изъ 10 мужчинъ 2—3 этому подвержены. Принимаютъ эти зелья большею частью въ особыхъ заведеніяхъ, для куренія употребляютъ *чилимъ*, состоящій изъ каменнаго чубука и глиняной чашечки, нашу вмѣстѣ съ табакомъ и горящими углями раскуриваютъ и вдыхаютъ дымъ. Есть, впрочемъ, довольно большое число способовъ принятія наркотическихъ препаратовъ и кромѣ конопли и опія, на это идутъ бѣлена, дурманъ, даже челибуха (по крайней мѣрѣ это такъ въ Ферганѣ[1]) и, по всей вѣроятности, вызванная этими одуряющими веществами веселость искуственно заставляетъ забывать горе дѣйствительности, но въ итогѣ, конечно, получается двойной вредъ. Оттого нервы у кашгарцевъ плохи, по крайней мѣрѣ, у городскихъ: часто, напримѣръ, они ударяются въ слезы, даже старики, а умономѣшательство весьма нерѣдко.

Китайцы считаютъ кашгарцевъ народомъ *неспокойнымъ*, взбалмошнымъ и склоннымъ къ возстаніямъ. Возможно, что вышеописанныя вредныя привычки, подрывающія здоровье нервной системы, вмѣстѣ съ бѣдностью, представляютъ отчасти пригодную для этого почву, но большую долю вины въ частыхъ возстаніяхъ и переворотахъ несутъ сами китайцы, которые не стараются вникать въ нужды народа и, наоборотъ, доводятъ его до недовольства. Дѣйствительно, и въ настоящее время тамъ далеко до спокойствія, народъ неспокоенъ, прислушивается къ каждому слуху и, при случаѣ, го-

[1]) См. *Моравецкій*. „Наркотическія вещества, употребляемыя населеніемъ Ферганской области“, въ Трудахъ Общества Казанск. Естествоиспытателей. 1886 г.

товъ возстать. Но при отсутствіи воинственности въ его характерѣ, можно сказать навѣрное, что при лучшемъ экономическомъ и политическомъ положеніи, не было-бы такого безпокойства, тѣмъ болѣе, что при другихъ условіяхъ и вредныя привычки частной жизни не могли-бы имѣть такого простора. Точно также жадность и безсовѣстность различныхъ мѣстныхъ аристократовъ, дѣйствующихъ въ качествѣ бековъ подъ начальствомъ китайцевъ, не могутъ не быть отнесены къ темнымъ сторонамъ народа вообще.

Въ числѣ выдающихся привычекъ кашгарцевъ нѣкоторые путешественники прежнихъ временъ (см. ниже) упоминаютъ о любви къ *зрѣлищамъ* и *празднествамъ*, *къ пляскѣ*, *пѣнію* и *музыкѣ*. Хотя мнѣ лично не встрѣчалось ничего особенно замѣчательнаго по этой части, но праздниковъ дѣйствительно больше, чѣмъ въ остальной Средней Азіи. Поэтому, до извѣстной степени, можно допустить, что наклонность къ зрѣлищамъ и общественнымъ увеселеніямъ здѣсь выражается ярче, о причинахъ чего будетъ сказано впослѣдствіи. Что насъ, чужеземцевъ, на привалахъ, обыкновенно, окружала толпа, въ этомъ я ничего не находилъ особеннаго, да даже и при этомъ я замѣтилъ, что со стороны кашгарцевъ обнаруживалось болѣе любопытства и даже назойливости.

Годовые праздники здѣсь, какъ и вездѣ, существуютъ и справляются при различныхъ торжествахъ и увеселеніяхъ, но ихъ, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ въ христіанскихъ странахъ. Къ нимъ относятся празднованія *Новаго года* и *Байрама* (большой и малый), затѣмъ *Ашура* (котораго нѣтъ въ другихъ средне-азіатскихъ странахъ). Онъ празднуется въ 15-й день мѣсяца Барата, въ знакъ того, что „въ этотъ день на небѣ повѣряютъ списки людей и вычеркиваютъ умершихъ“. При этомъ, ночь проводятъ въ играхъ, пѣніяхъ, угощеніяхъ и проч. По частнымъ поводамъ, по случаю обрѣзанія ребенка, свадебъ и проч., кашгарцы справляютъ увеселенія,

какъ это введено и у другихъ средneазіятцевъ, но кромѣ того здѣсь существуютъ празднества по случаю снятія траура и по случаю признанія за женщиною названія *Джуванъ*[1]).

Общественныя увеселенія обыкновенно происходятъ въ садахъ, въ особенности въ садахъ, окружающихъ могилу Хазреть-Ишака-ходжи, мѣстнаго святаго. Иногда сборища бываютъ по складчинѣ (бараватъ), иногда-же угощаетъ хозяинъ сада (маирабъ). Препровожденіе времени при этомъ заключается въ разговорахъ, слушаніи музыкантовъ, въ пляскѣ, иногда въ чтеніи въ слухъ книги *Абу-Муслимъ*, содержащей разсказы о подвигахъ этого полководца, времень втораго калифа династіи Абасидовъ. Увеселеніе продолжается съ утра до 5—6 часовъ вечера и сопровождается ѣдою и питьемъ (вина и водки не бываетъ).

Пляска состоитъ въ томъ, что одна или двѣ женщины, подъ звуки лютни, нѣнія и прихлопыванія въ тактъ въ ладони, медленными шажками движутся по комнатѣ, извиваясь тѣломъ и руками и сами хлопая въ ладони; повременамъ, подъ ускоренный тактъ, кружатся[2]). Въ Яркендѣ вмѣстѣ съ женщинами пляшутъ и мужчины, въ Кашгарѣ же нѣтъ. По поводу *пѣнія* и *музыки* перейдемъ къ разбору *способностей* кашгарцевъ. Почти всѣ прежніе путешественники обратили вниманіе на склонность ихъ къ этимъ занятіямъ. И, дѣйствительно, у нихъ, кажется, болѣе къ этому способности, чѣмъ у другихъ азіятцевъ, у нихъ много музыкальныхъ инструментовъ и пѣсни ихъ мелодичнѣе, чѣмъ въ западномъ Туркестанѣ. Но сейчасъ прибавить, что это, повидимому, относится лишь къ тѣмъ, которые болѣе или менѣе обучались этому дѣлу, да и то здѣсь мѣрить приходится не европейскимъ мас-

---

[1]) Сущность его въ томъ, что на женщину, впервые родившую ребенка, надѣваютъ рубашку съ большимъ вырѣзомъ посрединѣ и косы расплетаютъ надвое.

[2]) Описаніе это сообщено мнѣ Н. О. Петровскимъ. Самому мнѣ не пришлось видѣть пляски.

нтабомъ, обыкновенная же простонародная нѣсня мнѣ показалась крайне непривлекательною. Это какой-то блѣющій речитативъ, который ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемъ съ нѣсней русскаго или западно-европейскаго простолюдина, даже не говоря объ итальянцахъ. Вообще нѣніе здѣсь слышится гораздо рѣже, чѣмъ въ нашихъ деревняхъ, а музыки не слыхалъ ни разу. Поэтому я думаю, что музыкальность кашгарцевъ все-таки весьма относительная, т.-е. ее можно признать, по сравненіи, напр., съ китайцами, бухарцами и т. п., но никакъ не съ европейцами. Число музыкальныхъ инструментовъ въ Кашгаріи довольно значительно: 1) *Дотаръ* есть лютня въ видѣ полугруши съ двумя витыми струнами. 2) *Ситаръ*—лютня съ тремя мѣдными струнами. 3) *Чангаръ* или *танбуръ* есть шести-струнный инструментъ со смычкомъ, но средніе двѣ струны приподняты. 4) Двѣнадцати-струнная *скрипка*[1]). 5) *Рабобъ* (у индусовъ сарчи)—шестиструнная лютня. 6) *Канунъ* или *Калунъ*—родъ гуслей, который, можетъ быть, есть прародитель нашего фортепіано, на немъ стальныя струны на подставкахъ, при немъ ключъ для настраиванія, играютъ деревянными ударными палочками. 7) *Зурнай* гобой, котораго отечество Персія. 8) *Нагара*—малыя, глиняныя литавры, съ двумя ударными палочками. 9) *Сабаай*—погремушка, состоящая изъ палочки, на которой надѣты желѣзныя кольца. 10) *Сапатъ*—небольшой цимвалъ. Кромѣ того употребляются барабаны. Трудно сказать, насколько въ нынѣшней формѣ этихъ инструментовъ участвовала изобрѣтательность самой Кашгаріи, но, по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ нихъ происхожденія иновемнаго.

Остальныя проявленія художественныхъ способностей отсутствуютъ, въ особенности это относится къ архитектурѣ, по жалкому состоянію которой никакъ нельзя было-бы подумать, что этотъ народъ живетъ культурной жизнью уже

---

[1]) Ее тоже называютъ ситаръ.

около 2000 лѣтъ. Живопись ограничивается узорами на коврахъ, иногда довольно удачно подобранными, но вообще отсутствіе сколько-нибудь изящныхъ украшеній на домахъ и предметахъ домашней обстановки и отчасти даже неизящество женскаго костюма не даютъ повода предполагать у этого народа сколько-нибудь развитаго вкуса, хотя-бы и не было того антагонизма, въ которомъ исламъ находится относительно живописи и скульптуры.

Умственное развитіе также сравнительно низкое. При разсматриваніи его слѣдуетъ различать послѣдствія образованія отъ тѣхъ скрытыхъ, такъ сказать, органически-укрѣпленныхъ способностей, которыя у народовъ старой культуры выработались съ теченіемъ времени и обнаруживаются при малѣйшемъ толчкѣ извнѣ. Такъ, италіянскій простолюдинъ зачастую отличается глубокимъ невѣжествомъ; но въ немъ дремлятъ способности, которыя лишь ожидаютъ благопріятныхъ условій для своего проявленія, а художественныя его наклонности часто вырываются на свѣтъ даже безъ такихъ условій. О кашгарцѣ можно сказать, что онъ не только по образованію стоитъ низко, но и стойкихъ умственныхъ способностей въ немъ накопилось довольно ограниченное число и онъ посредственнаго развитія. Болѣе всего развиты способности *торговыя*. Кашгарія искони была торговою страною и прежде даже пользовалась нѣкоторою извѣстностью по этой части, а на это, кромѣ матеріальныхъ условій, нужны и соотвѣтственныя способности. Все это, впрочемъ, относится только къ городскому населенію. Кромѣ того, кашгарцы уже въ старину слыли хорошими ремесленниками, что, впрочемъ, слѣдуетъ понимать не въ общемъ смыслѣ; искусство ихъ всегда ограничивалось нѣкоторыми спеціальными отраслями промышленности. Ковры, кошмы, хлопчато-бумажныя ткани, готовая изъ нихъ одежда, обувь, выдѣланныя шкурки,—вотъ почти все, чѣмъ можетъ похвалиться эта страна. Лучшіе ковры хо-

танскіе, лучшія конмы—акеуйскія. Въ прежніе вѣка еще упоминали объ искусствѣ жителей по части выдѣлокъ изъ яшмы (юй), металлической посуды, оружія, золотыхъ вещей, и проч., но въ настоящее время ничего этого нѣтъ. Многое, напротивъ, что нами называется азбукою ремесленнаго и промышленнаго производства, имъ не только неизвѣстно, но и растолковать и пріучить ихъ къ этому трудно. Въ этомъ отношеніи китайцы ихъ опередили. Китаецъ незнакомъ со многими отраслями европейской промышленности, но у него на все подобное выработалась такая жилка понятливости, что онъ скоро угадываетъ въ чемъ дѣло и можетъ съ успѣхомъ конкуррировать съ европейцемъ. Что касается высшихъ проявленій ума, способности къ наукамъ, къ философскимъ и религіознымъ ученіямъ, къ изобрѣтеніямъ, къ соціальному прогрессу и т. д., то кашгарцы не только въ настоящее время не имѣютъ понятія о чемъ-либо подобномъ, но и въ прежнія времена, когда нѣкоторые отдѣльные города процвѣтали въ сравненіи съ настоящимъ, мысль этого народа не выходила изъ посредственности и Кашгарія ничѣмъ выдающимся себя не заявила среди своихъ азіятскихъ сестеръ. Аравія дала геніальныхъ вѣроучителей, полководцевъ, ученыхъ, поэтовъ и зодчихъ; Персія—вѣроучителей, поэтовъ, завоевателей; Западный Туркестанъ – полководцевъ, ученыхъ, зодчихъ; геніальные люди еврейскаго народа всѣмъ извѣстны; даже Китай заявилъ себя многимъ по части изобрѣтеній и наукъ, хотя у него носитъ все своеобразный, тяжелый характеръ; Индія дала первоклассныхъ мыслителей и реформаторовъ; даже у монгольскихъ кочевниковъ дикая стихійная энергія неоднократно воплощалась въ могучихъ завоевателяхъ, заставлявшихъ трепетать міръ. Кашгарія же, кромѣ прилежанія въ изученіи буддійской и мусульманской догматики—о чемъ будетъ упомянуто въ исторической части—и нѣкоторыхъ слабыхъ проявленій въ наукѣ, не дала ничего, даже въ періодъ наибольшаго процвѣтанія. Но и это относится къ дѣ-

лямъ минувшимъ; въ настоящее время этотъ народъ отличается замѣчательнымъ невѣжествомъ и отсутствіемъ интереса къ чему-либо идеальному, за исключеніемъ, развѣ, музыки. При мечетяхъ содержатся школы, но въ нихъ кромѣ грамоты и заучиванія корана ничего не преподаютъ и сами муллы остаются невѣждами. Но и эти проблески ученія крайне скудны. О размѣрѣ грамотности можно судить по тому, что въ школахъ города Аксу, имѣющаго 40000—50000 жителей, обучается всего 150 дѣтей. Книгопечатаніе для Кашгара, какъ-бы составляетъ неизвѣстное открытіе, нигдѣ не замѣтилъ я книжныхъ лавокъ, а въ домахъ не видалъ намека на книги. Многіе изъ „сливокъ общества“, наприм., разные зажиточные купцы, муллы, аксакалы и т. п., безграмотны и незнакомы съ самыми обыкновенными для европейскаго простолюдина предметами. Такъ, наприм., аксакалъ гор. Аксу, человѣкъ несомнѣннаго природнаго ума и житейскаго опыта, незналъ горчицы, мяты, скипидара и т. п. обыкновеннѣйшихъ средствъ, употребляющихся въ домашнемъ леченіи и техникѣ. Все, что происходитъ за предѣлами его отечества, для кашгарца представляетъ диковинку. Какъ ни безсодержательна богословская наука Ислама, но здѣсь никто объ ней не помышляетъ и рѣшительно не замѣтно того знакомства со священными книгами, которое существовало въ Кашгаріи во времена буддизма.

Кромѣ фанатической преданности буквѣ и традиціи, здѣшніе муллы ничѣмъ не отличаются. Есть и дервиши, но временамъ производящіе свои безумныя пляски въ мечетяхъ. Леченіе болѣзней исключительно состоитъ изъ нашептываній и чтеній молитвъ изъ корана.[1]) Въ одной деревнѣ, гдѣ мы расположились на ночлегъ, я былъ разбуженъ барабаннымъ боемъ. Оказалось, что въ сосѣдней избѣ приступали къ изгнанію дьявола изъ больнаго мальчика. Это въ то время, когда всѣ знали, что надо [illegible] врачъ. Оказалось,

[1]) Именно среднимъ счетомъ необходимо 9.

что у больнаго былъ упорный видъ лихорадки, отъ которой я имъ далъ лекарства на другое утро. Вообще, въ деревняхъ ко мнѣ обращались довольно рѣдко и я замѣтилъ, при этомъ, что растолковать имъ способъ употребленія лекарствъ труднѣе, чѣмъ киргизамъ, и вообще киргизъ внимательнѣе, кругозоръ его шире, чѣмъ у кашгарскаго мужика. Чѣмъ изолированнѣе мѣстность, чѣмъ болѣе безцвѣтны и первобытны условія жизни, тѣмъ и уровень развитія ниже: примѣромъ можетъ послужить населеніе Лобъ-нора, которое, повидимому, занимаетъ низшую ступень между людьми этой страны.

Экономическое и соціальное положеніе, судъ и управленіе. Бѣдность въ Кашгаріи сдѣлалась явленіемъ хроническимъ. Въ культурныхъ оазисахъ есть очень плодородные участки и, кромѣ того, населеніе научилось утилизировать землю. Но число и величина благодатныхъ участковъ несоотвѣтствуетъ числу населенія, огромное большинство мѣстностей представляетъ песчаную или солонцоватую почву, которая даже при орошеніи не окупаетъ потраченныхъ трудовъ, другія мѣстности болотисты и тамъ съ трудомъ можно прокормить скотъ тростникомъ, а о хлѣбѣ и думать нечего. Другіе источники природнаго богатства недоступны. Поэтому, лишніе рты отправляются на заработки въ города, а оттуда многіе уходятъ за-границу, т.-е. въ наши предѣлы, въ Туркестанъ и Семирѣчье, гдѣ трудъ лучше оплачивается. Въ Кашгарѣ поденная плата 10—11 копѣекъ, въ Аксу 15—16; денежизна же съѣстныхъ припасовъ вовсе не такова, чтобы этимъ сколько-нибудь наверстывалось плохое вознагражденіе рабочаго. Фунтъ баранины въ Кашгарѣ стоитъ 6—7 коп., столько-же стоитъ порція тукачей, необходимая взрослому рабочему въ сутки, когда онъ, какъ это большею частію бываетъ, сидитъ на нихъ однихъ.

На улицахъ часто встрѣчаются дѣти и взрослые въ рубищахъ и истощеннаго вида. Дома, сами по себѣ, убогіе и

жалкіе, но въ Кашгарѣ и этой роскоши многіе не имѣютъ, а живутъ за городомъ прямо въ земляныхъ норахъ. Особенно плохо оплачивается женскій трудъ, что̀ служитъ одною изъ главныхъ причинъ вышеописанной продажи и униженія женщинъ. Кромѣ естественныхъ условій бѣдности немало способствуетъ система управленія. Уже казенный налогъ, установленный китайскимъ правительствомъ, значительный— около 10 руб. съ избы, въ видѣ натуральной повинности, но это далеко не все. Кромѣ этого, земледѣлецъ принужденъ отдавать значительную часть своего дохода (около Аксу до 40%) въ пользу чиновниковъ, а солдаты зачастую прямо грабятъ на базарахъ. Немудрено послѣ этого, что изъ полей принадлежащихъ жителямъ Аксу, около $^1/_3$ остается необработанной. Конечно, это земля худшаго сорта, но и ее-бы возможно было обрабатывать безъ этой системы высасыванія и грабежа. Поэтому, многіе землевладѣльцы обращаются въ поденщиковъ, съ которыхъ поборовъ не берутъ.

Эмиграція мужскаго населенія замѣчается болѣе всего въ городахъ; въ деревняхъ, по собраннымъ мною въ нѣсколькихъ мѣстахъ справкамъ, хотя тоже нѣкоторые уходятъ, но все-таки численность половъ, болѣе или менѣе, остается въ равновѣсіи.

Въ Кашгаріи существуетъ аристократія, но въ сущности передъ китайской властью всѣ равны. Большинство должностныхъ бековъ, правда, принадлежатъ къ мѣстнымъ патриціямъ, но точно также по волѣ губернатора можетъ быть назначенъ и простой человѣкъ. Беки эти безъ исключенія покорные рабы китайцевъ и высасываютъ народъ въ свою пользу.

Объ *управленіи* достаточно сказать, что оно китайское и притомъ худшаго сорта, по случаю отдаленности края и того деспотизма, который безъ того легко водворяется въ завоеванныхъ странахъ, а здѣсь поддерживается еще боязнью

снова потерять этотъ край, который китайцы считаютъ издавна своимъ достояніемъ, но который не однократно ускользалъ изъ ихъ рукъ. Притомъ, чиновничество и офицерство здѣсь даже между китайцами предетавляютъ сбродъ, это—люди совершенно грубые и прогоподавшіеся, а между солдатами значительная часть изъ бывшихъ ссыльныхъ преступниковъ. Для держанія народа въ страхѣ широко примѣняются средства китайской дисциплины. О поборахъ и высасываніи при взиманіи налоговъ уже была рѣчь, слѣдуетъ еще добавить, что для людей имущихъ придуманы чиновниками еще особаго рода поборы: они выписываютъ оптомъ плохой чай изъ Китая и сбываютъ его купцамъ по высокимъ цѣнамъ въ убытокъ и, кромѣ того, иногда дѣлаютъ принудительные займы. Объ административныхъ порядкахъ и о войскахъ еще будутъ ниже приведены нѣкоторыя подробности.

Судъ оставленъ китайцамъ прежній, т.-е. по шаріату, но судьи назначаются уже не по выбору, а начальствомъ, вслѣдствіе чего, мало-по-малу, лучшіе казіи изъ мусульманъ уволены, или сами сложили съ себя званіе.

Если теперь присоединить то безусловное равнодушіе и предоставленіе народа самому себѣ и общественнымъ нуждамъ и бѣдствіямъ, вообще мертвящее вліяніе того жалкаго, человѣческаго образчика, которое предетавляетъ китайскій чиновникъ, лавочникъ и солдатъ,—то будетъ понятно, какъ сложились недовольство и ненависть, съ которыми мѣстные кангарцы относятся къ своимъ китайскимъ господамъ. Въ исторической главѣ мы увидимъ, что не всегда вліяніе китайскаго режима было таково, что бывали періоды, когда народъ бывалъ доволенъ появленіемъ китайцевъ и даже посылалъ къ нимъ посольство съ приглашеніемъ возвратиться. Но при системѣ, подобной китайской, такое вліяніе всегда можетъ быть лишь временнымъ, т.-е. оно зависитъ отъ того, какія *личности* въ данное время управляютъ. Поэтому и въ прежнія времена періоды относительнаго довольства смѣ-

ились возстаніями, притомъ въ старину условія жизни были нѣсколько иныя. Напримѣръ, когда постоянно можно было опасаться грабительскихъ нашествій со стороны сосѣднихъ кочевниковъ, то даже власть китайцевъ, которая предохраняла отъ этого, должна была казаться благопріятною. Притомъ въ прошлое время торговля и промышленность Кашгаріи стояли выше, бѣдности такой не было и высасываніе со стороны китайцевъ менѣе было ощутительно. Наконецъ, что тоже немаловажно,—кашгарцу не было извѣстно другаго болѣе правильнаго режима, въ настоящее же время онъ о немъ прослышалъ. Народъ своимъ темнымъ инстинктомъ въ настоящемъ прилѣпился къ одному идеалу, который ему представился безъ активнаго старанія съ чьей-бы то ни было стороны: онъ видитъ насколько лучше живется его соплеменникамъ, туркестанскимъ и семирѣченскимъ сартамъ, онъ самъ, въ лицѣ своихъ эмигрантовъ, испытываетъ это улучшеніе, что-же мудренаго, что въ настоящее время въ Кашгаріи, дѣйствительно, существуетъ тяготѣніе къ *Россіи*. Положимъ, что многіе изъ массы еще настолько тупы, что не представляютъ себѣ ничего опредѣленнаго подъ именемъ „урусовъ“, но вліятельныя лица и муллы, зажиточные купцы и т. п. хорошо знаютъ, чего желаютъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ направляютъ народъ въ эту сторону. Они не справляются, желаетъ-ли сама Россія взвалить себѣ еще эту новую обузу, а дѣйствуютъ съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ желаній. Не безразлично, въ этомъ отношеніи, и вліяніе такъ назыв. „андижанскихъ“ сартовъ, т.-е. русскихъ подданныхъ изъ Ферганы, которые живутъ въ небольшомъ числѣ по городамъ и мѣстечкамъ. Но при этомъ слѣдуетъ упомянуть, что въ Кашгаріи есть еще особый сортъ „андижанцевъ“, которыхъ китайцы считаютъ своими подданными, они-же считаютъ себя русскими. Дѣло въ томъ, что давно уже въ Кашгаріи имѣли осѣдлость коканцы, которые, тѣмъ не менѣе, продолжали считаться подданными коканскаго хана,

и Якубъ-бекъ признавать ихъ таковыми; когда-же Кашгарія въ послѣдній разъ была забрана китайцами, то послѣдніе не стали признавать этого порядка вещей и обложили ихъ податью. Правда, что и до сихъ поръ въ извѣстномъ смыслѣ дипломатничаютъ съ этими андижанцами и берутъ съ нихъ половину того, что съ другихъ, но, тѣмъ не менѣе, сами андижанцы считаютъ и это узурпаціею, а себя—русскими подданными, на томъ основаніи, что первоначальное ихъ отечество присоединено къ Россіи. Эти андижанцы представляютъ, поэтому, безпокойный и опасный для китайцевъ элементъ, при первомъ удобномъ случаѣ они-бы накинулись на нихъ и ихъ однихъ, пожалуй, было-бы достаточно, для изгнанія сыновъ небесной имперіи, до полученія ими подкрѣпленія изъ Китая. Есть основаніе допустить, что они могутъ выставить до 10.000 вооруженныхъ людей и они неоднократно проговаривались, что у нихъ есть запрятанное оружіе.

Значеніе Россіи въ умахъ кашгарскаго народа выражается однимъ интереснымъ и знаменательнымъ явленіемъ, именно курсомъ русскихъ денегъ. Въ то время, когда мы сами не знаемъ, какъ остановить нашъ рубль въ его стремленіи приблизиться къ полтиннику, въ Кашгарѣ даютъ за русскую бумажку[1] 6—7% лажа. Наивность китайской администраціи въ этомъ дѣлѣ выказалась поразительнымъ образомъ: неоднократно Кашгарскій губернаторъ изрекалъ анаѳемы, чтобы „не смѣли считать русскихъ денегъ дороже ихъ дѣйствительной стоимости", но, къ огорченію и изумленію почтеннаго сановника, манифесты его оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, бывало даже такъ, что какъ разъ послѣ этого бумажный курсъ еще поднимался. Китайскія деньги или *ямбы* представляютъ очень крупные, крайне-грубой от-

[1]) Русскія серебряныя деньги берутъ почти вездѣ. Кашгарская серебряная монета или „тенга" очень грубой чеканки, стоимостью всего въ 10 коп. сер. и чуть-ли не на половину фальшивыя, поэтому много возни при размѣнѣ. Кромѣ того, есть мелкая мѣдная монета.

дѣлки, серебряные четыреугольники. Серебро ихъ очень чистое, но тоже нерѣдко попадаются фальшивые.

Однако, я удалился далеко отъ описанія г. Кашгара, котораго еще не кончилъ. Дѣло въ томъ, что есть еще другой Кашгаръ, т.-е. *Янгишаръ* или новый-городъ, который по преимуществу населенъ китайцами. Отъ стараго онъ удаленъ верстъ на семь. Здѣсь „твердыня“ китайскихъ силъ, т.-е. крѣпость. Она китайской постройки, съ довольно высокими стѣнами, въ которыхъ пониже амбразуры вдѣланы небольшія отверстія, какъ-бы для крѣпостныхъ ружей. Съ виду стѣна глинобитная, хотя я не увѣренъ такъ-ли это; во всякомъ случаѣ, она съ виду болѣе солидна, чѣмъ стѣна стараго города. Тамъ и сямъ надъ гребнемъ стѣны возвышаются небольшіе четырехугольные домики (башни?), кое-гдѣ торчатъ сверху шесты съ красными тряпками, но нигдѣ незамѣтно человѣческаго существа,—отличительная черта всѣхъ видѣнныхъ мною китайскихъ укрѣпленій. Недалеко отъ городскихъ воротъ имѣется карауль, но въ ономъ вмѣсто людей видѣются только разставленныя копья, алебарды, трезубцы и узенькія, переносимыя на плечахъ, пушки. Воины-же, должествующіе управлять всѣми этими смертоносными предметами, лишь изрѣдка выглядываютъ на улицу. На нихъ мундирныя кофты, подобныя тѣмъ, которыя я описывалъ выше. Дома тутъ китайскаго покроя, они больше и выше. У нихъ есть окна, заклеенныя бумагой, и крыши изъ цилиндрическихъ глиняныхъ черепицъ, по краямъ эти крыши, разумѣется, выгнуты и украшены глиняными дракончиками, змѣиными головами, и т.-п. *chefs d'œuvre* поднебесной скульптуры. Жителей всего тысячи двѣ въ новомъ городѣ, а главная улица представляетъ грязный полутемный коридоръ, котораго стѣны состоятъ изъ лавокъ. Я думаю, что каждый, кто хотя разъ имѣлъ случай вдохнуть въ себя аромата ки-

тайскаго базара, узнать-бы близость его безошибочно и съ завязанными глазами,—до того врѣзывается въ память этотъ тошнотворный букетъ грязи, кунжутнаго масла, мускуса, опійнаго и табачнаго дыма и проч. Аромату, меня здѣсь встрѣтившему, соотвѣтствовала и вся окружающая картина. Открытые спереди грязные шкафы съ прилавками, а за прилавками фигуры въ кофтахъ и юбкахъ, съ грязножелтыми безбородыми апатичными лицами, полувыбритыми головами, хвостами на затылкѣ и съ трубкой въ рукѣ. Около нихъ нагромождены товары самаго незатѣйливаго сорта, грубыя китайскія матеріи, башмаки, шляпы, ящики съ плохими чаями, разная мелочь—деревянные гребни, жестяные ящики, зеркальца, лубочныя картины, палочки для ѣды (служащія вмѣсто нашихъ вилокъ), трубки и кальяны, трубки для опіума и т. п.[1]). Прелести этой торговой клоаки для меня еще увеличились тѣмъ, что меня и сопровождавшихъ меня казаковъ осаждала толпа хвостатыхъ зѣвакъ, затруднявшихъ каждый шагъ. Когда я сѣлъ въ консульскую коляску, чтобы возвратиться домой, въ памяти моей возстали иного рода образы, изъ прежнихъ моихъ путешествій. Мнѣ представились сцены изъ видѣнныхъ мною городовъ Японіи страны, которую многіе до сихъ поръ чуть не отождествляютъ съ Китаемъ и которая, между тѣмъ, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ его противоположный полюсъ. Вотъ широкая свѣтлая, щебнально-чистая улица, изящныя европейскія виллы и уютные аккуратные японскіе домики съ выдвижными дверцами и

[1]) Табачная трубка, употребляемая простымъ классомъ во всемъ Китаѣ (до нашего Уссурійскаго края), состоитъ изъ короткаго роговаго чубука, нефритоваго мундштука и крошечной мѣдной трубочки, въ которую входитъ щепотка табаку. Чугунная трубка для опіума имѣетъ нѣкоторое сходство съ флейтой. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нижняго конца насаживается полушаровидная металлическая чашечка (трубка), которая вся закрыта, за исключеніемъ крошечнаго отверстія въ срединѣ; на послѣднее насаживаются кусочки продиравленнаго опіума, такъ чтобы каналъ его соотвѣтствовалъ отверстію чашки.

галлерейками; широкія, чистыя лавки съ очаровательными и разнообразными товарами, а среди ихъ хозяева, мужчины и женщины, тщательно одѣтые и убранные, съ здоровыми, привѣтливыми лицами, иногда окруженные краснощекими, веселыми ребятишками. Выѣхавъ изъ города, мы, между прочимъ, встрѣтили дорогой нѣсколько китайцевъ изъ чиновной аристократіи, ѣхавшихъ въ „каретахъ". Это—двуколесный, продолговатый, спереди открытый сундукъ, съ полукруглымъ верхомъ и окошечками съ боку, выкрашенный большею частью въ синій цвѣтъ и запряженный двумя лошадьми, или мулами, идущими гусемъ. Изъ одной изъ этихъ колесницъ выглядывали грубыя краснощекія лица „дамъ", съ прилизанной высокой прической и громадными серьгами. Китаянокъ, впрочемъ, въ Кашгаріи очень мало, менѣе чиновныя лица держатъ себѣ сартовскихъ мальчиковъ или женщинъ, которыя обязаны одѣваться по-китайски. Какъ у сартянокъ, такъ и у китаянокъ, фальшивыя косы въ большомъ ходу.

Между Новымъ и старымъ Кашгаромъ есть мѣсто, имѣющее трагическій интересъ для велико-образованнаго человѣка. Въ 1857 году здѣсь былъ убитъ одинъ изъ трехъ знаменитыхъ братьевъ-путешественниковъ, *Шлагинтвейтъ*, Адольфъ. Чрезъ рѣку Кашгаръ-дарья ведетъ каменный мостъ[1]; отъ этого моста, по дорогѣ къ новому городу, есть еще нѣсколько деревянныхъ мостиковъ, по которымъ переѣзжаютъ черезъ арыки. У 3-го мостика налѣво стоитъ дрянная глиняная полуразвалившаяся сакля. Передъ нею въ тотъ печальный день стоялъ тогдашній владыка Кашгаріи *Валюханъ-тюря*, грубый и жестокій деспотъ, который въ это время былъ занятъ мыслею, какъ-бы отвести воду отъ Янгишара, т.-е. Новаго города, гдѣ еще держался китайскій гарнизонъ. Вдругъ увидѣли приближающійся по дорогѣ къ старому

[1]) Этотъ мостъ съ мечетями раздѣляетъ привилегію сооруженія изъ жженаго кирпича, но вообще построенъ онъ незавидно.

Кашгару караванъ, во главѣ котораго ѣхалъ „френгизъ“. Это и былъ Шлагинтвейтъ. Караванъ тотчасъ былъ остановленъ и Валіоханъ потребовалъ отъ Френгиза, чтобы онъ ему помогъ отвести воду. Шлагинтвейтъ не согласился, говоря, что онъ не свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда Валіоханъ потребовалъ бумаги, которыя онъ имѣлъ къ Коканскому хану. Когда-же Шлагинтвейтъ и въ этомъ отказалъ, то извергъ крикнулъ „чанъ!“ (рубя), и въ мигъ несчастный ученый былъ изрубленъ[1]). Изъ четырехъ его палачей одинъ еще живъ, но уѣхалъ куда-то изъ Кашгара. Память объ этомъ событіи еще жива въ народѣ, и разсказъ въ этомъ видѣ былъ переданъ П. О. Петровскому. Вещи его были частью разграблены, частью уничтожены или запрещены. Къ послѣднимъ относились, конечно, книги и инструменты, но въ недавнее время розыскы г. Петровскаго въ этомъ направленіи увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ: ему принесли *термометръ* въ сафьянномъ чехлѣ; на чехлѣ и самой скалѣ ясно видѣется надпись „Dr. Schlagintwil“; термометръ очень длинный и каждый градусъ раздѣленъ на 50 частей.

На третій день моего пребыванія въ Кашгарѣ рѣшено было сдѣлать визитъ губернатору (Дао-таю). Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, онъ прислалъ мнѣ свою визитную карточку, т.-е. красную бумажку вершковъ четырехъ длины съ крупными черными каракулями. Я отвѣтствовалъ посылкой своей карточки, надпись которой, конечно, для Дао-тая оказалась столь же удобопонятной, какъ его для меня. Затѣмъ мы отправились, консулъ и я впереди въ полной формѣ верхомъ, а за нами 12 казаковъ. Было такъ тепло, точнѣе жарко, что

[1]) У *Шл* („Очерки верхней Татаріи, Яркенда и Кашгара“ Роберта *Шл*. 1872 г.) этотъ эпизодъ разсказывается нѣсколько иначе. Но такъ какъ нашъ вариантъ исходитъ изъ устъ лицъ, близко знавшихъ участниковъ убійства и отыскавшихъ даже термометръ убитаго, то я расположенъ думать, что онъ вѣрнѣе.

я могъ надѣть китель[1]). Выѣздъ нашъ, конечно, составлялъ событіе для городской толпы и облака пыли, поднятой сотнями сбѣжавшихся около насъ ногъ, немало увеличили для насъ удовольствіе этого визита.

Съ узкой улицы, изъ которой входятъ въ губернаторскій „дворецъ“, послѣдняго вовсе не видно, а видна лишь стѣна съ нѣсколькими рядами стоящими воротами, а на воротахъ и vis-à-vis на стѣнѣ другой стороны улицы красуются изображенія аляповато-нарисованныхъ огромныхъ драконовъ, долженствующихъ, вѣроятно, вселять благоговѣйный страхъ въ душѣ прохожихъ. За самыми воротами оказался родъ корридора, служащаго для храненія печатей; печати фигуры продолговатой и такой величины, что самое клеймо длиною вершковъ въ шесть. Потомъ слѣдовало нѣсколько дворовъ, изъ которыхъ одинъ крытый; дворы вымощены квадратными камнями и мѣстами видѣются каменныя рѣшетки съ растеніями по бокамъ, различныя службы и гауптвахта съ неизмѣнными трезубцами, алебардами и копьями. У воротъ внутренняго двора встрѣтилъ насъ Дао-тай и мы слѣзли съ лошадей. Затѣмъ слѣдовалъ параграфъ изъ „книги о десяти тысячахъ церемоній“,—о которомъ я былъ уже предувѣдомленъ, а именно: его превосходительство, взявъ меня и консула за руки, какъ желанныхъ братцевъ, усиливался ввести насъ первыхъ въ ворота, мы-же, въ свою очередь, долженствовали продѣлать тоже самое надъ нимъ: результатъ былъ, конечно, тотъ, что вся нѣжная тройка, Дао-тай въ серединѣ, мы по-бокамъ, *разомъ вошли* во дворъ и затѣмъ въ пріемную залу. Послѣдняя представляетъ довольно большой сарай съ лощеными полами, 3-мя въ рядъ растворенными дверями и двумя большими квадратными окнами, стекла въ окнахъ матовыя, съ прямоугольными узорами, надъ дверьми устроены подобныя стекла меньшихъ размѣровъ.

[1]) Въ Туркестанѣ и Семирѣчьи лѣтняя парадная форма заключается въ кителѣ съ погонами, но при орденахъ.

Стѣны оштукатурены, разрисованы подобными-же узорами, и, кромѣ того, на нихъ видѣются нѣсколько грубыхъ картинъ, изображающихъ цвѣты, птицъ и т. п. Съ потолка висѣли крашеные бумажные фонари безъ малаго въ аршинъ длины. Мебель состояла изъ нѣсколькихъ диванчиковъ, покрытыхъ тоненькимъ сукномъ, синяго и краснаго цвѣта подушками, и одного кресла, такой же грубой работы съ прямой спинкой и боками. На диванчикахъ усадили консула и меня, а Цао-тай помѣстился vis-à-vis на креслѣ. По сторонамъ, въ двѣ шеренги, стоя выстроилась его свита и переводчики. Цао-тай человѣкъ лѣтъ 40 съ небольшимъ, съ желтымъ безусымъ, улыбающимся лицомъ. Выраженіе послѣдняго довольно наивное, но не отталкивающее, пожалуй, даже добродушное, хотя этотъ терминъ при употребленіи его относительно китайскаго чиновника всегда слѣдуетъ понимать съ оговоркой, о чемъ скоро будетъ рѣчь. Костюмъ генерала былъ шелковый, состоялъ изъ желтаго подрясника и темносинаго кафтана съ голубымъ лежачимъ воротникомъ и такими же обшлагами на широкихъ рукавахъ, сзади и спереди свѣтлая, шелковая же, квадратная бляха съ узорами и надписями, на шеѣ четки изъ черныхъ и красныхъ камней, назначенныя для молитвы за богдыхана. Шляпа съ красной шишкой, сапоги атласные вышеописанной уродливой формы.

Большинство членовъ свиты были съ прозрачными шариками на шляпахъ, т.-е. въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ длинныхъ кафтанахъ съ купакомъ—это оказались сартовскіе беки, другіе въ подрясникахъ и кофтахъ съ широкими рукавами или вовсе безъ нихъ; нѣкоторыя кофты съ желтыми обшивками и узорами, другія съ синими. Вообще костюмы въ родѣ тѣхъ, которые уже выше были описаны. Оружія ни у кого не было; физіономіи у всѣхъ грубыя и пошлыя.

Начался разговоръ между мною и Цао-таемъ, чрезъ двухъ переводчиковъ. Роль одного изъ нихъ, т.-е. по тюркскому

языку изъ любезности взялъ на себя Н. О. Петровскій. Послѣ разспросовъ о здоровьи былъ подвергнутъ экзамену относительно имени, фамиліи и чина. Первыя показались публикѣ столь замѣчательными, что тотчасъ ихъ записали. Затѣмъ слѣдовали различныя паточныя любезности со стороны Дао-тая, въ родѣ: „мы слышали, что гость нашъ очень ученый человѣкъ“ (никто никогда не могъ ему объ этомъ говорить), или: „это, однако, очень высокій чинъ, въ родѣ нашего *дарина*“, и т. п. Не имѣя привычки льстивыхъ словоизверженій, составляющихъ необходимую приправу китайской бесѣды, я придумывалъ чѣмъ-бы ему отвѣтить и, наконецъ, заявилъ, что ѣхалъ въ китайскихъ предѣлахъ столь-же спокойно, какъ въ нашихъ, что приписываю его мѣропріятіямъ. Для полнаго нашего услажденія намъ подали по большой закрытой баклагѣ чаю. Я хлебнулъ для приличія, но этимъ ограничился: это были холодныя помои. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что въ Кашгаріи вообще порядочныхъ сортовъ чаю вовсе нѣтъ. Въ Аксу, гдѣ дорожный мой запасъ чаю сталъ приближаться къ концу, я не могъ его пополнить, и мнѣ сказали, что даже китайское чиновничество не знаетъ толку въ чаѣ. Послѣ чайной пробы у Дао-тая приходилось этому вѣрить.

На другой день, подъ вечеръ, воспослѣдовалъ отвѣтный визитъ, которому, какъ вообще всякому выѣзду губернатора, предшествовали 3 пушечныхъ выстрѣла. Такому торжественному началу долженствуетъ соотвѣтствовать и вся картина поѣзда начальника, хотя на европейца она производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Впереди шли 2 человѣка, державшіе громадные красные незажженые фонари на палкахъ; затѣмъ одинъ съ изображеніемъ, выкрашенной въ красную краску, руки на шестѣ (символъ власти), затѣмъ другіе съ бубнами, затѣмъ 2 палача въ красныхъ кофтахъ съ двуручными мечами, наконецъ, карета губернатора и свита. Карета съ претензіями на шикъ, хотя казаки наши нашли, что она „ни-

чего не стоитъ". Она представляетъ двухъ-колесный сундукъ, колеса пунцовыя, а сундукъ ярко-зеленый, съ окошечками и съ тремя зеркальцами внутри, въ запряжкѣ одинъ большой мулъ.

Все общество консульства въ это время сидѣло въ саду за чаемъ, туда же пригласили китайца: ему предложили сливокъ и сладкаго печенья къ чаю. Выпивъ стаканъ, онъ нѣсколько разъ выражалъ свое удовольствіе громкимъ рычаніемъ, нисколько не замѣчая иронической искры, пробѣгавшей, при этомъ, по глазамъ присутствующихъ европейцевъ. Между прочимъ, онъ, въ разговорѣ, намекнулъ, что слѣдовало-бы познакомить меня съ китайскимъ обѣдомъ. Имѣя уже и такъ невыгодное понятіе о китайской кухнѣ, я передъ этимъ еще слышалъ, что у нихъ подаются деликатесы въ родѣ собачьихъ котлетъ, жареныхъ дождевыхъ червей, лягушекъ и т. д. Все это вмѣстѣ съ кунжутнымъ масломъ, большимъ числомъ купаньевъ, съ продолжительнымъ пребываніемъ за столомъ и неизбѣжными церемоніями, привело меня въ такой ужасъ, что я отклонилъ приглашеніе. Указывая на близъ-лежащее рисовое поле, я сказалъ, что получилъ здѣсь лихорадку (и это была правда) и поэтому сижу на строгой діэтѣ. Оказалось, что намекъ на связь рисоваго поля съ лихорадкой былъ принятъ за доказательство великой моей учености, и Дао-тай прибавилъ „ибо я также знаю, что у насъ въ Китаѣ, гдѣ много сѣютъ риса, тамъ и лихорадки часты". Пока губернаторъ пилъ чай, за стуломъ его стояло человѣкъ пять его офицеровъ, причемъ одинъ держалъ генеральскій платокъ, другой трубку, третій вѣеръ и т. д. Такія эти услуги вполнѣ согласуются съ обращеніемъ, которое здѣсь въ обыкновеніи относительно подчиненныхъ. Не только такіе субалтерные офицеры и беки, но и Лю-далой (нѣчто въ родѣ штабъ-офицера по особымъ порученіямъ) не разъ испытывали на своей кожѣ дѣйствіе кулаковъ его превосходительства. Самое содержаніе чиновниковъ губернаторской свиты мизерное. Дао-тай получаетъ на руки до 30.000 руб.

въ годъ, на себя и на содержаніе свиты. Но одинъ онъ получаетъ при этомъ львиную долю, т.-е. около $^2/_3$ этой суммы, а большинство чиновниковъ рублей по 200—300, даже уномянутый Людалой не болѣе 600. Понятно, что вся эта ватага, беки, писцы, переводчики, сборщики и пр. стараются при первомъ удобномъ случаѣ пополнить мошну посторонними доходами, т.-е. вымогательствомъ, взятками и т. п., что тяжело ложится на населеніе. Въ войскахъ высшіе чины еще болѣе наживаются на счетъ низшихъ и на счетъ государства: начальникъ ямзы, наприм., получаетъ деньги на содержаніе своей команды, поэтому у него на бумагѣ всегда числится на $^1/_3$ или вдвое больше, чѣмъ состоитъ на лицо, а содержаніе этой фиктивной части идетъ въ его карманъ. Этимъ, однако, не довольствуются и зачастую не выдаютъ солдатамъ даже того, что уже выслужено. Отсюда распущенность войскъ, на которую начальники, въ видахъ пополненія своего маммона, смотрятъ сквозь пальцы. Отсюда частые бунты солдатъ и смѣна начальниковъ.

Система усвоенія чужаго добра до такой степени въѣлась въ привычки китайской администраціи, что чиновники не прочь и прямо стянуть что-нибудь. При посѣщеніяхъ консульства были примѣры, что чиновникъ или офицеръ, сидя гдѣ-нибудь около стола, на которомъ есть вещи, ему нравящіяся, повертитъ которую-нибудь изъ нихъ въ рукѣ, какъ-бы разсматривая, а потомъ она оказывается пропавшею.

Уже по такимъ привычкамъ и вообще по всему, что было сказано о наружномъ видѣ, о вкусахъ и обычаяхъ китайскаго чиновничества, можно себѣ составить понятіе о степени его умственнаго развитія и образованія. Дѣйствительно, отъ низшаго до высшаго это люди невѣжественные, все ихъ образованіе ограничивается знаніемъ китайской грамоты. Военные люди тоже мало заботятся о томъ, что есть на свѣтѣ военныя науки. Между прочимъ, они не умѣютъ вовсе обра-

ціаться съ орудіями, заряжающимися съ казенной части, которыхъ въ Кашгарѣ есть нѣсколько штукъ. Ниже мы еще ближе познакомимся съ этимъ воинствомъ.

Каковы нравственные принципы этихъ людей, отчасти тоже видно изъ предыдущаго. Все, чѣмъ извстари прославились китайскіе порядки, въ полной мѣрѣ можно наблюдать здѣсь. Казнокрадство, лихоимство, презрѣніе и произволъ относительно низшихъ, рабольѣніе и трусость передъ высшими, жадность, косность, самообожаніе[1]) и подозрительность ко всему чужому—все это неотчуждаемые аттрибуты китайской системы управленія, которая сама развиваетъ и укрѣпляетъ эти качества даже въ тѣхъ, которые еще недостаточно ими пропитались. Они дополняются двуличностью и жестокостью. Посмотрѣть, напримѣръ, на такого Дао-тая, когда онъ бесѣдуетъ со своими русскими „друзьями“, какъ онъ добродушно хохочетъ, какъ онъ обѣщаетъ сдѣлать то и то, какъ старается сказать что-нибудь пріятное и т. д. Можно-бы подумать, что, это парень хоть куда, и, въ самомъ дѣлѣ, по природѣ, онъ можетъ быть недурной человѣкъ, но его уродуютъ положеніе и система. Кто имѣлъ съ нимъ дѣло, какъ напр. нашъ консулъ, тотъ знаетъ, что нѣтъ ничего измѣнчивѣе расположенія и обѣщаній китайскаго генерала и что если ему и неизвѣстно изреченіе Талейрана относительно назначенія человѣческаго языка[2]), то, по крайней мѣрѣ, на практикѣ онъ ему слѣдуетъ неизмѣнно. А вотъ другая параллель: Дао-тай завѣдомо нѣжный семьянинъ, вѣренъ женѣ, любитъ дѣтей и проводитъ съ ними свои вечера. Между тѣмъ, этотъ же человѣкъ нерѣдко заставляетъ въ своемъ присутствіи подвергать арестованныхъ *пыткѣ*. Послѣ тѣхъ примѣровъ на-

---

[1]) Образчикомъ самовосхваленія могутъ послужить разсказы, ходящіе между здѣшними китайцами о недавнихъ подвигахъ китайскаго воинства противъ французовъ: однихъ французскихъ генераловъ перебито ими 1.200.000 челов.

[2]) „Языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать мысли“.

казаній, которые я приводилъ выше, неудивительно, что и практика застѣнка еще не коробитъ нервовъ „небесныхъ“ людей. „Должность мѣстнаго Торквемады исполняетъ полиціймейстеръ (вмѣстѣ съ тѣмъ подвизающійся въ искусствѣ рѣзанія китайскихъ печатей). При малѣйшемъ запирательствѣ подозрѣваемаго въ преступленіи или проступкѣ, идутъ въ дѣло трехгранныя палки, потомъ истязаніе каленымъ желѣзомъ, вывиханіе рукъ и ногъ, ломаніе костей и т. д.

Конечно, если мы оглянемся назадъ, на наше собственное прошлое, то увидимъ, къ стыду своему, что въ тѣ вѣка, когда въ Европѣ еще процвѣтали пытки и мучительныя казни, она по общему развитію стояла, по меньшей мѣрѣ, не ниже теперешняго Китая, а отдѣльныя проявленія въ области науки и въ особенности искусствъ, уже были такія, до которыхъ Китаю и теперь, какъ до звѣзды небесной. Но, какъ-бы ни было, для насъ это нѣчто пережитое, и показываемый въ музеяхъ аппаратъ инструментовъ для истязаній и увѣчій себѣ подобныхъ лишь служитъ для насъ печальнымъ напоминаніемъ о „добромъ старомъ времени“, и потому-то въ особенности здѣшніе люди производятъ на насъ впечатлѣніе, нѣсколько похожее на то, съ которымъ мы разсматриваемъ какіе-нибудь ископаемые скелеты. Всѣ эти фигуры съ грубыми и безжизненными лицами, съ длинными и грязными ногтями, съ хвостами, въ странныхъ болтающихся нарядахъ, это допотопное оружіе, уродливыя колесницы, этотъ отжившій хламъ церемоній quasi торжественныхъ выѣздовъ и смѣшныхъ демонстрацій, эта невозможность вести съ китайцами разговоръ о чемъ-нибудь путномъ, эта грязь и зловоніе, отсутствіе всякихъ слѣдовъ современной производительности и городскаго благоустройства, злоупотребленіе и раболѣпіе администраціи, самовосхваленіе и недовѣріе къ иноземному, наконецъ, варварскія наказанія, пытки и казни,—все это, вмѣстѣ взятое, мнѣ напоминало образы давно пронедшаго, казалось, что передомной заживо возстали люди и обычаи какой-нибудь до-петровской Руси.

При вышеописанныхъ правахъ и понятіяхъ, при флегматичности китайскаго характера, которая, благодаря опіуму, у многихъ доходитъ до соннаго безсилія, при малочисленности семейныхъ, понятно, что и объ общественной жизни и увеселеніяхъ въ нашемъ смыслѣ у нихъ нѣтъ и рѣчи. Праздники ихъ ознаменовываются вывѣшиваніемъ красныхъ флаговъ на крѣпостныхъ стѣнахъ, увеличеніемъ количества бумажныхъ фонарей, да лишней порціей свинины, риса и опіума. Изъ общественныхъ церемоній начаще повторяющаяся—есть процессія поклоненія имени богдыхана: два раза въ мѣсяцъ все чиновничество, подъ предводительствомъ Цаотая, въ праздничныхъ нарядахъ, отправляется въ капищу Богдыхана. Это ничто иное, какъ та-же сакля, въ которой все убранство состоитъ изъ накрытаго краснымъ сукномъ стола, на которомъ стоитъ чашка съ рисомъ, на стѣнѣ, противъ двери, на красномъ фонѣ виднѣется надпись, изображающая имя и фамилію Богдыхана. Предъ этой надписью Цаотай кланяется въ землю, потомъ, по выходѣ изъ капища, всѣ присутствующіе такимъ-же образомъ кланяются Цао-таю. Затѣмъ онъ и командующій войсками дѣлаютъ другъ-другу визиты и вся церемонія окончена. По мертвенности и нелѣпости ея можно судить объ остальномъ.

Какое вліяніе на физическое, нравственное и умственное преуспѣянія мѣстнаго населенія должно имѣть лежащее на немъ китайское населеніе, объ этомъ читатель пусть составляетъ себѣ понятіе по вышесказанному.

Между прочимъ, вліяніе это выражается въ *санитарномъ состояніи* страны. Уже во время остановки въ Артынѣ, гдѣ ко мнѣ обратились больные разныхъ возрастовъ, мнѣ бросилось въ глаза значительное отношеніе худосочныхъ субъектовъ, разныхъ упорныхъ формъ *золотухи, хроническихъ сыпей, сифилиса* и т. п. Еще болѣе это обнаружилось въ Кашгарѣ, гдѣ нахлынувшіе на дворъ консульства больные

заставили меня пожалѣть о малости моего запаса іодистыхъ средствъ. Кромѣ того, много *малокровныхъ* и *истощенныхъ*, *чахоточныхъ*, *далѣе разныя искривленія*, *параличи* и различныя *нервныя страданія*. *Душевно больные* мнѣ не представлялись, но слышно было, что они очень рѣдки, особенно между мужской половиной. Относительно часто встрѣчается *ракъ* желудка[1]), изъ острыхъ болѣзней, чаще всего *перемежная лихорадка*, происхожденію которыхъ благопріятствуетъ, между прочимъ, близость рисовыхъ полей. Нужно, впрочемъ, прибавить, что лихорадки здѣсь неособенно злы и упорны. Что-же касается до *глазныхъ болѣзней*, которыя, по мнѣнію г. Куропаткина[2]), занимаютъ первое мѣсто, то я съ этимъ не могу согласиться. Въ числѣ больныхъ, приходившихъ ко мнѣ, не было ни одного глазнаго; слѣпыхъ я не встрѣчалъ на улицѣ, и даже въ мѣстахъ, куда стекаются нищіе, напримѣръ, около монастыря Хазретъ-Аппакъ, слѣпыхъ можно увидѣть меньше, чѣмъ въ подобныхъ мѣстахъ З. Туркестана. Мнѣніе г-на Куропаткина можетъ быть отчасти составилось подъ вліяніемъ апріористическаго заключенія о дѣйствіи солонцеватой пыли. Въ самомъ дѣлѣ, казалось-бы, что эта пыль должна раздражать сильнѣе обыкновенной, да и этой-то больше изобиліе, по крайней мѣрѣ, въ городахъ. А между тѣмъ результатъ этого раздраженія неособенно большой. Не замѣчалъ я также во время слѣдованія изъ Кашгара въ Аксу, чтобы глаза моихъ спутниковъ и мои собственные отъ солончаковой пыли страдали болѣе, чѣмъ отъ обыкновенной, между тѣмъ, для сравнительныхъ наблюденій на этомъ пути случаевъ предетавляется достаточно.

---

[1]) Въ самомъ Кашгарѣ больныхъ *ракомъ* мнѣ не приводилось видѣть, но судя по описанію Н. О. Петровскаго тѣхъ случаевъ смертельной болѣзни желудка, которые ему представлялись, нужно думать, что это былъ ракъ. Въ послѣдствіи я самъ видѣлъ одного такого больнаго въ деревнѣ.

[2]) „Кашгарія" стр. 29.

Я упомянулъ выше о зловоніи, которымъ отличается воздухъ на тѣсныхъ улицахъ и дворахъ Кашгара и которое свидѣтельствуетъ объ изобиліи разлагающихся органическихъ веществъ, продукты которыхъ и прямо, и вмѣстѣ съ пылью, попадаютъ въ легкія людей, чему особенно способствуетъ рѣдкость дождей здѣшняго климата. Всякія помои, отбросы, моча людей и животныхъ,— все это выливается куда попало. Помойныя ямы есть кое-гдѣ на площадяхъ, но онѣ никогда не чистятся и, въ свою очередь, распространяютъ кругомъ зловоніе; когда-же яма переполняется, то жидкость стекаетъ куда ей удобнѣе. Есть нѣсколько арыковъ и прудовъ, но вода въ нихъ немногимъ чище, чѣмъ въ помойныхъ ямахъ, а между тѣмъ бѣдная часть населенія употребляетъ ее въ пищу, хотя развозятъ по городу воду изъ ключей и изъ рѣки Кызылъ-су.

Слѣдуетъ упомянуть теперь, что въ Кашгаріи существуютъ нѣкоторыя естественныя условія и нѣкоторые обычаи людскіе, которые имѣютъ гигіеническое значеніе, и они обнаруживали-бы это вліяніе болѣе замѣтно, если-бы остальныя условія не были такъ плохи. Почва—плотная глина, которая по своей трудно-проницаемости для воды препятствуетъ просачиванію загрязненныхъ жидкостей въ толщу почвы, гдѣ-бы онѣ могли сдѣлаться источникомъ развитія подпочвенныхъ фокусовъ разложенія и образованія микробовъ. Съ другой стороны, полы въ домахъ повсемѣстно глинобитные, которые въ санитарномъ отношеніи неизмѣримо выше деревянныхъ, т.-е. при тѣхъ условіяхъ загрязненія и закупориванія фундаментовъ и подполья, которыя у насъ встрѣчаются столь часто и которыя обращаютъ подполье въ заразные фокусы[1]), гдѣ процвѣтаютъ разныя плесени и грибы (Merulius lacrymans).

Какъ ни печальна внутренность голой, пыльной и полу-

[1]) Между прочимъ, въ г. Вѣрномъ, который славится лихорадками, половина послѣднихъ обязана своимъ происхожденіемъ подполью.

темной сакли, но нужно сказать, что она провѣтривается лучше многихъ европейскихъ домовъ: благодаря рѣдкости дождей, отверстіе въ потолкѣ открыто постоянно, и даже ночью, а кромѣ того существуетъ тяга чрезъ каминъ, особенно когда онъ топится. Наконецъ, бѣдность и недостатокъ въ удобреніи и топливѣ заставили утилизировать навозъ и испражненія, которыя, поэтому, не обращаются въ такой источникъ вреда, какъ во многихъ нашихъ городахъ. Навозъ ежедневно подбирается по улицамъ и дворамъ, испражненія вывозятся еженедѣльно на поля, и, кромѣ того, самая земля городская съ бойкихъ мѣстъ соскребывается хозяевами окрестныхъ полей и вывозится, а остающіяся углубленія выполняются землею изъ-за города. Не смотря, однако, на то, что всѣ эти условія противодѣйствуютъ отравленію людей различными разлагающимися веществами и микробами, все-же остальныхъ условій образованія ихъ столько и вообще весь складъ городской жизни таковъ, что способствуетъ происхожденію, какъ худосочныхъ, такъ и инфекціонныхъ болѣзней: пыль, зловоніе, дурная вода, нечистоплотность, проституція брачная (?) и внѣ-брачная, скудная пища и другіе аттрибуты бѣдности, злоупотребленіе наркотическими веществами, наконецъ, отсутствіе всякой медицинской помощи, и т. д. Извѣстно, наприм., что *бани* на мусульманскомъ востокѣ весьма обыкновенны; здѣсь-же есть всего одна—и то небольшая и плохая, которою пользуются немногіе. Большинство бѣднаго населенія никогда не купается. Проституція совершается съ абсолютной (?) необузданностію, въ медико-полицейскомъ смыслѣ, но за то повременамъ ее „обуздываютъ“ весьма оригинальнымъ—истинно китайскимъ способомъ: по приказанію полиціймейстера, переписываютъ сортинокъ, ходящихъ въ гости къ казакамъ консульства и вотъ въ какой-нибудь назначенный день тѣхъ грѣшницъ выводятъ на базаръ и сѣкутъ розгами. Въ этомъ, конечно, слѣдуетъ скорѣе видѣть своеобразную политическую демон-

страцію, ибо вообще проституціею мало озабочиваются. Понятно, что свойственныя разврату болѣзни, вольно гуляютъ по тѣлесамъ кашгарскихъ жителей, не подаваясь китайскимъ розгамъ.

О лечебницахъ, аптекахъ, врачахъ, благотворительныхъ заведеніяхъ и проч., разумѣется, и рѣчи нѣтъ. Вся врачебная и филантроническая часть изображается двумя самозванными лечителями, а при монастырѣ Хазретъ-Аппакъ есть родъ кассы для нищихъ, въ которую опускаются милостыни посѣтителей. Все, вмѣстѣ взятое, показываетъ, что Кашгаръ представляетъ такую-же благодарную почву для эндемій и эпидемій, какъ Аксу, что и выразилось вскорѣ послѣ нашего отъѣзда возникновеніемъ осенней эпидеміи. Что касается появившейся въ самомъ Аксу болѣзни, то я разспрашивалъ о ней двухъ вновь пріѣзжихъ оттуда, но по описанію ихъ не могъ составить себѣ опредѣленнаго понятія,—нынѣ смѣлъ возможнымъ заключить, что это не холера,—тѣмъ болѣе, что по всѣмъ даннымъ ея нигдѣ не было по тракту между Аксу и Кашгаромъ, не смотря на то, что мѣръ не было принято никакихъ.

Какъ оазисъ среди пустыни показалось мнѣ консульство, которое пріютило меня и моихъ спутниковъ. Оно занимаетъ домъ одного изъ здѣшнихъ оптиматовъ, на окраинѣ стараго города, за стѣною. Хотя полы каменные, хотя не только мебель, но и печи, оконныя стекла и т. п. пришлось выписать изъ Ташкента, но все-же въ немъ, по крайней мѣрѣ, достаточное количество свѣтлыхъ комнатъ, оштукатуренныя стѣны, чистые дворики и порядочный фруктовый садъ, такъ что въ общемъ итогѣ этотъ домъ по здѣшнему масштабу можетъ считаться дворцомъ. Къ нему прилегаетъ помѣщеніе консульскаго помощника, канцелярія и казарма для конвоя, состоящаго изъ 50 казаковъ, при одномъ офицерѣ. Кромѣ консула и его семейства, секретаря и казачьяго офицера къ

европейскому элементу консульства еще принадлежитъ двоепроизводитель, пожилой господинъ изъ поляковъ, пріѣхавшій сюда, какъ помощникъ голландскаго миссіонера. Прислуга, кромѣ одной русской женщины, состоитъ изъ сартовъ. Между послѣдними находился одинъ субъектъ, извѣстный подъ названіемъ „полковника“. Онъ, дѣйствительно, при Якубъ-бекѣ командовалъ кавалерійской сотней, а теперь состоитъ конюхомъ при русскомъ консульствѣ. Такія метаморфозы на востокѣ никого не удивляютъ, потому что, въ сущности, высшіе и низшіе различаются не внутреннимъ качествами, а только положеніемъ, которое, большею частью, зависитъ отъ каприза имѣющихъ власть. Тѣ-же порядки и у китайцевъ, наприм. Кашгарскій Дао-тай прежде, говорятъ, былъ лакеемъ у какого-то мандарина.

Отдыхъ и удобства послѣ лишеній и утомительнаго скитальчества, европейская обстановка квартиры, гостепріимство, соединенное съ самой предупредительною любезностью, бесѣда съ многосторонне-образованными людьми, каковы консулъ и его супруга,—все это вмѣстѣ оправдываютъ сравненіе, которое я употребилъ выше относительно этого уголка цивилизаціи, водворившагося среди окружающаго варварства. Къ европейской колоніи Кашгара относилось, въ данное время, еще одно лицо, о которомъ я уже упомянулъ вскользь. Это—католическій миссіонеръ *Гендриксъ*, съ которымъ я познакомился уже за годъ передъ тѣмъ, во время проѣзда его чрезъ Вѣрный. Здѣсь я возобновилъ знакомство и нѣсколько разъ не безъ удовольствія бесѣдовалъ съ этимъ ученымъ, много путешествовавшимъ и самоотверженнымъ монахомъ, но долженъ прибавить, что общее впечатлѣніе не такое, какое, обыкновенно, соединяютъ съ именемъ миссіонера. Въ характерѣ, во взглядахъ и образѣ дѣйствій его уже тогда проглядывали рѣзкія странности, а впослѣдствіи онъ рѣшительно помѣшался и былъ отвезенъ въ Фергану. Ка-

кова была его дальнѣйшая судьба—не знаю, но слышалъ потомъ отъ людей, знавшихъ его въ Кульджѣ, что у него раньше появлялись припадки сумасшествія.

IV.

ОТЪ КАШГАРА ДО АКСУ.

Походная арба.—Китайское почтовое сообщеніе.—Постоялые дворы и казармы.—Деревни и населеніе ихъ.—Файрабадъ.—Китайскіе солдаты.—Китайская музыка.—Пустыня и ея природа.—Встрѣча съ китайской заставой и непріятная выходка.—Китайское вооруженіе и типы солдатъ.—Дѣйствіе генеральскаго портрета.—Маралбаши.—Визитъ андижанца.—Опять пустыня.—Некрополь.—Монастырь и слѣдъ ноги Алія.—Змѣя.—Исполинскій тополь и живыя изгороди.—Пѣсни арбакеша.—Пѣсни и сказки казаковъ.—Характеристика русскаго солдата.

Послѣ недѣльнаго пребыванія въ гостепріимномъ консульствѣ, по окончаніи необходимыхъ приготовленій, мы отправились далѣе. Отъ консула, предварительно, было послано увѣдомленіе о моемъ пріѣздѣ и о цѣли его къ Аксуйскому губернатору.

Вмѣсто вьючныхъ животныхъ, я на этотъ разъ нанялъ *арбу*, имѣя въ виду и самому садиться въ нее иногда. На двухъ громадныхъ колесахъ помѣщается открытая сзади и спереди труба изъ жердей и циновокъ. Въ переднемъ концѣ ея сидитъ ямщикъ (арбакешъ), въ заднемъ сѣдокъ или сѣдоки, между ними кладь. Экипажъ запряженъ четверкою, одна лошадь въ оглобляхъ, а три впереди рядомъ на постромкахъ. На коняхъ навѣшены грубые бубенчики довольно, впрочемъ, незвонкіе. За весь путь до Аксу, т.-е. около 470 верстъ[1]), я заплатилъ хозяину арбы 50 руб., деньги сполна впередъ. За прокормъ верховыхъ лошадей платится, кромѣ того, на

[1]) По маршруту г-на Куропаткина выходитъ, въ сложности, около 445. Но мой разсчетъ составленъ по сравненію съ тѣми, сколько мнѣ случалось проѣзжать верхомъ по почтовой дорогѣ. Съ моимъ счетомъ согласились и казаки.

станціяхъ. Насъ сопровождали два сартовскихъ джигита, назначавшіеся не столько для указанія дороги, сколько для помощи, для посылокъ, для приготовленія ночлега и т. д.; у обоихъ было по саблѣ, а у одного, кромѣ того, ружье.

Намъ надлежало ѣхать по наиболыной торговой, военной и административной дорогѣ Кашгаріи. Но кто заключитъ изъ этого, что она сколько-нибудь похожа на то, что у насъ называется почтовою дорогою, тотъ ошибется. Здѣсь нѣтъ самаго основнаго условія всякаго правильнаго сообщенія — почтовыхъ станцій и перемѣнныхъ лошадей. Нынѣшнія китайскія сообщенія даже уступаютъ тому, что Римская имперія и какая-нибудь Персія устроили болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ. Существуетъ для оффиціальныхъ депешъ нѣчто въ родѣ „летучки“, но и ея „полетъ“ виолнѣ китайскій, ибо продолжается дней 5, хотя для нея держатся перемѣнныя лошади. Войска же и разныя административныя лица дѣлаютъ всего отъ одного до двухъ переходовъ въ день, верхомъ или въ арбахъ, а кто поважнѣе и въ палавкинахъ, несомыхъ людьми; частныя лица, купцы и проч. рѣдко отъѣзжаютъ въ день болѣе одного перехода, т.-е. верстъ 25, такъ что обще-установленный срокъ проѣзда въ арбѣ отъ Кашгара до Аксу или обратно продолжается 18 дней. Такой-же срокъ объявленъ былъ и мнѣ, и я, по незнанію мѣстныхъ условій, сдѣлалъ ошибку, связавшись съ арбакашемъ: если-бы мы шли вьюкомъ, то могли-бы сократить путь дней на 5, арба-же постоянно отставала, такъ что только одинъ разъ намъ удалось пройдти 2 станціи, т.-е. пріѣхать не на 18-й, а на 17-й день.

Существуютъ вдоль этой дороги нѣчто въ родѣ верстовыхъ знаковъ, китайскіе *пупши*. Это — огромные, безобразные столбы изъ глины, въ видѣ четырехсторонней призмы. Но китайскіе землемѣры, видно, не считаютъ точность за нѣчто полезное въ ихъ ремеслѣ: разстоянія между сосѣдними пу-

гаями до того неодинаковы, что мы однимъ и тѣмъ-же шагомъ и при одинаковомъ качествѣ дороги проѣзжали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одинъ путай въ часъ (это ближе къ городамъ), въ другихъ въ 4, въ третьихъ даже въ 35 минутъ. Въ среднемъ, можно считать, что путай равняется 3-мъ русскимъ верстамъ. О какомъ-нибудь шоссе, разумѣется, нѣтъ рѣчи, дорога, впрочемъ, большею частью, довольно ровная, по глинисто-песчаному грунту, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она идетъ сыпучими песками.

Останавливаются на ночлегахъ, большею частью, въ постоялыхъ дворахъ, а мѣстами въ пустыхъ китайскихъ казармахъ. Первые представляютъ дворы, по сторонамъ которыхъ расположены навѣсы, а изъ этихъ ведетъ нѣсколько дверей въ комнаты для проѣзжающихъ, иногда есть и навѣсы для лошадей. Комнаты —все тѣ же темныя и пыльныя сакли, глиняныя стѣны, полы и нары, каминъ, отверстіе въ потолкѣ и дверь безъ замка. Обыкновенно, 1—2 нумера держатся почище, но гдѣ бывало мало мѣста, тамъ мнѣ случалось помѣщаться въ очень грязныхъ сараяхъ, въ которыхъ никогда неочищаемый глиняный полъ издавалъ зловоніе, благодаря обязанности своей принимать все, что угодно было проѣзжему вылить на него. Въ нѣкоторыхъ были полчища блохъ, но, большею частью, ни мыши, ни насѣкомыя мнѣ не надоѣдали: послѣднія, впрочемъ, отчасти потому, что у меня имѣлся персидскій порошокъ, которымъ я впередъ усыпалъ все кругомъ постели.

Казармы, обыкновенно, состоятъ изъ одного корпуса съ нѣсколькими комнатами, но, кромѣ того, по бокамъ двора еще нѣсколько отдѣльныхъ помѣщеній. Комнаты средней величины, съ глиняными полами, такими же нарами, каминами и нѣсколькими грубыми деревянными столами и табуретами. Большею частью бываетъ по одному квадратному окну, залѣпленному бумагою. Въ одной казармѣ стѣны даже были

штукатуренныя. Кромѣ казарменнаго внутренняго двора есть, обыкновенно, еще другой, побольше, съ навѣсами для лошадей. По бокамъ внутренняго двора иногда бываютъ еще какіе-то небольшіе дворики или чуланы, въ которые входятъ чрезъ отверстія круглой или многоугольной формы.

За ночлегъ и кормъ лошадей мы платили, среднимъ счетомъ, 60 коп. Въ казармахъ за постой ничего не требовали; на чай, впрочемъ, я давалъ караульщику.

24-го сентября мы выступили изъ Кашгара. Первые дни было такъ тепло, что насъ сопровождали по вечерамъ рои комаровъ, а днемъ дѣти ходили голыми. 3 дня мы шли культурной полосой[1]) съ небольшими перерывами солонцоватой почвы. Соль, которая мѣстами лежитъ въ видѣ снѣжнаго налета, имѣла вкусъ соленый, но съ горьковатымъ оттѣнкомъ. Зелень еще была свѣжа, аллеи тополей, джиды, шелковичника, фруктовые сады, поля, засѣянныя клеверомъ, кукурузой, джутарой (sorgo), конопелей, хлопчатникомъ. Послѣдній былъ въ самой порѣ, изъ плодовъ его, торчали бѣлыя охлопья и народъ занимался уборкой его преимущественно замѣчалось много женщинъ. Мѣстами попадались стада барановъ и козъ, но коровъ совсѣмъ не видно было. Около домовъ похаживали куры. Кое-гдѣ около хуторовъ вынархивали воробьи, перелетали вороны и хохлатые жаворонки (Alauda cristata).

Сакли и ограды—все тѣ-же глиняныя кучи. Народу встрѣчалось много, большею частью, верхомъ на ослахъ и лошадяхъ, иногда въ арбахъ. Ноѣздъ нашъ, обыкновенно, вызывалъ оцѣпенѣніе на лицахъ. Нѣкоторые верховые слѣзали съ лошадей, въ знакъ уваженія. Гдѣ нѣтъ никотовъ, тамъ китайцевъ обыкновенно мало, но все-же и по деревнямъ, и постоялымъ дворамъ, кое-гдѣ въ толпѣ показывались ихъ хвостатые желтолицые образы съ широкооткрытыми ртами, ко-

[1]) Кашгарскій оазисъ въ длину распространяется верстъ на 70, въ ширину на 50.

торые захлопывались лишь послѣ того, когда мы успѣвали отъѣхать довольно далеко. Вся растительность деревень и фермъ приводится въ движеніе оросительными каналами (арыками). Для проведенія ихъ употребляется система плотинъ, помощью которыхъ рѣка разбивается на рукава, а рукава на арыки; весною и вообще смотря по надобности вода изъ арыка пускается на поля и затопляетъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Рисовыя поля, какъ извѣстно, должны образовать искусственное болото во все время произрастанія риса. Мѣстами устраиваютъ плюзы и небольшіе искусственные водопады, для приведенія въ движеніе рисовыхъ толчей, стукъ которыхъ слышится тамъ и сямъ по деревнямъ.

Вода въ арыкахъ болѣе или менѣе мутная, мѣстами твердая, но большею частью настолько чистая, что не издаетъ непріятнаго запаха и, вскипяченная, можетъ быть употребляема безъ вреда для пищи или чая. Горы скрылись изъ виду, лѣсовъ не было видно. Для топлива употребляютъ кизякъ (сушеный навозъ), виноградный и другой хворостъ. Рубить самыя деревья, повидимому, не рѣшаются безъ особенной надобности. Попадаются по аллеямъ очень старыя деревья, въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ тополь, котораго стволъ равнялся 3-мъ мужскимъ обхватамъ[1]).

Нельзя сказать, чтобы видъ людей по деревнямъ доказывалъ голую нищету и злополучіе. Такія печальныя, болѣзненныя, обгрызанныя, вообще жалкія фигуры, какія столь часто предстаявляются глазу въ городской толпѣ Кашгара, здѣсь встрѣчаются довольно рѣдко. Это отчасти объясняется тѣмъ, что въ деревнѣ остается лишь тотъ, кто хоть сколько-нибудь можетъ разсчитывать впередъ на средства къ существованію, остальные уходятъ въ города или эмигрируютъ; отчасти тѣмъ, что физическое и нравственное благополучіе человѣка въ деревнѣ не такъ легко разрушается. Воздухъ и вода лучше, жилье менѣе тѣсное, брачный развратъ, прода-

[1]) Смѣрили наши казаки.

жа женщинъ, разторженіе семьи и злоупотребленіе наркотическими ядами здѣсь далеко меньше распространено, наконецъ, китайскія палки не ежедневно напоминаютъ глазу деревенскаго жителя о заботливости начальства.

Полученному мною впечатлѣнію соотвѣтствовали и выводы изъ того, что я слышалъ отъ деревенскихъ стариковъ, которыхъ разспрашивалъ нѣсколько разъ на протяженіи пути между Кашгаромъ и Аксу. Разспросы мои я производилъ съ извѣстной осторожностью. Такъ какъ китайцы сами слѣдятъ за всякимъ иностранцемъ съ большою подозрительностью, то, разумѣется, они неособенно способствуютъ и болтливости своихъ подданныхъ. Я слышалъ даже, что деревенская полиція за этимъ наблюдаетъ и, въ случаѣ чего, напоминаетъ мужику о благодѣтельномъ вліяніи палокъ, поэтому я обыкновенно начиналъ вопросомъ о томъ, „не слышно-ли у нихъ о той болѣзни, которая появилась въ Аксу“, потомъ переходилъ къ другимъ болѣзнямъ, а потомъ, незамѣтно, и къ остальному. А такъ какъ моя профессія была впередъ объявлена оффиціально, то подобные разспросы не возбуждали особенныхъ подозрѣній.

Но, съ другой стороны, я долженъ сказать, что кашгарская деревня не произвела на меня того идиллическаго, освѣжающаго впечатлѣнія, которое мы привыкли связывать съ понятіемъ о деревнѣ. Вѣчныя желтосѣрыя кучи глины, изображающія дома и изгороди, портятъ видъ зеленыхъ аллей и садовъ. Дома (сакли) голые и полутемные; не блестятъ въ нихъ окна при заходящемъ солнцѣ и не свѣтятся они, по вечерамъ привѣтливыми огнями сквозь листву деревьевъ; не вьются около домовъ пестрѣющіе цвѣтами полисадники. Не оживляются луга стадами коровъ; не идутъ бабы съ подойниками навстрѣчу громко мычащимъ буренушкамъ. Не плещутся гуси по канавамъ и прудкамъ и не слышно взволнованныхъ голосовъ спасителей Капитолія. Самыя куры какія-то смиренныя, ихъ мало и ростомъ онѣ меньше нашихъ; драки

пѣтуховъ мнѣ ни разу не случалось видѣть, и они, повидимому, не щеголяютъ своимъ пѣніемъ, какъ наши. Почти единственнымъ представителемъ животной музыки является оселъ, котораго надоѣдливыя раздирательныя ноты слышатся то тутъ, то тамъ.

Въ людяхъ, какъ я уже упомянулъ выше, невидно настоящей искры жизни, а преобладаетъ, какая-то туповатая индифферентность. Нигдѣ не видалъ я шумныхъ дѣтскихъ игръ, которыхъ такое множество имѣется въ запасѣ у европейскихъ дѣтей. Нельзяно задушевнаго хохота въ толпѣ взрослыхъ, невидно хороводовъ, скачекъ въ перегонку, борьбы и т. п. выраженій общественныхъ препровожденій времени. Не заливаются пѣсней дѣвушки, идя за водой или работая въ полѣ, нельзяно, вообще, ни бряцанья на инструментахъ, ни настоящаго пѣнія, повременамъ раздается кое-гдѣ одинокое пѣснеподобное блѣянье, но это скорѣе пародія на пѣсню. При этомъ, въ общемъ уровнѣ развитія народа видны глубокая отсталость и тысячелѣтній застой и рутина, отъ которыхъ незамѣтно даже единичныхъ отклоненій. О вѣроятныхъ причинахъ такого склада кашгарскаго народа я выскажусь ниже. Общее впечатлѣніе, произведенное тамъ на меня, отчасти, напоминало мнѣ выраженіе Пушкина „печальный пасынокъ природы“, которое онъ употребилъ относительно финновъ.

Въ селеніи Файрабадъ есть небольшой базаръ и казарма для китайской линіи. Жители этого селенія въ свободное отъ земледѣлія время занимаются прядкой шерсти. Ткутъ мужчины, а женщины приготовляютъ нитки. Станки первобытной формы и напоминаютъ станки русскаго кустарнаго производства. Заработная плата крайне низкая, копѣекъ 6—8, женщинамъ еще меньше. Положимъ, что кромѣ того существуютъ земледѣліемъ, но все-же кому охота трудиться цѣлый день за такіе заработки, тому видно живется терпко.

Съѣстные припасы хотя дешевы, но несоразмѣрно. Яйцо стоило $^1/_2$ коп., курица 15, тухлы лишь немного дешевле кашгарскихъ.

Дворъ постоялаго двора наполнился китайцами, жаждавшими поглазѣть на меня. Это были, большею частію, солдаты, но отличить ихъ отъ гражданъ нельзя было, такъ какъ они внѣ службы не носятъ ни оружія, ни формы. Чтобы избѣжать ихъ назойливости, пришлось до вечера сидѣть въ моей темной конурѣ, за закрытой дверью, и лишь когда толпа разсѣялась, я совершилъ небольшую прогулку по селенію. Въ одной изъ комнатъ постоялаго двора человѣкъ пять китайскихъ воиновъ до глубокой ночи гоготали за карточной игрой, до которой они страшные охотники. Китайскія карты очень узки, не болѣе $^1/_2$ вершка, на нихъ изображенія китайскихъ письменъ, человѣческія лица и различные узоры, а число ихъ около 120 штукъ въ колодѣ.

Около 8 часовъ вечера, какъ это вообще бываетъ въ мѣстахъ расположенія китайскихъ войскъ, раздались 2 выстрѣла, не то пушечные, не то ружейные, т.-е. для этого употребляются тѣ стволообразныя переносныя пушки, о которыхъ я говорилъ выше. Кромѣ того, слышно было нѣчто въ родѣ сигналовъ нашихъ горнистовъ. Наконецъ, стали слышаться какіе-то необыкновенные звуки, которыхъ я себѣ сначала никакъ не могъ объяснить, хотя прислушивался къ нимъ съ удовольствіемъ. Это были отдѣльные протяжные и однообразные, но мелодическіе тоны, которые раздавались съ извѣстными промежутками, тихо и какъ-бы въ большомъ отдаленіи. Оказалось, что это „игра“ китайскаго трубача. Трубы у нихъ, дѣйствительно, есть, длинныя и прямыя, но играетъ собственно не человѣкъ, а самъ инструментъ. Все дѣло музыканта заключается въ томъ, что онъ посылаетъ легкими воздухъ въ трубу и не его вина, если звукъ, бла-

годаря счастливому составу инструмента, выходитъ музыкальнымъ. Словомъ, игра такихъ трубачей напоминаетъ роль вѣтра, заставляющаго звучать струны эоловой арфы, и благо-бы было, если-бы китайскіе музыканты всегда ограничивались подобной игрой, ибо организованная ихъ „музыка", которую мнѣ раньше случалось слышать въ портовыхъ городахъ Тихаго океана, такова, что можетъ разстроить самые крѣпкіе первы.

Верстъ шесть за Файрабадомъ начались большіе солонцы, значитъ, начиналась *пустыня*, которая прорывается лишь слѣдующимъ почлегомъ, т.-е. селеніемъ *Янгибадъ*, и затѣмъ тянется на 4 дневныхъ перехода до укрѣпленія Маралбаши. Сначала еще виднѣются пашни между солонцами, но онѣ рѣдѣютъ болѣе и болѣе, уступая мѣсто утомительно однообразной флорѣ пустыни—*колючкѣ* (Halimodendron), нѣсколькимъ видамъ *Salsola* и *гребенщику* (Tamarix). Послѣдній мѣстами растетъ такъ высоко, что становится древовиднымъ. Онъ растетъ, большею частью, на солонцовато-песчаныхъ буграхъ, которые иногда уподобляются холмамъ. Бугры пронизаны длинными корнями гребенщика, достигающими иногда толщины нѣсколькихъ дюймовъ. Они очень тверды и даютъ хорошее топливо, для добыванія котораго бугры раскапываютъ. Даже листья гребенщика имѣютъ рѣдко соленый вкусъ. Мелкіе розовые цвѣты этого растенія составляютъ единственное украшеніе пустыни. На половинѣ 2-го перехода отъ Янгибада появляется рѣдкій ивовый и тополевый лѣсъ, который мало-по-малу густѣетъ и тянется верстъ на 100, т.-е. немного не доходитъ до Маралбаши. Преобладаетъ тугракъ или торгукъ, т.-е. тополь (populus diversifolia), который отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ въ формѣ листьевъ на одной и той-же особи. Это дерево нестройное, кривое, кора его узловатая. Вкусъ листьевъ не соленый, хотя стволъ мѣстами содержитъ соль. Лист-

ва была наполовину пожелтѣвшая. Лѣсъ этотъ даже въ густыхъ мѣстахъ тоже какой-то монотонный, не живой, ничего не видно кромѣ вѣчнаго тополя, ни травяныхъ ковровъ, ни ягодъ, ни цвѣтовъ, и листья при постоянномъ безвѣтріи, не шевелятся. Не видали ни птицы, ни звѣря хотя въ немъ водятся лисы, волки, маралы (олени) и тигры. Слой перегноя въ почвѣ очень незначительный[1]). Видно не на меня одного лѣса и пустыни Кашгаріи производили угнетающее впечатлѣніе. Вотъ что пишетъ Н. М. Пржевальскій, посѣтившій нижнее теченіе Тарима и озеро Лобъ-Норъ: „Трудно себѣ представить, что-либо безотраднѣе тогруковыхъ лѣсовъ, почва которыхъ совершенно оголена и только осенью усыпана опавшими листьями, высохшими словно сухарь, въ здѣшней страшно сухой атмосферѣ. Всюду хламъ, валежникъ, сухой ломающійся подъ ногами тростникъ и соленая пыль". „Какъ ни безотрадны тогруковые лѣса, но сосѣдняя пустыня еще безотраднѣе. Монотонность пейзажа достигаетъ здѣсь крайней степени. Всюду неоглядная равнина, покрытая словно громадными кочками, глинистыми буграми, на которыхъ растетъ тамарискъ. Тропинка вьется между этими буграми и ничего не видно по сторонамъ, даже далекія горы на сѣверѣ чуть-чуть синѣютъ въ воздухѣ, наполненномъ пылью, какъ туманомъ. Нѣтъ ни птички, ни звѣря; только кое-когда встрѣчается красивый слѣдъ робкаго джепрака"[2]).

Все это мѣста голодныя. Дня четыре сряду на ночлегахъ ничего нельзя достать и лошадей приходилось кормить камышемъ. Послѣдніе два перехода до Маралбаши останавливаются въ китайскихъ казармахъ, при которыхъ есть нѣсколько убогихъ сакель.

[1]) По мнѣнію г. Вилькинса, сопровождавшаго посольство г. Куропаткина, это объясняется тѣмъ, что кожистыя листья туграка высыхаютъ еще на деревѣ и ломаются и вѣтры разносятъ ихъ въ видѣ пыли (Куропаткинъ р. 12). Однако, я видѣлъ много лежащихъ на землѣ желтыхъ листьевъ, которые, конечно, хоть отчасти остаются въ почвѣ.

[2]) Путешествіе на Лобъ-Норъ. 1878 г.

С 1-го по 2-е октября мы ночевали въ рабатѣ *Кара-Калчанъ*. Утромъ, когда я только-что проснулся, а Дементій раздувалъ на дворѣ самоваръ, вдругъ ворвался въ комнату какой-то китаецъ, и, остановившись у дверей, сталъ на меня кричать дикимъ голосомъ, размахивая руками. Приподнявшись въ постели, я крикнулъ ему: „вонъ отсюда!“, забывъ, что онъ меня столько-же понимаетъ, сколько я его. Въ это время появились въ дверяхъ Дементій и Семенинъ, съ намѣреніемъ вывести китайца, но онъ, не дождавшись этого, повернулся, пробѣжалъ чрезъ дворъ и скрылся. Оказалось, что онъ сверхъ того еще прежде чѣмъ добѣжать до комнаты, пустилъ ползкомъ въ взумленнаго Дементія. Скоро загадка объяснилась. Жившіе при рабатѣ сарты передали намъ, что китаецъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что *линза* идетъ изъ Аксу и чтобы мы немедленно убрались отсюда. Еще до выступленія изъ Кашгара я слышалъ, что въ скоромъ времени кашгарскій гарнизонъ долженъ былъ перейти въ Аксу, а аксуйскій въ Кашгаръ, и при этомъ П. О. Петровскій мнѣ передавалъ, что хотя китайскіе воины вообще распущены, но аксуйскія линзы (баталіоны) въ особенности славятся разнузданностью. При этомъ нужно помнить, что почти всѣ солдаты преданы куренію опіума, которое располагаетъ къ ненормальному возбужденію и безпричинной злости и что сверхъ того между ними есть бывшіе каторжники. При такихъ порядкахъ въ войскахъ немудрено, что въ предъидущемъ году въ Кашгарѣ экспромтомъ произошло нападеніе на поручика Громчевскаго, который спокойно проѣзжалъ мимо китайской казармы, когда на него внезапно накинулись два солдата съ копьями и, вѣроятно, закололи-бы, еслибъ онъ не успѣлъ ускакать.

Имѣя все подобное въ виду, я счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя предосторожности. Предъ выступленіемъ я объявилъ людямъ: 1) чтобы они дорогою не отставали ни два,

по три, какъ это прежде случалось, а ѣхали-бы всѣ вмѣстѣ за мною; 2) чтобы они при встрѣчѣ съ лязою сворачивали съ большой дороги и ѣхали боковыми тропинками, для избѣжанія столкновеній; 3) чтобы не обращали никакого вниманія на вызывающія слова или движенія китайцевъ, еслибъ со стороны послѣднихъ замѣчалось, что-либо въ этомъ родѣ; 4) за оружіе не браться ни подъ какимъ видомъ безъ моего приказанія, т.-е. я его приберегалъ лишь на случай крайней необходимости и для защиты жизни. Оказалось, что предосторожность эта не была излишнею. Въ книгѣ г. Кунаткина говорится, что въ 6—7-ми верстахъ отъ ст. *Кара-Кычкинъ* при дорогѣ построенъ навѣсъ на столбахъ, для защиты запоздалыхъ путниковъ отъ тигровъ, которыхъ въ этомъ лѣсу[1]) много въ теплое время года. Навѣса этого мы не видали, вѣроятно его уже не было и вообще тигры намъ ничѣмъ не заявляли о своемъ присутствіи, но въ этихъ мѣстахъ пришлось встрѣтиться съ иного рода непріятностью. Впереди стали мелькать по лѣсу фигуры конныхъ китайскихъ солдатъ. Шла стало-быть предвѣщенная лязга. Сначала встрѣчались небольшія группы, человѣкъ по 4—5, ѣхавшія на значительныхъ разстояніяхъ одна отъ другой. Невозможно вообразить себѣ ничего забавнѣе этой кавалеріи. Нѣкоторые ѣхали на лошадяхъ, другіе на ослахъ (ишакахъ). Столь-же разнообразны были ихъ костюмы и вооруженіе. У нѣкоторыхъ голова была повязана платкомъ, у другихъ были широчайшія соломенныя шляпы à la bergère, у третьихъ колпаки съ длинными козырьками, сшитыми изъ узкихъ параллельныхъ и разноцвѣтныхъ полосъ, какъ-бы изъ окрашенныхъ перьевъ; у нѣкоторыхъ, наконецъ, войлочныя шляпы, формою напоминавшія тазъ Рыцаря печальнаго образа. Кафтаны или кофты просто синіе или синіе съ широкими

[1]) Налѣво отъ дороги нѣсколько поодаль идетъ логъ, содержащій воду и густо заросшій кустарникомъ таломъ, тополями, джидой и колючкой (янтакъ). Логъ впадаетъ въ рукавъ Кашгаръ-дарьи.

красными бортами и завитушками. Подъ кафтаномъ синій или черный длиннополый подрясникъ или юбка, или прямо того-же цвѣта штаны, стянутыя внизу. У нѣкоторыхъ имѣлись только сабли, у другихъ-же пистонныя ружья, то безъ штыковъ, то со штыками, но у всѣхъ этихъ ружьеносцевъ ружье висѣло на плечахъ дуломъ или штыкомъ *внизъ*. Нѣкоторые были совсѣмъ безъ оружія. Посадка всадниковъ была неряшливая, большею частію сидѣли сгорбившись. Вѣнцомъ всей жалкой фигуры ихъ служили физіономіи. Желтыя, безусыя лица имѣли мрачное и какъ-бы испитое выраженіе и были усѣяны морщинами, особенно на лбу, не смотря на то, что это были большею частію люди не старые. Это, очевидно, слѣды опіума. На насъ эти воины смотрѣли искоса и апатично,—однако, были исключенія: человѣка два, у которыхъ лица были болѣе свѣжія и бодрыя, взглянули на насъ привѣтливо и даже крикнули „хома“ (здорово), на что мы отвѣчали тѣмъ-же. Каждый разъ, когда мимо насъ дефилировала новая группа китайцевъ, спутники мои озирали ихъ молча съ усиліемъ удерживаясь отъ смѣха, но какъ только она пройдетъ, то слѣдовалъ взрывъ шутокъ и насмѣшекъ, въ родѣ: „ну, теперь будемъ учить нашихъ бабъ, какъ платкомъ голову повязывать“, или „у нихъ видно штыкомъ землю боронятъ“, или „ишакъ, ишь-ты!, тоже попалъ въ боевые кони“, или „они стало-быть въ походъ ползутъ одинъ по одному“ и т. д.

Но вотъ вдали показалось огромное облако пыли, сквозь которую блестѣли на солнцѣ острія многочисленныхъ копій. Это шла сплошная, хотя безпорядочная пѣхотная колонна, приблизительно человѣкъ въ 70. Каждый пѣхотинецъ на плечѣ держалъ пику, а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, были ружья. Пики ихъ гибкія и очень длинныя, сажени въ двѣ, а остріе на нихъ хорошо отточенное. Я ѣхалъ впереди нашего маленькаго отряда, боковой тропинкой, отстоявшей шаговъ десять отъ большой дороги. Вдругъ, когда мы поровнялись съ серединой толпы, одинъ изъ китайцевъ отдѣлился отъ нея,

снялъ копье съ плеча, взялъ его на перевѣсъ и устремился на меня съ угрожающимъ видомъ и свирѣпымъ выраженіемъ лица. Рѣшившись на выжидательный образъ дѣйствій до послѣдней возможности, я позволилъ ему приблизиться и смотрѣлъ на него молча и неподвижно, причемъ имѣлъ въ виду, еслибъ дѣло дошло до удара, парировать его рукой, что, вѣроятно, было-бы нетрудно, благодаря большой длинѣ копья. Но, къ счастію, китаецъ одумался. Когда остріе пики было отъ меня аршина на два, онъ вдругъ повернулъ и пошелъ дальше, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, еще разъ замахнулся на Дементія, который, однако, тоже не отнесся къ нему ни словомъ, ни движеніемъ, вслѣдствіе чего онъ вторично опустилъ копье.

Неизвѣстно, что означала эта выходка: была-ли то простая угроза, или онъ въ самомъ дѣлѣ намѣревался ударить, только побоялся послѣдствій,—но въ обоихъ случаяхъ она при данныхъ условіяхъ легко могла повести къ непріятнымъ осложненіямъ. При всей этой безпорядочной и шумной толпѣ не было ни одного начальника, многіе люди, по всей вѣроятности, находились въ настроеніи, подобномъ возбужденію ихъ дерзкаго товарища, насъ чужеземцевъ было мало, поэтому весьма возможно, что еслибъ кто изъ насъ взялся преждевременно за оружіе, или отвѣтилъ-бы угрозою, то это было-бы принято за вызовъ на бой. Собственно говоря, вооруженное столкновеніе съ такою челядью не могло быть особенно серіознымъ. Мы были такъ хорошо вооружены и казаки такъ ловко владѣютъ своими берданками и револьверами, что еслибъ мы, въ случаѣ нападенія, открыли огонь, хвостатые воины, вѣроятно, не пожелали-бы продолжать атаку, не смотря на нашу малочисленность. Но дѣло было не въ нихъ, впереди еще оставались большія массы, мы находились въ пустынной и голодной мѣстности и, во всякомъ случаѣ, послѣ какой-нибудь стычки, встрѣтились-бы большія затрудненія въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Поэтому я былъ

доволенъ исходомъ этой встрѣчи, однако, написалъ впослѣдствіи Консулу и Семирѣченскому Военному Губернатору объ этой встрѣчѣ, прося ихъ сообщить китайскому начальству и просить о наказаніи конейщика и того солдата, который бросилъ полѣномъ въ моего деньщика. Каковъ былъ результатъ не знаю, но извѣстно, что китайское начальство въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно выражаетъ непривычную мягкость.

Послѣ этого пришлось видѣть еще много народу, хотя большею частью маленькими отрядами. Лишь долго спустя послѣ прохода упомянутой колонны проѣхалъ верхомъ офицеръ съ прозрачной шишкой на шляпѣ и съ конскимъ хвостомъ въ рукѣ: послѣдній у нихъ есть отличіе военнаго офицера. Вообще такихъ офицеровъ въ теченіе этого дня видѣли всего нѣсколько человѣкъ. Довольно много, только поодиночкѣ и по 2—3 человѣка, прошло пѣшихъ людей въ красныхъ кафтанахъ съ черными узорами и съ мечами на плечахъ. Мечи эти формой похожи на большіе ножи, которыхъ лезвее спрятано въ кожанныхъ ножнахъ, при употребленіи мечъ берутъ въ обѣ руки. Эти краснокафтанники совершенно одинаковаго вида съ тѣми палачами, которые шли впереди процессіи Дао-тая, и, дѣйствительно, когда нужно бываетъ изъять какого-нибудь непокорнаго воина изъ міра сего, то обязанность эта обыкновенно возлагается на меченосцевъ.

Потомъ проходили арбы съ обозами, потомъ два большихъ начальника, одинъ въ каретѣ, другой въ наглухо закрытыхъ носилкахъ, несомыхъ 4-мя людьми. Потомъ опять группы кавалеріи съ копьями, отдѣльные пѣхотные конейщики и пр. Артиллеріи нигдѣ не было видно.

На станціи (Рабатъ-Тшурга) мы застали остальныхъ китайцевъ и когда я расположился въ комнатѣ, назначавшейся для ночлега, человѣка четыре вторгнулись туда и начали

съ назойливостію разсматривать меня и мои вещи. Я могъ-бы велѣть нашимъ людямъ вывести непрошенныхъ гостей, но предпочелъ прибѣгнуть къ болѣе миролюбивому средству. Доставъ изъ портфеля фотографію[1], кашгарскаго Дао-тая, которую оригиналъ ея мнѣ поднесъ, я показалъ солдатамъ китайскаго генерала и затѣмъ энергически указалъ на дверь. Маневръ этотъ подѣйствовалъ и китайцы скоро разсѣялись.

До Маралбаши еще двѣ трети приходится идти лѣсомъ, потомъ идутъ камышевыя поляны, наконецъ начинается небольшой Маралбашскій оазисъ, съ пашнями и полями, между прочимъ, много рисовыхъ. Укрѣпленіе Маралбаши имѣетъ базаръ, онъ же и улица, тутъ пекарни, мясныя, молочныя и овощныя лавки. Сакель едва-ли есть болѣе 50. Крѣпость имѣетъ довольно внушительный видъ. Она построена изъ жженаго кирпича, по бастіонамъ четырехугольныя башни съ отверстіями для большихъ пушекъ, отверстія для нихъ гнутся и вдоль гребня стѣны. Но стѣнамъ и въ открытыхъ воротахъ, по обыкновенію, все мертво, какъ въ какомъ-нибудь заполдованномъ замкѣ.

Народъ здѣсь и въ окрестностяхъ довольно благообразный, какъ я уже упоминалъ, и не производитъ впечатлѣнія неподвижности и тупости. Замѣчательно, что именно въ здѣшнихъ мѣстахъ женщины носятъ высокій, кверху съуживающіяся, шапки, чаще всего красныя, но бываютъ и другихъ цвѣтовъ. Уж не потомки-ли это тѣхъ остроконечныхъ колпаковъ, которые, по описанію Геродота, носили древніе Саки? и какимъ образомъ здѣсь, на ровномъ мѣстѣ, при самой дорогѣ, служившей уже въ древніе вѣка главнымъ трактомъ передвиженій, сохранилась частица народа болѣе чистаго арійскаго типа? Не объясняется-ли это близостью большихъ лѣсовъ, куда уходили жители при приближеніи погрома и

[1]) Она сдѣлана однимъ изъ вѣрненскихъ фотографовъ, бывшихъ въ Кашгарѣ.

затѣмъ возвращались послѣ прохода главныхъ получицъ?

Условія жизни здѣсь болѣе подходятъ къ деревенскимъ, многоженства нѣтъ, въ бракѣ живутъ долго. Бань нѣтъ, но обмываются дома. Задѣльная плата низка. Уходятъ и отсюда мужчины на заработки, поэтому мѣстныхъ женщинъ болѣе, въ уравновѣшеніе чего, впрочемъ, есть пришедшіе торговцы (привлекаемые, вѣроятно, близостью гарнизона). Куреніе наши не безизвѣстно, хотя курятъ лишь немногіе мужчины, а женщины его совсѣмъ не употребляютъ. Между болѣзнями чаще всего лихорадка, попадаются случаи сумасшествія, паша?), зоба[1]), каменной болѣзни. Послѣднія двѣ отчасти въ связи съ твердостію воды, которою отличаются этотъ и большинство сосѣднихъ пунктовъ.

На постояломъ дворѣ посѣтилъ меня одинъ изъ здѣшнихъ торговцевъ, андижанскій сартъ (значитъ считающій себя русскимъ подданнымъ) и принесъ въ подарокъ яицъ и фруктовъ, за что и его отдарилъ гармоникой для его дѣтей. Онъ на китайцевъ не жаловался. Тѣмъ не менѣе, во всемъ разговорѣ, какъ и въ самомъ его посѣщеніи, проглядывали русскія симпатіи.

Пора было дойти до Маралбаши. Команда уже дня четыре питалась тукачами, да и тѣхъ едва хватило, а мой обѣдъ состоялъ изъ черныхъ сухарей и захваченныхъ изъ Вѣрнаго консервовъ, т.-е. изъ сардинокъ и зеленаго сыра съ масломъ[2]).

Утромъ рано, когда мы еще спали на постояломъ дворѣ, чрезъ мѣстечко прошло еще человѣкъ 700 китайскихъ войскъ. Въ дорогѣ же мы не имѣли счастья встрѣчаться съ ними.

[1]) Мнѣ самому, впрочемъ, не встрѣчалось зобатыхъ, въ то время, какъ въ Аксу они попадаются чуть не на каждомъ шагу.

[2]) Запасъ масла возобновился, благодаря любезности С. А. Петровской, и оно хорошо держалось, не смотря на теплое время. Въ Аксу, и то лишь у аксакала, мнѣ удалось достать еще запасъ этой драгоцѣнности, но уже въ топленомъ видѣ. Оно, впрочемъ, почти цѣликомъ получило совсѣмъ иное назначеніе, о чемъ разскажу ниже.

Отсюда до Аксу почти весь путь лежитъ пустыней, лишь кое-гдѣ по дорогѣ небольшія и, большею частью, бѣдныя деревни. Болота, солонцы съ тамарискомъ, глубокіе пески, цѣлые дневные переходы среди убійственной пыли. Въ болотистыхъ мѣстахъ кашгарской пустыни вообще растутъ почти исключительно *тростникъ* (Arundo и Andropogon) и *куга* (Typha). На привалахъ поэтому не разъ приходилось удовлетворять нашихъ лошадей однимъ тростникомъ. Здѣсь даже не видно попадающихся по сосѣдству культурныхъ клочковъ, въ низинахъ около рѣчекъ, *Clematis*, *Convolvulus* и *Myricaria*. Въ болѣе сухихъ мѣстамъ болотистой пустыни попадаются „луга“, поросшіе мелкимъ камышемъ и Carex.

Въ одномъ мѣстѣ, между деревнями *Чадыркуль* и *Яка-Кудукъ* опять идетъ туграковый лѣсъ. Здѣсь мы или ночью, но тоже о тиграхъ не было ни слуху, ни духу; можетъ статься ихъ казаковъ, гремѣвшая по лѣсу, держала ихъ въ почтительномъ отдаленіи, такъ какъ тигръ не охотникъ до громкихъ звуковъ. Вода на нѣсколькихъ стоянкахъ солоноватаго вкуса, въ одной (Джайды) даже противнаго, сѣроводороднаго. За Марал-башемъ стали видны горы по обѣ стороны, на второй день съ лѣвой стороны, мы шли у подножія довольно высокаго горнаго кряжа *Ак-курэ-тау*, голаго и мертваго и вообще напоминавшаго горы передъ Кашгаромъ. Въ этотъ день прошли мимо высокой изгороди, скрывающей убогое жилище нѣсколькихъ отшельниковъ, —это мусульманскій „монастырь“, у воротъ котораго люди наши купили у монаховъ дыни. Вообще дыни можно было доставать въ большинствѣ стоянокъ и онѣ были крупны и сладки, но тѣмъ ихъ было меньше и тѣмъ онѣ дороже, чѣмъ пустыннѣе мѣсто. Не доходя до монастыря есть мѣсто погребенія, напоминавшее киргизскіе некрополи. Нѣсколько грубо выведенныхъ глиняныхъ куполовъ съ отверстіями по бокамъ, чрезъ которыя свободно можно входить къ могиламъ, на послѣднихъ нѣчто въ

родѣ могильныхъ плитъ, т.-е. по просту грубые лежачіе глиняные цилиндры безъ всякихъ надписей. Здѣсь погребены какіе-то знатные туземцы. За „монастыремъ“ въ горахъ еще показываютъ *Слѣдъ ноги Алія* (который въ Кашгаріи никогда не былъ). Я не полюбопытствовалъ доѣзжать до этой святыни, но джигиты разсказывали, что это—углубленіе, похожее на слѣдъ человѣческой ноги, только больше ея.

Недалеко отсюда, у самой дороги на холмѣ, мы увидѣли грѣющуюся *гадюку* (Vipera Berus). Мигомъ нѣсколько казаковъ вскочили на холмъ и порѣшили ее шашками.

На слѣдующій день встрѣтили первый верблюжій караванъ (верблюдовъ вообще въ Кашгаріи мало) и увидѣли въ первый разъ нѣсколько коровъ и телятъ. Въ *Сайарыкѣ*[1]) на постояломъ дворѣ видѣли замѣчательный тополь, громадный стволъ расколотъ пополамъ (можетъ быть вслѣдствіе удара молніи), а остальная половина вверху продолжаетъ зеленѣть; ширина его по расколу около метра. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ можно видѣть живыя глиняныя ограды: рядъ таловыхъ деревьевъ соединенъ глиняной смазкой. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ дорогой встрѣчаются заброшенные глинобитные форты.

Погода все время стояла теплая и ясная, за исключеніемъ нѣсколькихъ пасмурныхъ и прохладныхъ дней.

Скуку и утомленіе путешествія спутники мои сокращали себѣ пѣснями, бесѣдами, шутками и сказками. Съ перваго же дня арбакешъ показалъ желаніе услаждать свой и нашъ слухъ пѣснями. Это былъ очень недалекій, но добродушный сартъ, взявшій съ собой на дорогу своего сына, угрюмаго мальчика лѣтъ двѣнадцати. Какъ только бывало арба тронется и бубенчики заколышатся, арбакешъ уже заблеетъ свои мелодіи. Словесное содержаніе его пѣсень, повидимому, было крайне небогатое, напримѣръ, бывало, въ нихъ по 6—7 разъ сряду повторяется слово „Алла“, что же ка-

[1]) Довольно большое селеніе въ 2-хъ переходахъ отъ Аксу.

сается музыкальныхъ ея достоинствъ, то они были таковы, что я обыкновенно старался быть подальше впереди или позади арбы, чтобы не слышать этого барда. Впрочемъ, онъ мало-по-малу, должно быть, догадался, что онъ не-чета казакамъ и сталъ умолкать, какъ только раздастся пѣснь казаковъ. Немало надоѣдалъ онъ мнѣ и звуками, употребляемыми большинствомъ кашгарцевъ для понуканія лошадей. Понукательная фраза состоитъ изъ произносимаго 3—5 разъ сряду слово „óа" и оно произносилось имъ такъ, что все звукоизверженіе походило на кваканье лягушки, а повременамъ удареніе на *о* становилось до того гортаннымъ или глоточнымъ, что казалось будто арбакеша начинаетъ тошнить. Между казаками главный пѣвецъ былъ добродушный великанъ *Масловъ*, который вообще обнаруживалъ поэтическія наклонности, ибо зналъ бездну сказокъ, въ томъ числѣ вычитанныхъ изъ книги, и очень толково ихъ разсказывалъ. По вечерамъ на станціяхъ, когда ужинъ и чай прошли и лошади были накормлены, бывало умолкаютъ хохотъ и разговоры и голосъ Маслова начиналъ повѣствовать: „и вотъ, братцы, вы мои" и т. д. Иногда это продолжалось до глубокой ночи, такъ что одинъ за другимъ товарищи отдавались сну и слушателемъ оставался одинъ часовой. Когда сказка бывала очень интересна, то разсказъ иногда продолжался и днемъ, во время слѣдованія. Одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ слушателей былъ Дементій. Другой казакъ *Софроновъ*, съ виду замухрышка и почти никогда не улыбавшійся, на самомъ дѣлѣ оказался комикомъ по призванію. Когда онъ вздумаетъ по вечерамъ потѣшать публику, то бывало громовый хохотъ стоитъ въ казачьей палаткѣ или саклѣ, а поодаль толпятся кашгарцы, въ перемежку съ китайцами и заглядываютъ, какъ веселятся урусы. Между прочимъ, онъ, не зная вовсе по-китайски, подмѣтилъ интонацію лающей скороговорки китайцевъ и до того вѣрно поддѣлывалъ ихъ голоса и рѣчь, что я самъ однажды былъ введенъ

въ обманъ и спросилъ, высунувъ голову изъ дверей „что такое нужно этому китайцу“. Оказалось, что тутъ не было души китайской. Веселость моихъ спутниковъ иногда увлекала и китайцевъ. Проворный и наблюдательный Семенинъ зналъ нѣсколько китайскихъ словъ; онъ же зналъ и по-киргизски и при всякомъ удобномъ случаѣ пускалъ свое знаніе въ оборотъ. Однажды, когда мы ночевали на никетѣ, гдѣ жило нѣсколько китайскихъ солдатъ, я проснулся отъ громкаго хохота на дворѣ. Оказалось, что „Иванъ Ивановичъ“ такъ звали товарищи Семенина вступилъ въ бесѣду съ китайцами и до того расшевелилъ желтокожихъ эмоціи, что они держались за бока. Наиболѣе серьознымъ изъ всей компаніи былъ фельдшеръ *Байдаковъ*, честный, развитой и дѣловой юноша, который мнѣ служилъ главнымъ переводчикомъ. Онъ хорошо зналъ по-киргизски и съ помощію этого языка недурно понималъ и китайцевъ, хотя иногда приходилось переспрашивать и просить объясненія.

Когда въ душную атмосферу твоей комнаты входитъ человѣкъ съ холодной улицы, онъ вноситъ съ собою живительную струю свѣжаго воздуха. Такой струей, вмѣстѣ со мною передвигавшейся по этой печальной странѣ, мнѣ казались окружавшія меня молодежь, съ которой я пришелъ изъ за высокихъ горъ. Еще разъ я убѣдился въ вѣрности неоднократно высказаннаго мною взгляда, что русскій простолюдинъ, въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей, не только не нуждается въ кулачной расправѣ, но, напротивъ, лучшія его силы обнаруживаются именно при человѣчномъ обращеніи, конечно, при условіи настойчивости и постоянства со стороны начальника. Онъ не опускается, не черствѣетъ, а напротивъ, развивается и вырастаетъ, по мѣрѣ того, какъ замѣчаетъ, что и въ немъ уважаютъ человѣка. Передъ выступленіемъ изъ Нарына я сказалъ моей маленькой командѣ краткое слово о томъ, какъ они себя должны

вести вообще, а въ чужой сторонѣ въ особенности, и ни разу не имѣть причинъ быть недовольнымъ ими, а, напротивъ, они мнѣ полюбились. Утомительные переходы, холодъ, жаръ и пыль, частыя безсонныя ночи на часахъ, подъ часъ плохая пища, наконецъ, нѣкоторыя опасности—все это потрудѣе спокойной гарнизонной стоянки, въ особенности это относится къ нашему обратному шествію черезъ хребетъ Кокпакъ. Между тѣмъ, не было ни одной попытки обижать жителей, ни малѣйшаго ропота, ни признаковъ утомленія, ни одной ссоры между собою, ни пьянства. Они не только въ точности исполняли все, что я приказывалъ, но угадывали мои желанія и предупреждали приказанія и, въ случаѣ необходимости, навѣрное стали-бы меня выручать изъ опасности, подъ собственнымъ рискомъ. Единственный эпизодъ, въ которомъ они приняли участіе въ дракѣ, скорѣе служилъ къ чести ихъ: на одномъ почлегѣ, гдѣ одновременно съ нашей арбой, съѣхались нѣсколько другихъ, встрѣчные арбакеши поссорились съ нашимъ и стали его бить; моментально нѣсколько казаковъ подскочило на помощь, громадные кулаки Маслова затанцовали по головамъ и плечамъ атакующихъ и живо поправили сраженіе въ пользу нашего барда.

Если ко всѣмъ сказаннымъ качествамъ присоединить понятливость, находчивость и неразрушимую веселость, то понятно будетъ сравненіе, которое я употребилъ выше. Люди эти были взяты вовсе не на выборъ (за исключеніемъ фельдшера и деньщика), всѣ они происходили изъ разныхъ деревень холодной Сибири и могли служить образчикомъ сибирскаго народа, раздѣляющаго съ зауральскими братьями тѣ драгоцѣнныя качества, которыя обнаруживаются въ русскомъ солдатѣ всего замѣтнѣе, именно при трудныхъ обстоятельствахъ. Кто заглянетъ въ зажиточную крестьянскую или казачью деревню, тотъ не всегда вынесетъ оттуда пріятное впечатлѣніе. Примѣры косности, жадности, мелочныхъ ссоръ, даже плутовства, въ особенности же пьянства—все это мож-

но тамъ встрѣтить и чаще всего въ наиболѣе зажиточной средѣ, гдѣ человѣкъ начинаетъ баловаться и самодурничать, чему немало способствуетъ и то, что народъ предоставленъ самому себѣ, ничто не очищаетъ грубости его вкусовъ, нѣтъ среди его благонамѣренныхъ, образованныхъ и преданныхъ дѣлу руководителей и, въ особенности, нѣтъ противодѣйствія пьянству. Но въ юношахъ, неуспѣвшихъ заплѣснѣть, суровая школа военной службы живо вытравляетъ всякое баловство и если только начальники не попадутся въ родѣ китайскихъ, способные не возбудить, а забить все, что отъ природы есть хорошаго въ мужикѣ,—то изъ солдата выдистиллируется нѣчто очень симпатичное. Какъ физическій трудъ, привычка къ холоду, трезвость, воздержаніе и пр. способствуютъ крѣпости тѣла, такъ нравственный и умственный трудъ, лишенія, удаленіе отъ родины, сознаніе отвѣтственности, опасности и другія испытанія, неразлучныя съ военной службой, способны очистить и укрѣпить духъ; они отрезвляютъ человѣка и научаютъ его дорожить тѣмъ и тѣми, къ чему и къ которымъ онъ безъ этого быть можетъ отнесся-бы равнодушно или непріязненно, цѣнить всякую улыбку судьбы—отдыхъ, теплый уголокъ, бесѣду съ товарищами, расположеніе себѣ подобныхъ и т. д. Разумѣется, что та же военная служба, если она принимаетъ видъ мучительства, грабежа и издѣвательства надъ личностью (каковая практика, къ сожалѣнію, и теперь еще въ ходу у нѣкоторыхъ отцовъ-командировъ), можетъ, наоборотъ, изуродовать человѣка, онъ потеряетъ и то, что въ немъ было, понизится, зачерствѣетъ, станетъ плутомъ, пьяницей, или зачахнетъ въ болѣзни.

V.

АКСУ И УЧЬ-ТУРФАНЪ.

Аксуйскій аксакалъ и торжественный завтракъ.—Вступленіе въ Аксу и пѣсня казаковъ.—Видъ города.—Домъ аксакала.—Санитарныя и экономическія условія города.—Умственное развитіе жителей.—Эпидемія.—Неудачный визитъ губернатору и вице-губернатору.—Пріемныя залы ихъ.—Приготовленія къ отъѣзду и разборъ предстоявшихъ трудностей.—Выступленіе.—Учь-Турфанскій оазисъ.—Встрѣча мѣстнаго аксакала.—Ночлегъ въ Учь-Турфанѣ.—Незваніе китайскаго писаря.—Злополучіе аксакала.—Прибытіе киргизскаго джигита изъ Каракола.—Первая юрта и поющая женщина.—Послѣдній ночлегъ подъ крышею.

За три перехода отъ Аксу намъ выѣхалъ на встрѣчу русскій подданый аксакалъ *Алибаевъ*, съ подарками весьма для насъ пріятными при данныхъ условіяхъ, именно съ вареными яйцами, яблоками, виноградомъ, печеньемъ и кормомъ для лошадей. Аксакалъ этотъ, котораго мнѣ уже хвалилъ П. О. Петровскій, оказался человѣкомъ очень обязательнымъ и толковымъ (не смотря на свою безграмотность). Это настоящій джентельменъ, на сколько имъ можетъ быть человѣкъ необразованный; его богатство, благонамѣренность и природный тактъ повели къ тому, что онъ не только пользуется общимъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей, но имѣетъ даже нѣкоторый вѣсъ у китайскаго начальства.

На послѣднемъ переходѣ по долинѣ рѣки Аксу-дарья пришлось пройдти въ бродъ 3 рукава этой рѣки и кромѣ того нѣсколько многоводныхъ арыковъ. Главный рукавъ шириною сажень въ 20, и вода на мѣстѣ брода касалась брюха лошадей, а мѣстами она гораздо глубже. Во время проѣзда г-на Куропаткина чрезъ всѣ рукава были наведены мосты, которыхъ мы и слѣда не видѣли; вѣроятно, ихъ снесло, ибо весною бываютъ большіе разливы, такъ что, все это представляетъ сплошную водяную поверхность. Послѣ такихъ переходовъ черезъ рѣки нашъ четвероногій спутникъ Кривой обыкновенно становился предметомъ общаго веселья: выбивавшись послѣ этого въ пыли, онъ принималъ видъ какого-

то грязнаго дикообраза. Верстахъ въ 10-ти отъ Акеу въ кишлакѣ (деревнѣ) *Аусукъ*, который по величинѣ своей могъ-бы служить предмѣстьемъ города, намъ устроили гостепріимную встрѣчу. Человѣкъ 15 русскихъ сартовъ, торгующихъ въ Акеу, приготовили намъ завтракъ и угощали съ большимъ радушіемъ, вѣчески выражая свое удовольствіе видѣть „земляковъ“. Для меня былъ поставленъ столъ съ возвышеннымъ сидѣньемъ, vis à-vis помѣщался акеакалъ и переводчикъ (Байгуловъ) на скамьяхъ, нѣсколько джигитовъ прислуживало. Завтракъ состоялъ изъ очень вкуснаго пшеничнаго печенья, плова и нѣсколько другихъ мясныхъ кушаньевъ, изъ персиковъ, винограда и чая; къ послѣднему подавался и сахаръ по европейскому обычаю. Подкрѣпившись очень кстати и поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, мы отправились дальше, среди убійственной пыли.

. . . . . .

Даже здѣсь культурная полоса не идетъ сплошь, а не вдалекѣ отъ города въ долину вдвинулась безплодная возвышенная площадь *Ята.з-тасъ*, съ которой по крутому обрыву дорога спускается къ предмѣстью гор. Акеу. Песчаная стѣна обрыва вышиною саженъ 8—10. На верхней ея площадкѣ разсѣянными группами расположены городскія могилы. Спустившись внизъ, дорога сначала еще идетъ вдоль горы, имѣя справа ее, а слѣва пригородные сады, огороды, пашни и сакли.

— Было такъ жарко (11 окт. стар. ст.), что народъ работалъ въ полѣ безъ рубашекъ, въ одной нижней одеждѣ. Листья на деревьяхъ видѣлись чаще зеленыя, чѣмъ желтыя. Когда мы потянулись вдоль подножія горы, казаки запѣли хоромъ, и пѣсня ихъ, отражаясь отъ стѣны, раскатисто разносилась по полямъ и хуторамъ. Видно еще никогда такіе могучіе звуки не врывались въ этотъ убогій муравейникъ. Умолкали при ихъ приближеніи блеющіе речитативы на поляхъ, съ грядъ огородовъ приподнимались чалмы и женскія шапки,

надъ изгородями садовъ появлялись группы изумленныхъ физіономій, изъ дверей грязныхъ лавокъ торчали хвостатыя головы съ отверзстой пастью.

Городъ Аксу (3500 ф.) расположенъ въ наклонной къ рѣкѣ равнинѣ, лежащей между упомянутымъ яромъ и р. Аксударьей, которая удалена отъ города верстъ на 10—15. Между рѣкою и городомъ лежатъ преимущественно рисовыя поля, пшеничныя же расположены въ сторонѣ. Городъ обнесенъ довольно высокою стѣною изъ жженаго кирпича въ зубцахъ виднѣются отверстія для крѣпостныхъ ружей. Есть цитадель (изъ жженаго кирпича) и кромѣ того небольшой фортъ (человѣкъ на 50), расположенный надъ городомъ на самомъ высокомъ мѣстѣ горы. Фортъ этотъ, впрочемъ, теперь стоитъ безъ употребленія. Городъ имѣетъ 4 воротъ, въ однѣ изъ которыхъ мы теперь въѣзжали. Базарная улица, въ которую въѣхали, весьма напоминала улицы Кашгара: узкій, грязный, пыльный корридоръ, обрамленный разнородными лавчонками, сверху накрытый циновками, для защиты отъ солнца, кишащій пѣшимъ и коннымъ народомъ. Конечно, толпа росла, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались. Тысяча глазъ вонзались въ насъ въ нѣмомъ созерцаніи, многіе изъ толпы кланялись, прикладывая руки къ груди, но эти привѣтствія, вѣроятно, относились не къ намъ, а къ аксакалу, который ѣхалъ подлѣ меня. Наконецъ, поворотили въ переулокъ, въ которомъ находился домъ аксакала. По обыкновенію зажиточныхъ мусульманъ, передъ домомъ его расположено нѣсколько небольшихъ дворовъ, раздѣленныхъ стѣною и калиткой.

Вонь и пыль улицы смѣнились довольно чистою атмосферою, на второмъ дворикѣ, у входа въ домъ, насъ привѣтствовалъ кипящій самоваръ и группа горшечковъ съ цвѣтущей гвоздикой. Мнѣ отвели большую чистую комнату[1]), показавшуюся мнѣ дворцомъ, послѣ столькихъ ночлеговъ въ

[1]) Въ ней-же останавливался за годъ передъ тѣмъ Н. М. Пржевальскій.

жалкихъ саклихъ. Она была оштукатурена, снабжена большимъ хорошимъ каминомъ и квадратными окнами, затянутыми узорчатой бѣлой бумагой. Съ двухъ сторонъ были каменныя нары, покрытыя хорошими коврами, и—что меня особенно пріятно удивило—въ ней было съ полдюжины вѣнскихъ стульевъ. Вмѣстѣ съ моею походною кроватью и складнымъ столикомъ, меблировка оказалась хоть куда и въ добавокъ не было того полумрака, которымъ мнѣ больше всего опротивѣли сакли. Команда помѣстилась на внутреннемъ дворѣ подъ навѣсомъ, повѣсивъ съ боку конюшни. Самъ радушный нашъ хозяинъ жилъ въ другой большой комнатѣ, съ особымъ входомъ, а семья его отдѣльно, въ другомъ домѣ. Такихъ „великолѣпныхъ" домовъ во всемъ Аксу 3—4. Вообще видъ города такой-же жалкій, какъ и Кашгара, хотя онъ вдвое больше послѣдняго по населенію, но зато и скученность жилья въ немъ еще больше тамошней. Главная улица въ 1—$1\frac{1}{2}$ сажени шириной, а многіе переулки не шире $1\frac{1}{2}$—2 аршинъ. Дома похожи скорѣе на шкафы. Большинство небогатаго населенія живетъ въ низкихъ и узкихъ глинобитныхъ конурахъ, прилѣпленныхъ одна къ другой и почти темныхъ. Довольно много двухъэтажныхъ домовъ, общая высота которыхъ, однако, едва-ли равняется высотѣ нашихъ одноэтажныхъ. Въ нижніе этажи свѣтъ проникаетъ чрезъ рѣшетчатое окно, устроенное надъ дверью, въ верхніе—все тѣ-же изображенныя отверстія въ потолкѣ. Многіе дома не имѣютъ отдѣльныхъ дворовъ, а выходятъ прямо на улицу. О фундаментахъ, тротуарахъ, мостовыхъ и т. п. нѣтъ рѣчи. Плотная жёсткая глина, составляющая матеріалъ полозъ, дворовъ и улицъ, и здѣсь до извѣстной степени замѣняетъ мощеніе и препятствуетъ проникновенію гніющихъ жидкостей въ толщу почвы, но за то приспособленія для соблюденія чистоты надъ землей столь первобытны, что для пыли и зловонія открытъ широкій разгулъ. Правда, что навозъ отъ людей и животныхъ удаляется, т.-е. собирается для полей

столь-же тщательно, какъ въ Кашгарѣ, испражненія подбираютъ ежедневно, а навозъ 3—4 раза въ мѣсяцъ. Но зато все остальное: моча, помои и пр. выкидываются куда попало. Кое-гдѣ есть помойныя ямы, но и онѣ, какъ въ Кашгарѣ, никогда не очищаются, а когда яма переполнится, то жидкость сама вытекаетъ и гдѣ-нибудь попадаетъ въ одинъ изъ городскихъ арыковъ. Послѣднихъ имѣется 6 на весь городъ, жидкость въ нихъ течетъ крайне медленно, покрыта зеленой пленкой и издаетъ зловоніе. Оканчиваются эти канавы на поляхъ, слѣдовательно и городскія помои утилизируются, но въ теченіи своемъ вдоль города они вредятъ не мало. Воду городъ получаетъ изъ ключей, вытекающихъ изъ подъ горы и имѣющихъ, большею частью, видъ колодца. Многіе изъ нихъ содержатся нечисто, въ нихъ попадаетъ и уличная пыль и, кромѣ того, въ нихъ просачиваются нечистоты изъ окружающей почвы, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые расположены ниже жилыхъ домовъ.

Кладбища, какъ сказано было, расположены на верху горы, чего также нельзя одобрить въ санитарномъ отношеніи, правда, впрочемъ, что вода протекающая чрезъ него, процѣживается чрезъ очень толстый слой земли. Если вспомнить о томъ, какое жаркое и продолжительное лѣто въ Кашгаріи и какъ рѣдки вѣтра и дожди, то станетъ понятно какимъ воздухомъ дышетъ городское населеніе. Жара способствуетъ развитію вредныхъ газовъ и микробовъ, сухость—развитію грязной пыли, и, кромѣ того, нѣтъ прямого промыванія воздуха и почвы атмосферными осадками. Между прочимъ чрезвычайная тѣснота въ домахъ должна отравлять атмосферу дома, особенно въ жаркое время.

Бань не имѣется вовсе и многіе изъ бѣдныхъ людей никогда не моются.

Къ такимъ незавидными условіямъ присоединяется жалкое экономическое и гражданское положеніе населенія. Поденная плата нѣсколько выше, чѣмъ въ Кашгарѣ, именно 15—16

кой., но зато и городъ больше, что влечетъ за собою большія цѣны на квартиры и съѣстные припасы. Часть жителей, кромѣ своихъ городскихъ профессій, продолжаетъ заниматься земледѣліемъ, но не смотря на обильные, подъ вліяніемъ городскихъ удобреній, урожаи[1]), около $^1/_3$ городскихъ участковъ, гдѣ земля менѣе доброкачественна, лежитъ необработанною, что, главнымъ образомъ, объясняется большими поборами и грабежемъ со стороны китайскихъ чиновниковъ и солдатъ (см. выше). Издѣлія аксуйской промышленности— ковры, кожаная обувь и конусы (которыя довольно цѣнны) занимаютъ большое число рабочихъ, но спросъ всегда превышаетъ предложеніе. Поэтому здѣсь, въ такой-же мѣрѣ, какъ въ Кашгарѣ, существуетъ эмиграція мужчинъ и торговля женщинами, постыдная женитьба на дѣвочкахъ, безпрестанные разводы и, вслѣдствіе всего этого, отсутствіе солидной семейной жизни и воспитанія, что, въ свою очередь, порождаетъ физически и духовно слабыхъ людей.

Злоупотребленіе наркотиками тоже распространено, хотя не въ такой степени, какъ въ Кашгарѣ. Образованіе народа на такой-же низкой ступени, какъ тамъ. Умственный кругозоръ ограничивается эмпирическими, притомъ весьма первобытными профессіональными знаніями, событіями дня, религіозными суевѣріями и кое-какими мусульманскими легендами. Въ школахъ города обучается ничтожное число дѣтей. Литературы нѣтъ въ поминѣ. О всѣхъ другихъ народахъ, кромѣ китайцевъ, самыя смутныя понятія, даже имена ихъ неизвѣстны. И представители „интеллигенціи“, т.-е. муллы, отличаются глубокимъ невѣжествомъ и грубымъ суевѣріемъ, вслѣдствіе чего они, напримѣръ, когда къ нимъ обращаются за помощію больные (другихъ лечителей нѣтъ), кромѣ чтенія молитвы, прибѣгаютъ къ разнымъ народнымъ пріемамъ, напр., изгоняютъ нечистаго помощію дутья вокругъ больнаго и т. п. волшебныхъ формулъ.

[1]) Рисъ первосортный стоитъ около 40, а пшеница около 20.

— Вліяніе китайцевъ такое-же, какъ вообще въ Кашгарѣ, т.-е. скорѣе подавляющее и разлагающее, чѣмъ оживляющее и образующее.

Изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что гигіеническія условія и строй общественной жизни именно таковы, что составляютъ благодатную почву для эпидемическихъ болѣзней. Оказалось, что ко времени нашего прихода въ Аксу quasi—холера уже угасла. Мнѣ удалось увидѣть всего только одного больнаго, у котораго замѣчались, и то въ очень слабомъ видѣ, признаки той болѣзни, которая поразила городъ. Какъ изъ этого случая, такъ и изъ описаній, собранныхъ мною отъ очевидцевъ, я вывелъ заключеніе, что то была *потная горячка* (febris miliaris), болѣзнь въ Европѣ въ настоящее время рѣдкая и неособенно опасная, но въ прежніе вѣка наводившая ужасъ и на нашу часть свѣта, благодаря тогдашнему состоянію общественной гигіены. Это та самая болѣзнь, которая въ 16-мъ столѣтіи прославилась подъ названіемъ *sudor anglicus*. При гигіеническихъ условіяхъ, подобныхъ вышеописаннымъ, обыкновенно, достаточно бываетъ какого-нибудь толчка для того, чтобы мѣра терпѣнія человѣческаго организма переполнилась и разразилась эпидемія. Въ данномъ случаѣ толчкомъ этимъ были необыкновенныя метеорологическія условія первой половины лѣта, именно такая жара, какой незапомнили люди, живущіе въ Аксу по четверти вѣка. При этомъ, совершенное отсутствіе дождей. Немудрено, что при этомъ испаренія изъ помойныхъ ямъ, арыковъ, дворовъ, улицъ должны были увеличиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ домахъ вредныя послѣдствія тѣсноты обострились; словомъ, усилились и условія для образованія болѣзнетворныхъ микробовъ, а съ другой стороны сила сопротивленія организма понизилась, благодаря увеличенію вдыханія вредныхъ газовъ и пыли и можетъ быть прямому разслабляющему вліянію жары. Послѣдовалъ взрывъ грозной эпидеміи, сила которой, какъ-бы сосредоточилась на томъ органѣ тѣла, гигіе-

ническимъ содержаніемъ котораго всего болѣе пренебрегали, т.-е. на кожѣ.

Въ теченіи 3—4-хъ недѣль болѣзнь была неслыханной жестокости; увѣряютъ, что въ это время изъ заболѣвшихъ никто не выздоравливалъ, и притомъ многіе умирали въ теченіи первыхъ сутокъ, испуская потоки пота и мучимые неутолимой жаждой. Мало того, были случаи „молніевидной“ смерти у людей, до тѣхъ поръ здоровыхъ; такихъ случаевъ аксакалу Алимбаеву было извѣстно до десяти. Цѣлыя семьи вымирали въ нѣсколько дней, хотъ собственно заразительности незамѣтно было. Заболѣвали преимущественно въ бѣдныхъ квартирахъ, улицы-же, гдѣ жили болѣе зажиточные, сравнительно мало пострадали. Ужасъ объялъ населеніе, крики „вабй! вабй!“ (моръ), стонъ и плачъ слышались по улицамъ. Въ мечетяхъ и передъ ними лежали распростертыми толпы молящихся. Ни откуда не было помощи несчастнымъ, ни врачей, ни лекарствъ, ни общинъ милосердія, ни очищенія, ни дезинфекціи, ни поддержки оставшихся сиротъ или стариковъ. Сотни и тысячи умирали въ своихъ темныхъ конурахъ, на мокромъ зловонномъ тряпьѣ, и грудами вывозились на кладбища. Всего умерло около 2000. Китайская администрація отъ начала до конца пребывала равнодушной: китайская мудрость въ этомъ отношеніи до сихъ поръ не опередила логики самыхъ первобытныхъ народовъ и считаетъ эпидеміи вообще лишь бичами Божьими, съ которыми бороться было-бы нелѣпо. Въ добавокъ, дѣло шло о какихъ-нибудь покоренныхъ кашгарцахъ. Сами китайцы, впрочемъ, тоже не избѣжали этого бича, однако, благодаря большей зажиточности и кое-какому знакомству съ лекарствами, ихъ и заболѣвало и умирало немного.

Спасеніе пришло изъ той-же атмосферы, которая послала эпидемію: въ концѣ 2-го мѣсяца ей пошли *дожди*, которые съ небольшими промежутками продолжались недѣли три. Тотчасъ обнаружился переломъ въ болѣзни и по количеству за-

болѣвавшихъ, и по отношенію умиравшихъ, а къ осени мало-по-малу она стала исчезать.

Характеръ болѣзней вообще подобенъ тому-же, что въ Кашгарѣ, но, кромѣ того, здѣсь необыкновенно часто встрѣчается *зобъ*, о причинахъ котораго будетъ еще упомянуто ниже.

Прежде, чѣмъ оставить городъ, я оставилъ аксакалу запасъ лекарствъ изъ моей дорожной аптечки, съ подробною инструкціею, переведенной на турецкій языкъ при помощи Байгулова и конторщика аксакала.

Въ Аксу мы провели 4 дня, часть которыхъ я употребилъ на ознакомленіе съ городомъ и его санитарными условіями. На третій день я возымѣлъ сдѣлать визитъ губернатору и его помощнику. Визитъ этотъ я тѣмъ болѣе считалъ умѣстнымъ, что съ ихъ стороны, казалось, былъ сдѣланъ первый шагъ къ дружескимъ отношеніямъ, а именно на второй день нашего пребыванія, вице-губернаторъ прислалъ намъ клеверу, джугары и рису на нѣсколько дней и увѣдомилъ, что и дровъ приказано отпустить въ такой-же пропорціи. Предварительно, какъ водится у нихъ, было послано увѣдомленіе чрезъ аксакала и назначенъ день и часъ. Легко себѣ представить каковы были мое удивленіе и досада, когда ни тотъ, ни другой вельможа меня не приняли. Подробности этого событія были слѣдующія:

Утромъ 13-го октября я отправился въ полной формѣ съ 4-мя казаками, съ Байгуловымъ, съ аксакаломъ и нѣсколькими джигитами въ цитадель. Ворота были отперты, за ними была гауптвахта, но вмѣсто часовыхъ на оной, по обыкновенію, видѣлось только разставленное въ рядъ оружіе—копья, алебарды, трезубцы и пр. Проѣхали нѣсколько пустыхъ переходовъ или дворовъ, гдѣ кромѣ окаймляющихъ стѣнъ ничего не видно было, очутились у дверей губернаторскаго двора. Здѣсь аксакалъ слѣзъ съ лошади и пошелъ нѣкомъ,

я-же, съ моей свитой, подъѣхалъ по мощеному двору до самаго пріемнаго зала и взошелъ въ него по ступенькамъ. Собственно говоря, это была не зала, а открытая эстрада съ навѣсомъ, примыкавшая къ дому, стѣна котораго служила ей фономъ. Отъ средней части стѣны впередъ подавались двѣ перегородки, составляя родъ открытаго кабинета, съ диванчиками или, лучше сказать, со скамьями, обитыми краснымъ сукномъ. Часть стѣны, въ которую упирался кабинетъ, была занята аляповатою живописью, изображавшею, какое-то фантастическое четвероногое, все тѣло котораго было покрыто голубой чешуей, а вмѣсто головы виднѣлось изображеніе картіи съ какою-то надписью. Вообще, надписей было множество, и разноцвѣтныя, исчерченныя ими, дощечки занимали бо́льшую часть стѣны и висѣли на столбахъ, которыми поддерживался навѣсъ. У той-же стѣны, внѣ кабинета, стояла двуколесная карета и закрытыя, обтянутыя синимъ сукномъ, носилки, а поблизости ихъ замѣчалась закрытая дверь, чрезъ которую, вѣроятно, входили во внутреннія комнаты. Само собою разумѣется, что убранство эстрады довершалось висѣвшими сверху громадными бумажными фонарями.

Поднявшись на эстраду, я увидѣлъ себя окруженнымъ толпою хвостатыхъ бобочниковъ, пожиравшихъ меня глазами. Между всѣми этими лицами я могъ различить только одно, котораго выраженіе было серіозное и осмысленное; лицо это носило очки и, вѣроятно, принадлежало какому-нибудь секретарю. Прождавъ нѣсколько минутъ, я наконецъ спросилъ чрезъ переводчика, что значитъ это замедленіе. Тогда подошелъ какой-то офицеръ и объявилъ, что губернаторъ „нездоровъ“ и потому не можетъ меня принять. Уже подозрѣвая въ этомъ какую-нибудь китайскую хитрость, я, однако, еще поѣхалъ къ вице-губернатору, но у него повторилась та-же исторія. Какъ пріемная его зала была подражаніемъ губернаторской, такъ и самый пріемъ оказался столь-же неудачнымъ, съ тою разницею, что этотъ

„Цао-тай[1]) просилъ извиненій, что онъ не можетъ сегодня принять за множествомъ дѣлъ, но что проситъ пріѣхать „въ другой разъ“. Я съ досадой отправился домой.

Такъ какъ кормъ, присланный китайцами, былъ уже съѣденъ нашими лошадьми, то нельзя было послать его назадъ, но дровъ, которыя еще не были привезены на нашъ дворъ, я приказалъ не брать, а для того, чтобы не остаться въ долгу за клеверъ и пр., я послалъ вице-губернатору два подарка, а именно пачку шоколадныхъ конфектъ съ картинками и дѣтскій игральный ящикъ[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ передали, что я разсердился. На другой день губернаторъ велѣлъ мнѣ передать слѣдующую тираду: „пусть русскій больной докторъ не сердится, мы его не приняли потому, что не имѣемъ на то разрѣшенія генералъ-губернатора, который у насъ, все равно, что половина государя“, а „Цао-тай № 2 прислалъ мнѣ свою визитную карточку и свертокъ, въ которомъ, какъ мнѣ сказали, былъ денежный подарокъ и, кромѣ того, велѣлъ объявить, что приказано отпускать намъ въ пути казенный фуражъ и дрова на первыхъ 3-хъ станціяхъ. Хотя по азіатскимъ понятіямъ денежные подарки въ такихъ случаяхъ весьма обыкновенны, но я возвратилъ пачку не развернутою и оставилъ только визитную карточку, а что касается фуража и дровъ въ дорогѣ, то я все-таки платилъ выдававшему ихъ китайцу, по рыночнымъ цѣнамъ; представилъ-ли онъ эти деньги, или взялъ себѣ—незнаю. Подарки-же, говорятъ, понравились. Наконецъ, настала желанная возможность готовиться къ отправленію въ обратный путь. До прибытія въ Аксу я еще окончательно не рѣшилъ, какое именно направленіе избрать для этого, хотя уже заранѣе склонялся въ поль-

---

[1]) Такой-же самый я подарилъ шестилѣтнему сыну акакала.

[2]) Вице-губернаторъ, хотя по мѣсту ниже губернатора, но чинъ имѣетъ одинаковый съ нимъ, поэтому ихъ обоихъ называютъ здѣсь даотаями, вслѣдствіе чего я не разъ сбивался, о которомъ изъ нихъ идетъ рѣчь.

зу кратчайшей линіи, т.-е. прямаго караваннаго пути отъ Аксу на Караколь, чрезъ хребетъ Кокшаль и перевалъ Беделъ (или Бадаль). Еслибъ дѣло состояло только въ разстояніи, которое не только меньше обратнаго круга чрезъ Кашгаръ и Нарынъ, но и другой линіи чрезъ Музартъ и Кульджу, то не могло-бы быть и разговора о томъ, какимъ путемъ возвращаться. Но въ такихъ странахъ, съ которыми имѣть дѣло, приходится брать въ разсчетъ много другихъ условій. Кокшаль одна изъ высочайшихъ и пустыннѣйшихъ цѣпей Тянь-шаня, немногимъ лучше и слѣдующія за нею сосѣдки, а гора Беделъ, которой миновать нельзя, возвышается почти на 14.000 фут. надъ уровнемъ моря, т.-е. перевалъ этотъ можетъ считаться однимъ изъ высочайшихъ во всемъ старомъ свѣтѣ. Если передвиженіе къ сѣверу по пустыннымъ мѣстамъ уже въ низколежащихъ мѣстахъ становится затруднительнымъ въ такое время года, то это гораздо въ большей степени относится къ такимъ высотамъ, гдѣ даже среди лѣта бываютъ снѣжные бураны. Нерѣдко караколькимъ врачамъ ежегодно представляются случаи отмороженныхъ ногъ или рукъ у бѣдныхъ кашгарскихъ эмигрантовъ, переваливавшихъ горы ради заработковъ, что бываетъ особенно весною. Въ добавокъ не только провизію, топливо, но даже кормъ для животныхъ приходится везти съ собою по этому пути, что не только затрудняетъ движеніе, но увеличиваетъ рискъ очутиться безъ того или другаго въ случаѣ непредвидѣнныхъ продолжительныхъ задержекъ и другихъ осложненій. Лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, есть киргизскія кочевки по плоскогорью (за Беделемъ), но въ данное время по всей дорогѣ между послѣдними кашгарскими селеніями и русской деревней *Сингиной*, т.-е. на протяженіи верстъ 200, опять только одно жилое мѣсто, китайское укрѣпленьеце съ гарнизономъ изъ 2—3 человѣкъ, да и то здѣсь запасаться чѣмъ-либо нѣтъ возможности, потому что самимъ солдатамъ все доставляется на вьюкахъ изъ Учь-Турфана. Можно считать, что отсутст-

віе подножнаго корма и топлива продолжается на протяженіи 120 верстъ, съ тою разницею, что пункты, гдѣ прекращается и начинается, то и другое, не совпадаютъ. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что какъ самый подъемъ на главный перевалъ сопряженъ съ большими загрудненіями, такъ и вообще этотъ путь во многихъ мѣстахъ отличается опасными тропинками и крайней непроходимостью, вслѣдствіе громадныхъ камней или глубокаго снѣга. Наконецъ, слѣдовало имѣть въ виду еще одно обстоятельство, о которомъ хотя обыкновенно забываютъ, но все-же оно по временамъ сказывается, именно припадки горной болѣзни. Ташъ-рабатъ мы перевалили благополучно, но здѣсь предстояли еще бо́льшія высоты, которыя для многихъ организацій (въ томъ числѣ и для моей) небезразличны. Хотя рѣдко, но бываютъ даже случаи внезапной смерти, вслѣдствіе рѣдкости воздуха[1]). Съ другой стороны, Ведель меня манилъ новизною впечатлѣній и возможностью скораго разставанія съ постылою Кашгаріею, со скукою и неудобствами кочевой жизни, а въ добавокъ, какъ у меня, такъ и у казаковъ, суммы, отпущенной на расходъ не хватило-бы на обратный путь чрезъ Кашгаръ и Нарынъ. Наконецъ, горная страна, которую мы прошли въ первый путь, хотя не столь высока, не представляетъ такихъ неудобствъ и опасныхъ переходовъ и снабжена кое-какимъ подножнымъ кормомъ, но все-таки это тоже холодная и голодная пустыня, не представляющая, особенно въ такое поздне время года, такихъ прелестей, изъ-за которыхъ стоило-бы продолжить путешествіе еще недѣль на пять. Поэтому я

[1]) Такъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодой и здоровый киргизъ Джилги-Бай, поднявшійся въ горы, которыя простираются къ сѣверу отъ Кокшала. Извѣстны и нѣкоторые историческіе примѣры смерти отъ рѣдкости воздуха; такова была судьба Султанъ-Саида, одного изъ могущественнѣйшихъ правителей Кашгаріи (XVI столѣтіе). Во время возвращенія его изъ похода на Тибетъ онъ умеръ около Каракорума „отъ сгущенія крови“.

ожидалъ, что скажутъ мнѣ въ Аксу люди бывалые. Когда-же я услышалъ, что „можно“ и даже нашелся каракольскій сартъ, который брался быть нашимъ возчикомъ, то я склонился въ пользу Беделя и сдѣлалъ соотвѣтствующія приготовленія.

Пшеничныхъ лепешекъ и чаю взято въ дорогу съ избыткомъ, т.-е. на двѣ недѣли и кромѣ того у насъ былъ порядочный запасъ рису и гороху, а для лошадей джугары. У меня самаго оставались еще кое-какіе консервы, а радушный аксакалъ заказалъ мнѣ на своемъ хуторѣ фунтовъ пять топленаго коровьяго масла. Заказаны мѣховыя рукавицы, а валеныя кенги и тулупы уже были у всѣхъ. Кошомная палатка и кошъ, котораго кошмы въ Кашгарѣ обшилъ еще вторымъ слоемъ, были дополнены нѣсколькими запасными кошмами. Кромѣ верховой лошади, я взялъ для себя конныя носилки, которыя мнѣ, по моей инструкціи, соорудили казаки. Онѣ состояли изъ двухъ солидныхъ жердей, средняя часть которыхъ была соединена перекладинами, а къ этой рамкѣ придѣланъ веревочный переплетъ съ углубленіемъ, поверхъ этого лежали кошмы и небольшой тюфякъ съ подушкой. Задніе и передніе концы жерди пристегивались къ сѣдлу лошади. Сѣдоковъ на этихъ лошадяхъ не было, но переднюю лошадь держалъ наповоду ѣхавшій впереди казакъ. Носилки эти я завелъ отчасти для чрезмѣрно-утомительныхъ переходовъ, отчасти въ виду того, что въ нихъ было теплѣе, наконецъ, на случай болѣзни кого-либо изъ насъ. Клеверомъ предположено было запастись въ Учь-Турфанѣ, а дровами еще далѣе, на горномъ ночлегѣ, гдѣ есть лѣсокъ. Весьма жалѣлъ я, что мой запасъ спирта для горѣнія кончался. Во всей этой странѣ ни за какія деньги нельзя его достать, пришлось замѣнить его китайской водкой, но это снадобье я вскорѣ бросилъ. Зловоніе сивушнымъ масломъ отъ нея такъ сильно, что этотъ запахъ всюду остается, а главное крѣпость ея такъ мала, что она съ трудомъ зажигается, особенно на

открытомъ воздухѣ, и соотвѣтственно этому плохо разогрѣваетъ. Въ дорогѣ я ухитрился найдти другое средство для замѣны спирта, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Караванъ нашъ состоялъ изъ 16-ти всадниковъ, въ томъ числѣ возчикъ (каракешъ) и 6 его помощниковъ, и 23-хъ лошадей, часть которыхъ шла подъ вьюкомъ. Въ послѣдствіи караванъ еще увеличился нѣсколькими проводниками. Заплатить пришлось здѣсь возчику вдвое болѣе, чѣмъ изъ Нарына до Кашгара, именно 90 рублей; разстояніе почти одинаковое, но трудности неодинаковы.

15-го октября, въ ясный полдень, мы выступили изъ Аксу, подъ веселые переливы хоровой пѣсни казаковъ. До Учь-Турфана 3 дневныхъ перехода по культурной полосѣ, едва-ли не самой плодородной во всей Кашгаріи, особенно къ Учь-Турфану. Чѣмъ ближе, тѣмъ гуще идутъ пашни, хутора и аллеи тополя. Вообще видъ этой мѣстности указываетъ нѣкоторую зажиточность. Жители одѣваются лучше, сакли чище, а въ нѣкоторыхъ хуторахъ замѣтны намеки на роскошь, въ родѣ рѣшетчатыхъ садовыхъ бесѣдокъ и т. п. Часто встрѣчаются могилы святыхъ и другихъ мѣстныхъ знаменитостей, онѣ, обыкновенно, огорожены высокими глиняными рѣшетками и надъ ними возвышаются шесты съ навѣшаннымъ тряпьемъ. Много и общественныхъ кладбищъ, могилы все того-же однообразнаго вида, покрытыя лежачими глиняными цилиндрами.

Сначала пришлось пройдти въ бродъ нѣсколько рукавовъ Аксу-дарьи, а далѣе по дорогѣ два рукава *Тушканъ-дарьи*, впадающей въ первую. Около Учь-Турфана[1] мѣстность становится холмистою, съ лѣвой стороны возвышался голый каменистый *Токсунъ-тагъ*, а справа впервые обозначались вдали предгорья Тянь-шаня и предвѣщали намъ конецъ странствованія, но въ то-же время смотрѣли сурово и таинственно

[1]) Городъ на высотѣ 4.400 фут., по Пржевальскому.

какъ очертанія гигантскаго редута, который еще предстояло взять приступомъ.

Днемъ погода была довольно теплая, а на деревьяхъ еще держалось довольно много зеленыхъ листьевъ. По дорогѣ встрѣчались цвѣтущіе голубые ирисы. Къ закату уже дуло холодкомъ, но вечерамъ на ночлегахъ поддерживался огонь въ каминѣ, а ночью и утромъ, при выступленіи съ ночлеговъ, бывало совсѣмъ холодно.

Аксуйскій аксакалъ проводилъ насъ до 2-ой станціи, а на слѣдующемъ переходѣ встрѣтилъ насъ Учь-Турфанскій аксакалъ, тоже русскій подданный. Это былъ человѣкъ болѣе низменнаго сорта, по сравненію съ аксуйскимъ, но проворный и обязательный. По прибытіи въ городъ, я остановился въ его саклѣ, которая, вмѣстѣ съ мечетью и нѣсколькими другими домами, составляли постройки, выходившія на одинъ и тотъ-же, довольно обширный, дворъ. Казаки помѣстились на дворѣ подъ навѣсомъ.

Учь-Турфанъ имѣетъ, говорятъ, около 6.000 жителей, изъ этого 500 китайцевъ, въ томъ числѣ гарнизонъ крѣпости. Видъ города, по обыкновенію, неказистый. Сакли раскинуты у подножія горы, ниже крѣпости, по серединѣ ихъ идетъ базарная улица. Есть сады, изъ которыхъ получаются очень вкусные яблоки, персики и виноградъ, въ чемъ я убѣдился, отвѣдывая угощенія, ожидавшаго меня въ саклѣ, аксакала. Сама сакля почти ничѣмъ не превосходила большинства кашгарскихъ жилищъ.

Дважды въ недѣлю бываетъ базаръ, на которомъ главными покупщиками являются киргизы, кочующіе по Тянь-шаню. Въ данное время ихъ не видно было. Крѣпость расположена у подножія сѣрой скалы, которая отчасти замѣняетъ ей стѣну. Крѣпость кирпичной постройки, довольно большая и правильной формы, съ выступными башнями. На верхушкѣ скалы какая-то безобразная сторожка, съ дли-

нымъ шестомъ, на которомъ развѣвается красная тряпка; это,—какъ сказали мнѣ,—китайская молельня.

Пріѣздъ нашъ, по обыкновенію, былъ сигналомъ къ наполненію двора всевозможнымъ людомъ, между которымъ было довольно много и китайцевъ. Чтобы избѣжать докучливыхъ зрителей, я притворилъ дверь, но чрезъ нѣкоторое время ее отворили настежь, и въ ней появился какой-то китаецъ, который съ необыкновенною настойчивостью сталъ меня разсматривать. Это была одна изъ самыхъ непозволительныхъ физіономій, которыя даже между китайцами встрѣчаются не часто. Нѣсколько минутъ я терпѣлъ этотъ экзаменъ, потомъ посмотрѣлъ на него и рукою указалъ ему на дворъ. Вмѣсто того, чтобы послушаться, онъ, съ внушительнымъ видомъ хозяина, сдѣлалъ еще два шага впередъ и сталъ продолжать осмотръ. Но едва онъ успѣлъ остановиться, какъ Масловъ и Семенинъ, слѣдившіе за нимъ со двора, подхватили его подъ руки и вывели ускореннымъ темпомъ на середину двора. Очнувшись отъ этого неожиданнаго галопада, онъ разразился злой крикливой бранью, казаки отвѣчали хохотомъ, что его еще болѣе разозлило. Въ это время подошелъ аксакалъ, чтобы урезонить его, но это ему не обошлось даромъ, развѣвшійся юбочникъ ударилъ его кулакомъ въ лицо и сказалъ, указывая на насъ: „когда эти уйдутъ, я съ тобою разсчитаюсь“, а затѣмъ отретировался скорымъ шагомъ на улицу. Бѣдный аксакалъ нерѣшился дать ему сдачи: это оказался какой-то писарь изъ канцеляріи мѣстнаго начальства, и аксакалъ имѣлъ основаніе бояться дальнѣйшихъ послѣдствій, хотя правда была на его сторонѣ. Въ предыдущемъ году онъ и такъ уже получилъ 100 палочныхъ ударовъ отъ коменданта за то, что встрѣчалъ и провожалъ П. М. Пржевальскаго, проѣзжавшаго чрезъ Учь-Турпанъ на Бедель почти въ такое-же время. Этотъ образчикъ показываетъ, какъ китайцы обходятся даже съ русскими подданными. Впрочемъ, на этотъ разъ для аксакала, вѣроятно, дѣло тѣмъ и конча-

лось (хотя и этого казалось-бы довольно), такъ какъ ему после этого удалось оказать услугу коменданту: последній прислалъ ко мнѣ одного изъ чиновниковъ съ просьбою дать лекарствъ отъ зоба для какого-то родственника, и переговоры происходили при посредствѣ аксакала, который оправился на столько, что даже намѣревался принести жалобу на самоуправство писаря. Видно и земляки последняго, находившіеся на дворѣ во время эпизода изгнанія, неособенно сособлѣзновали ему, ибо никто не вступился за него. Правду сказать,—одинъ взглядъ на кулаки Маслова могъ отбить охоту къ какому-нибудь состязанію.

Вечеромъ явился киргизскій джигитъ, посланный ко мнѣ изъ Караколя съ бумагою отъ и. д. уѣзднаго начальника, г. Нетелина. Въ бумагѣ меня увѣдомляли, что хотя получено распоряженіе Военнаго Губернатора о содѣйствіи мнѣ, на случай моего возвращенія чрезъ Бедель, но такъ какъ всѣ киргизы откочевали на Иссыкъ-куль, то выставленіе юртъ, дровъ, барановъ, посылка киргизовъ на встрѣчу и т. п. не можетъ состояться[1], и что вообще не совѣтуютъ мнѣ идти на Бедель, на всякій же случай посылается опытный джигитъ, знающій дорогу. Еслибъ я получилъ это увѣдомленіе въ Аксу, то и тогда не отступился-бы отъ однажды принятаго рѣшенія, а теперь тѣмъ болѣе. Во всякомъ случаѣ, я обрадовался киргизу, какъ старому пріятелю. Это былъ пожилой, беззубый и для киргиза очень флегматичный парень, но выносливый, какъ всѣ его сородичи, и, дѣйствительно, какъ оказалось потомъ, хорошо знавшій пути по

---

[1]; Тѣмъ не менѣе, мѣры, принятыя въ предыдущемъ году уѣзднымъ начальникомъ, г. Колпаковскимъ, по случаю приближенія г. Пржевальскаго, показываютъ, что и въ это время года содѣйствовать возможно. Часть посланныхъ тогда на встрѣчу киргизовъ назначались для того, чтобы сдѣлать дорогу по ущелью Кашка-су сколько-нибудь удобопроѣзжаемою.

Беделю и по ту сторону его, т.-е. въ русскихъ предѣлахъ, по южному же склону онъ проѣхалъ чуть-ли не въ первый разъ и поэтому помощь услужливаго аксакала, который взялся насъ проводить до Беделя и хорошо былъ знакомъ съ мѣстными дорогами, была очень нелишнею.

Запасшись клеверомъ и джугарой, мы выступили 18-го послѣ полудня. По маршруту г. Сунаргулова, который прошелъ этимъ путемъ въ 1877 г., первымъ приваломъ послѣ Учь-Турфана былъ караулъ *Башъ-Агма*, мы же выѣхали, по болѣе короткому пути, на лежащую сѣвернѣе деревеньку *Кара-Екзукъ*, одинъ изъ крайнихъ населенныхъ пунктовъ Учь-Турфанскаго оазиса и вообще Кашгаріи. Отъ города она отстоитъ верстъ на 18—20. Дорогой приходится нѣсколько разъ проходить чрезъ мелкіе притоки Тушканъ-дарьи и встрѣчается нѣсколько заброшеныхъ глинобитныхъ фортовъ. Приблизительно на полдорогѣ пошла степь, поросшая чіемъ, потянуло откуда-то полынью и въ сторонѣ увидѣли первую юрту,—словомъ, увидѣли предметы, составлявшіе для насъ нѣкоторымъ образомъ „дымъ отечества". Неподалеку оттуда по дорогѣ мы нагнали женщину, которая что-то распѣвала,—первая женская пѣсня, которую я услышалъ въ этой странѣ, но и то, вглядываясь ближе, я увидѣлъ, что это была киргизка.

Въ Кара-Екзукѣ я помѣстился въ саклѣ какого-то мужика, перешедшаго на эту ночь съ семьею къ сосѣду. Здѣсь я въ послѣдній разъ побаловался тепломъ. При уютномъ огнѣ, весь вечеръ пылавшемъ въ каминѣ, я могъ облиться водою, сидѣть въ легкой одеждѣ, читать и писать, да и ночью было довольно тепло. А затѣмъ цѣлая недѣля прозябанія въ каменисто-ледяныхъ пустыняхъ. Но прежде, чѣмъ разстаться съ Кашгаріею, обернемся еще разъ назадъ, посмотримъ на нее съ высоты птичьяго полета и дополнимъ вышеописанное нѣкоторыми деталями.

VI.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА КАШГАРІЮ.

Географическое положеніе, горы и рѣки.—Почва и плодородіе.—Рудное богатство.—Флора и фауна.—Климатъ.—Болѣзни.—Административное раздѣленіе и управленіе.—Подати и повинности.—Промышленность и торговля.—Населеніе.—Дикіе люди.—Войска.

Кашгарія или Восточный Туркестанъ, какъ сказано было, представляетъ дно высохшаго моря, окруженнаго высокими горами: съ сѣвера *Тянь-шанъ*, съ запада *Памиръ*, съ юга *Кунь-лунь*, съ востока *Алтынъ-тагъ*. Предѣлы страны 43° и 35° с. ш. и 72° и 90° в. д.

Солончаковая котловина эта заключаетъ около 20.000 кв. миль. Она къ западу суживается, къ востоку расширяется и нѣсколько понижается, при всемъ томъ, даже Аксу еще на высотѣ слишкомъ 3000 фут. Рѣки всѣ принадлежатъ къ системѣ *Тарима*, который впадаетъ въ громадное озеро Лобъ-норъ (2500 ф. в.), окруженное болотами. Рѣки вообще не судоходны и служатъ лишь къ орошенію и для другихъ потребностей осѣдлыхъ имѣетъ. Въ верховьяхъ своихъ онѣ стремительны и дно наполнено камнями, далѣе-же къ востоку онѣ, напротивъ, во многихъ мѣстахъ образуютъ болотистыя озера и болота.

Весьма значительная часть котловины занята песками, особенно къ югу, гдѣ раскинулась степь *Такай-Гоби*. Но предгоріямъ почва очень каменистая. Большая часть Кашгаріи относится къ третичной системѣ[1] (лёссовая глина, пески и солонцы), въ горахъ и предгоріяхъ встрѣчаются различныя другія, какъ упоминается въ своемъ мѣстѣ. Неизвѣстно, какая именно часть почвы Кашгаріи можетъ считаться плодородною, но можно сказать, что эта часть сравнительно очень невелика. Гдѣ лёссовыхъ залежей достаточно, тамъ

[1]) Туркестанъ въ геологическомъ отношеніи, И. В. Мушкетова, 1886 г.

—плодородіе и населеніе, гдѣ преобладаютъ песокъ и солонцы, —тамъ и солончаковая флора: гребенщикъ (Tamarix) и т. п., а въ болотистыхъ мѣстахъ, камыши. Взглядъ на карту показываетъ, какъ рѣдко разсѣяны населенные пункты, а во время слѣдованія отъ Кашгара до Аксу, по полосѣ еще сравнительно болѣе удобной и населенной, можно убѣдиться, какія громадныя пространства песчаной пустыни приходится проходить. Я уже упомянулъ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ обращенный къ Кашгарію склонъ Тянь-шаня, послѣ нашихъ горъ, покрытыхъ травами; подобное впечатлѣніе, только въ обратномъ порядкѣ, получилось при возвращеніи нашемъ чрезъ хребетъ Кокъ-шаль.

Если-бъ кашгарскія степи производили по крайней мѣрѣ травянистую флору, то можно-бы допустить, что при распространеніи населенія, оно находило-бы и возможность питаться въ новыхъ мѣстахъ. Но держаться въ какой-нибудь мѣстности, похожей на Сахару—мудрено. Если-бъ дѣло состояло только въ томъ, чтобы провести каналы, вспахать и засѣять, то культурные оазисы не обрывались-бы вдругъ, переходя въ пустыню, какъ это можно замѣтить во многихъ мѣстахъ. Рѣкъ и водъ вообще довольно много. Возможно, что кое-гдѣ и недостатокъ воды причиною того, что земля лежитъ впустѣ, но эта причина должна быть второстепенная; я припоминаю, напримѣръ, лежащія по-пути мѣста, гдѣ воды довольно, а царствуетъ печальное запустѣніе. Правда, что въ болотистыхъ мѣстахъ, кое-какое скотоводство еще возможно, лошади и рогатый скотъ научаются питаться одинымъ тростникомъ. Но безъ земледѣлія и при нездоровости такихъ мѣстъ немыслимо процвѣтаніе значительнаго населенія, что, напр., видимъ на Лобъ-норѣ (см. ниже). Существованіе участковъ среди мертвой пустыни указываетъ на то, что за черту этихъ участковъ некуда идти. Одно изъ главныхъ условій неплодородія почвы—слишкомъ большая примѣсь солей. Есть еще, конечно, одна не относящаяся къ при-

редѣ страны причина, по которой не вся земля обрабатывается,—именно китайскіе набоpы съ земледѣльцевъ, о которыхъ я упоминалъ выше, но если-бъ дѣло этимъ исчерпывалось, то все-таки населенные и культивированные участки распредѣлились-бы болѣе равномѣрно, чѣмъ это замѣчается на самомъ дѣлѣ. Въ добавокъ, мѣстами сама вода солоноватая, вотъ еще причина неплодородія. Но, вообще, даже плодородные участки Кашгаріи, большею частью, отличаются весьма посредственнымъ плодородіемъ. Если кое-гдѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ городовъ, подъ вліяніемъ городскихъ изверженій, получаются такіе урожаи, о которыхъ мнѣ говорили въ Аксу (см. гл. III), то среднимъ урожаемъ можно считать самъ шесть, даже пять.

Въ виду всего здѣсь высказаннаго немогу согласиться съ г-мъ Куропаткинымъ, который полагаетъ[1], „что малочисленность населенія есть главная причина относительно небольшой площади воздѣлываемой земли, а не наоборотъ". Я думаю именно наоборотъ. Народъ, который столько вѣковъ занимается земледѣліемъ и садоводствомъ и столько вѣковъ нуждается, нашелъ-бы и при первобытныхъ способахъ воздѣлыванія возможность увеличить эту площадь. Мнѣ кажется, что хотя при лучшихъ способахъ обработки и болѣе толковой и честной администраціи число земледѣльческихъ участковъ могло-бы тоже увеличиться, но большой надежды по этой части питать нельзя въ виду естественныхъ препятствій.

Другое дѣло *рудное богатство* этой страны. Давно уже Кашгарія славилась *дорогими камнями*, *желѣзомъ*, *мѣдью* и *золотомъ*, которые относились къ главнымъ предметамъ вывоза и источникамъ богатства ея купцовъ. Замѣчательно, что Петръ Великій до того соблазнился золотымъ пескомъ „Малой Бухаріи" или, какъ называли тогда сибиряки Кашгарію, что даже возымѣлъ мысль добраться до Яркенда, откуда

[1]) Кашгарія, стр. 17.

его возили, вооружённой рукой. Но съ теченіемъ времени добываніе этихъ предметовъ стало труднѣе и труднѣе. Именно эта статья требуетъ болѣе раціональныхъ способовъ эксплоатаціи, слѣдовательно, при китайскихъ порядкахъ и недостаткѣ образованія въ народѣ, отъ нея ожидать нѣчего. Каменный уголь есть въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, близъ Аксу, но онъ добывается исключительно для китайскаго начальства, по наряду рабочихъ отъ населенія. Вслѣдствіе первобытнаго и небрежнаго способа разработки, онъ плохаго качества. *Соли* очень много и она составляетъ предметъ внутренней торговли. *Квасцы* и *натронъ* добываютъ въ Карашарѣ и Кучѣ. *Селитровыя* и *мѣдныя* копи есть въ Аксуйскомъ округѣ. *Желѣзная* руда въ Кизилѣ, къ западу отъ Яркенда. Главное богатство заключается въ простирающемся къ югу отъ г. Хотана хребтѣ Алтынъ-тагъ, который еще на столько богатъ *золотомъ*, что даже при теперешнемъ способѣ добыванія въ нѣсколькихъ мѣстахъ получается отъ 18 до 38 фунтовъ въ мѣсяцъ, а нѣкоторыя мѣсторожденія этого металла, не смотря на относительное богатство ихъ, напр., въ Ходаликѣ и Чадаликѣ, вовсе не разрабатываются. Тотъ же хребетъ скрываетъ *нефритъ*, *яхонтъ* и *серу*.

Флора Кашгаріи крайне бѣдна и по числу видовъ и по распространенію ихъ, какъ уже видно изъ вышеописаннаго. Естественныхъ луговъ въ истинномъ смыслѣ слова совсѣмъ нѣтъ, лѣсовъ мало, а гдѣ они есть, то отличаются замѣчательнымъ однообразіемъ и бѣдностью видовъ. Преобладающіе виды растеній были приведены выше. Здѣсь слѣдуетъ добавить, что по склонамъ горъ, гдѣ есть сланцы, мѣстами попадается *ревень*, а гдѣ преобладаетъ гранитъ—кое-какія *зонтичныя* и *камнеломки*[1].

---

[1]) Petermans Mittheilungen, Ergänzungsheft № 52 Ostturkestan 1877. Свѣдѣнія ботаническія, сообщенныя въ этомъ томѣ, взяты изъ описанія д-ра Белю, сопровождавшаго экспедицію Форсайта.

Фауна. Вышеприведенныя отрывочныя указанія дополняю слѣдующими: около Лобъ-нора живетъ дикій *верблюдъ*; по долинамъ большихъ хребтовъ, сосѣднихъ съ пустыней, водится *дикая лошадь* (кулань). Дикій быкъ или *Кутасъ* (Bos grunicus) попадается въ высокихъ хребтахъ, подъ линіей вѣчнаго снѣга; онъ свирѣпъ, мохнатъ и гораздо крупнѣе яка, который иногда держится киргизами Тянь-шаня. Объ *Ovis Poli* высокихъ плоскогорій было упомянуто. *Антилопа* живетъ стадами по песчанымъ горамъ около пустыни. *Заяцъ* встрѣчается нерѣдко около населенныхъ мѣстъ. Кромѣ тигра въ низменности водятся *пантера, рысь, лиса, волкъ, кабанъ* и *выдра*. Въ пустынѣ этихъ звѣрей очень мало, но нѣкоторыя мѣста, именно камыши большихъ болотистыхъ участковъ и лѣса, обилуютъ тиграми и кабанами. Изъ *птицъ* по озерамъ и болотамъ водятся *лебедь, гусь, утка, журавль, цапля* и др. Лобъ-норъ по Пржевальскому, „весною кишитъ водяными птицами", такъ какъ это озеро служитъ имъ станціею при перелетѣ изъ Индіи въ Сибирь. Вѣроятно, и другія озера въ это время оживляются, часть перватыхъ остается на лѣто, но зимою, вслѣдствіе труднаго добыванія рыбы, онѣ улетаютъ за Гималай. Около поселеній встрѣчаются *ворона, галка, сорока, скворецъ, голубь, сова, ласточка, воробей, дрозда*, различныя *славки, жаворонки*. Изъ хищныхъ птицъ показывается *соколъ, ястребъ, орелъ*; одна порода послѣдняго, бургутъ, иногда пріучается для охоты на звѣрей. *Рыбы* Кашгаріи также преимущественно относятся къ семейству карповыхъ. По Лобъ-нору и нижнему Тариму (Пржевальскій) рыбы много, именно *маринка* и сродный ей видъ. Въ мелкихъ рѣкахъ къ западу ея очень мало. Изъ суставчатыхъ водятся *тарантулъ* и *скорпіонъ* (Пржевальскій); относительно *земноводныхъ* подробныхъ свѣдѣній не имѣю; единственное изъ этого класса животныхъ, которое мнѣ пришлось видѣть, была вышеупомянутая змѣя. По болотамъ, конечно, есть *лягушки*. *Насѣкомыхъ* много. Различныхъ мошекъ и комаровъ

по болотамъ, особенно около Лобъ-нора, въ теплое время столько, что это составляетъ бичъ для жителей.

Вообще нужно сказать, что за исключеніемъ оживленія озеръ во время осенняго и весенняго перелета, фауна Кашгаріи также сравнительно очень бѣдна видами, а самые виды распространены скудно.

Климатъ. Онъ отличается слѣдующими характеристическими чертами: жаркое лѣто, непродолжительная умѣренная зима (рѣки, впрочемъ, замерзаютъ), необыкновенная сухость и рѣдкость атмосферныхъ осадковъ, рѣдкость вѣтровъ. Преобладаютъ вѣтра NW и N (по крайней мѣрѣ, въ Кашгарѣ). На западъ разъ 5—6 въ году, чаще всего весною, бываютъ сухіе бураны съ тучами пыли, обыкновенно неблагопріятно вліяющіе на больныхъ, и даже производящіе у здоровыхъ угнетенное настроеніе духа и другія нервныя явленія, что, вѣроятно, объясняется сильнымъ *электрическимъ* напряженіемъ. Къ востоку, въ большихъ песчаныхъ пустыняхъ не рѣдки злобные ураганы, которые могутъ быть сравниваемы съ самумомъ. Вслѣдствіе необыкновенной сухости въ Кашгаріи весьма обыкновенны пыльные туманы. Я посѣтилъ эту страну уже въ относительно прохладное время, но д-ръ Белью замѣтилъ, что дѣйствіе жаровъ на организмъ здѣсь очень сильное: при меньшей температурѣ, на солнцѣ люди скорѣе изнуряются, чѣмъ въ Индіи, согласно его наблюденіямъ, и притомъ не только это относилось къ иностранцамъ, но и къ самимъ кашгарцамъ. Это объясняется соединеннымъ дѣйствіемъ прямыхъ и отраженныхъ отъ сухой солнцеватой и песчаной почвы тепловыхъ лучей. Грозы бываютъ лѣтомъ и обыкновенно сопровождаются песчаными бурянами. Наиболѣе здоровымъ временемъ года считается осень.

Землетрясенія бываютъ, но не производятъ особеннаго вреда.

О болѣзняхъ вообще слѣдуетъ прибавить, что онѣ по *ха-*

рактеру довольно равномѣрно распространены по всей странѣ. Въ деревняхъ, конечно, ихъ меньше, люди лучше сложены, рѣже попадаются малокровные, истощенные, горбатые, чахоточные, сифилитики и пр., но *золотуха* и *хроническія сыпи* встрѣчаются и тамъ, а *перемежная лихорадка* отчасти въ скрытыхъ формахъ очень нерѣдка, гдѣ сѣютъ рисъ и въ болотистыхъ отъ природы мѣстахъ. Гдѣ твердая вода, какъ напр. въ Маралбаши, тамъ бываютъ случаи *каменной болѣзни.*

Зобъ, повидимому, есть очень распространенная болѣзнь. Въ Аксу я видѣлъ массу зобатыхъ, но въ Яркендѣ онъ, говорятъ, еще обыкновеннѣе и это продолжается съ давнихъ поръ. У многихъ больныхъ онъ достигаетъ огромной величины, что не только производитъ безобразіе, но влечетъ за собою разстройство дыханія, кровообращенія и упадокъ психической жизни. Причины этой болѣзни сложныя. Хотя слѣдуетъ признать, что она чаще является въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ почва глинистая, а вода содержитъ много извести и магнезіи (тверда), что и встрѣчается въ Кашгаріи,— но этихъ условій далеко недостаточно. Многія изслѣдованія, между прочимъ, д-ра Шалыгина въ Коканѣ[1]), приводятъ къ заключенію, что важнѣе всего обиліе въ водѣ органическихъ нечистотъ, обиліе рисовыхъ полей или другихъ болотъ и нечистоты воздуха, словомъ вліяніе *міазмъ.*

Административное раздѣленіе и *управленіе страны.* Со времени послѣдняго завоеванія китайцами, т-е. съ 1878 г., существуетъ 8 административныхъ округовъ, изъ которыхъ составляются 2 области по 4 округа въ каждой. Въ Западную область входятъ: *Кашгаръ, Янги-Гиссаръ, Яркендъ* и *Хотанъ*, въ Восточную—*Карашаръ, Куча, Аксу* и *Учь-Турфанъ.* Областями управляютъ *губернаторы* (Дао-тан), которые подчинены генералъ-губернатору, живущему въ Кашгаріи. Окру-

[1]) Военно-Медицинскій журналъ, 1878 г.

ги управляются второстепенными начальниками, которымъ, въ свою очередь, подчинены мусульманскіе *беки* съ ихъ помощниками. Но этихъ бековъ, въ настоящее время, осталось немного, ихъ предположено постепенно замѣнять китайцами, что составляетъ новую причину неудовольствій народа. Хотя большинство этихъ бековъ взяточники и міробды, но они по крайней мѣрѣ мусульмане и говорятъ на мѣстномъ языкѣ и притомъ, будучи большею частью людьми зажиточными и принадлежа къ мѣстной аристократіи, подъ-часъ отстаиваютъ своихъ передъ китайцами. Начальники-же изъ китайцевъ, отчасти замѣнившіе ихъ теперь, представляютъ безличный продажный сбродъ, не имѣющій никакой связи съ народомъ, это бо́льшею частью разные дунгане и китайцы, которые были при Якубъ-бекѣ насильственно обращены въ мусульманство, а при китайцахъ опять окитаились.

Подати и повинности. Съ кочеваго населенія не берутъ никакихъ податей, для него существуютъ только нѣкоторыя временныя повинности, какъ-то: выставленіе юртъ, топлива и фуража для проѣзжающихъ чиновниковъ. Управляются они при этомъ своими родовыми начальниками и судятся выборными біями. Такое положеніе дѣлъ, весьма приближающееся къ независимости, установлено съ цѣлью сманиванія въ Кашгарскіе предѣлы русскихъ киргизъ и возбужденіе неудовольствія къ Россіи. Такъ какъ наши киргизы обложены довольно высокою податью, то это иногда и удастся, что слѣдовало-бы имѣть въ виду. Впрочемъ, киргизы не очень довѣряютъ китайцамъ, и при томъ кочевья на русской сторонѣ Тянь-шаня далеко лучше, чѣмъ и объясняется, что до сихъ поръ незамѣтно большаго движенія въ китайскіе предѣлы.

Иное дѣло осѣдлое населеніе, съ которымъ уже не церемонятся. Берутся: 1) подати съ земли зерномъ, соломой и дровами, 2) пошлины за продажу скота, 3) повинности выставкою рабочихъ для казенныхъ сооруженій. Подать съ зем-

ли въ настоящее время далеко тяжелѣе, чѣмъ при Якубъ-бекѣ, который установилъ ее соразмѣрно каждогодному урожаю. китайцы, напротивъ, берутъ съ размѣра земли, всѣ равно какъ великъ урожай, даже не принимая во вниманіе обрабатывается-ли данный клочекъ земли, принадлежащій тому или другому хозяину. Кромѣ того, какъ видѣли выше, она увеличивается незаконными поборами. Наконецъ, сборы эти тяжелы тѣмъ, что плательщики для взноса податей должны ѣхать изъ селеній въ отдаленные города, при чемъ самые пріемщики употребляютъ подкупный вѣсъ и практикуютъ всевозможное вымогательство. Сборы съ продажи скота, какъ и земледѣльческая подать, составляютъ 10% его стоимости и, въ свою очередь, весьма увеличиваются тѣмъ, что по временамъ продавцы принуждены бываютъ прямо отдавать извѣстное число скотинъ чиновникамъ или солдатамъ. Выставка рабочихъ тяжела потому, что ихъ привлекаютъ, не смотря ни на какія разстоянія и обыкновенно въ большемъ числѣ, чѣмъ это нужно, въ добавокъ, все это сопровождается различными поборами.

О земледѣліи, промыслахъ и *умственномъ развитіи* уже выше были приведены главныя черты. Ковры, коимы, обувь, хлопчато-бумажныя ткани, а въ Хотанѣ, кромѣ того, шелководство—вотъ главныя отрасли промышленнаго искусства, но и онѣ довольно посредственны за исключеніемъ кономи, шелковыхъ и нѣкоторыхъ другихъ сортовъ ковровъ.

Пути сообщенія и *торговля.* Русскій Туркестанъ и Бухара сообщаются съ Кашгаріею вьючнымъ путемъ, идущемъ чрезъ Онъ и перевалъ *Терекъ-Давать* (13.000 фут.); путь трудный, особенно около перевала, отличающагося частыми и продолжительными буранами; онъ усѣянъ костями погибшихъ кашгарскихъ бѣглецовъ. Семирѣчье сообщается 2-мя или, пожалуй, тремя горными-же путями: путь, идущій изъ Нарына двойной—одно направленіе чрезъ *Таш-рабатъ* и Тургартъ,

другое черезъ Теректы; 3-й идетъ чрезъ Бедель (изъ Аксу въ Караколъ) и будетъ еще описанъ. Съ Кульчжею (а посредственно и съ Семирѣчьемъ) Кашгарія сообщается чрезъ высокій перевалъ *Музартъ*—тоже одинъ изъ весьма трудныхъ путей. На югъ существуютъ подобные описаннымъ вьючно-горные пути, которыми проходятъ въ Тибетъ и Индію. О внутреннихъ, весьма малочисленныхъ и плохо устроенныхъ дорогахъ даетъ понятіе описанное выше Кашгарско-Аксуйское сообщеніе.

О размѣрѣ торговли съ русскими владѣніями даютъ понятіе цифры, имѣющіяся относительно Нарынo-Кашгарскаго и Ошско-Кашгарскаго пути[1]):

	въ 1882 г.	1883 г.	1884 г.
Вывозъ на	800.343 р.	1.018.067 р.	1.360.023 р.
Привозъ	560.219 „	803.183 „	838.781 „
Разница привоза и вывоза	240.124 „	214.884 „	521.242 „

Увеличеніе какъ вывоза, такъ и привоза этимъ трактомъ въ 1883 и 84 гг. объясняется учрежденіемъ въ Кашгарѣ русскаго консульства, такъ какъ при этомъ условіи для русскихъ подданныхъ торговцевъ значительно уменьшился рискъ потерять товары и подвергнуться различнымъ произвольнымъ выходкамъ со стороны китайскаго чиновничества.

О провозѣ чрезъ Бедель привожу свѣдѣнія на 1886 г.

Вывозъ (изъ Кашгаріи) былъ на 146.831 руб.

Ввозъ „ „ „ „ 20.327 „

Весьма значительная разница между этими цифрами и предыдущими объясняется, главнымъ образомъ, трудностію этого пути.

Главные предметы вывоза по этимъ путямъ слѣдующіе: хлопокъ, даба, мата (бязь), мѣшки и переметныя сумы и

[1]) Свѣдѣнія о торговлѣ чрезъ Нарынъ и Ошъ сообщены мнѣ Н. О. Петровскимъ; цифры о торговлѣ чрезъ Бедель заимствованы изъ дѣлъ Каракольскаго уѣзднаго правленія. О размѣрѣ движеній на Кульчжу и на Тибетъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣю.

другой хлопчато-бумажный товаръ, какъ-то: пояса, готовая одежда изъ бумажныхъ тканей, на ватѣ и безъ ваты, неразмотанный шелкъ (изъ Хотана и Яркенда), шелковыя и полушелковыя ткани, шелковые и шерстяные ковры, бараньи, лошадиныя и козловыя шкуры, невыдѣланныя и выдѣланныя мѣха, особенно бѣлые бараньи, шерсть и кошмы, нашатырь, квасцы, сухіе фрукты, наша́ (гашишъ). Главные предметы привоза: русскіе ситцы, платки, коленкоръ, шерстяныя матеріи, сукна, мѣхъ выдры, краски, котлы, желѣзо и издѣлія, какъ-то: замки, пилы, ведра, иголки и т. п.; мѣдные тазы, сахаръ, свѣчи, спички, сундуки, клей, воскъ, бухарскіе платки и шелковыя ткани, писчая бумага, камышевыя перья (для мусульманскаго письма), сѣдла, табакъ, бухарскіе сухіе фрукты и пр. Торговля съ *Малымъ Тибетомъ* и съ Индіей (по южнымъ путямъ) заключается въ слѣдующемъ: предметы вывоза: хотанскій шелкъ, наша́, золото, китайское серебро, ковры, кошмы; предметы ввоза: англійскіе ситцы, кисея, платки, сукна, чай, кожа, куньи мѣха, литографированныя въ Индіи книги религіознаго содержанія, различныя пряности, краски, наркотическія вещества, лекарства, часы, зеркальца, бусы и пр.

Кромѣ того, существуетъ кое-какая торговля съ Бадахшаномъ и другими мелкими владѣніями и съ внутренними провинціями Китая. Вообще видно уже изъ сдѣланнаго перечисленія (нѣсколько сокращеннаго), что статьи вывоза далеко однообразнѣе и проще, что́ зависитъ съ одной стороны отъ малочисленности и однообразія произведеній Кашгарской природы, съ другой—отъ низкой степени культуры; то и другое приходится дополнять произведеніями природы и промышленности другихъ странъ.

Населеніе. Г. Куропаткинъ (1877 г.) приводитъ общую цифру населенія всей Кашгаріи 1.200.000, не указывая, къ сожалѣнію, источника ея. Уже по этой цифрѣ очень жидкое населеніе, т.-е. всего около 65 ч. на квадратную милю. По

Форсайту[1]) (1873—74) жителей еще меньше, всего 1.015.000, и то онъ прибавляетъ, что, вѣроятно, эта цифра (взятая еще изъ китайскихъ источниковъ) выше того, что было въ данное время. По мнѣнію П. О. Петровскаго, и въ настоящее время едва-ли болѣе милліона. Пришлое осѣдлое населеніе состоитъ изъ китайцевъ, дунганъ[2]), жителей Западнаго (русскаго) Туркестана или выше упомянутыхъ андижанцевъ и немногихъ индусовъ и тибетцевъ. Кочевое населеніе состоитъ изъ кара-киргизъ, кочующихъ въ сѣверныхъ и западныхъ горахъ, и небольшаго числа калмыковъ, живущихъ въ окрестностяхъ Карашара и въ долинѣ Хайдынъ-Куа. Собственно основные жители Кашгаріи рѣдко называютъ себя этимъ именемъ, а различаютъ между собою кашгарцевъ, яркендцевъ, хотанцевъ, аксуйцевъ и турфанцевъ, изъ чего видна недостаточность слiянія населенія различныхъ частей этой страны. Въ языкѣ этихъ различныхъ оазисовъ также есть разница, хотя не на столько, чтобы жители ихъ съ трудомъ понимали другъ-друга. Слѣдуетъ еще упомянуть вкратцѣ о населеніи низовьевъ р. Тарима и береговъ озера Лобъ-нора, со словъ П. М. Пржевальскаго[3]). Оно раздѣляется на *тарам-*

[1]) Petermans Mittheilungen, Ost-Turkestan. 1877.

[2]) Происхожденіе дунганъ не совсѣмъ ясно. Сами они себя считаютъ потомками воиновъ Тимура, будто-бы оставшихся въ Китаѣ и смѣшавшихся съ китайцами. Но это убѣжденіе лишено историческихъ основаній. Они вѣры мусульманской, но языкъ и одежда ихъ китайскіе. Тѣмъ не менѣе, между китайцами и дунганами постоянно существуетъ антагонизмъ. А кульджинскіе дунгане, переселившіеся въ русскіе предѣлы, смертельные враги Китая. Дунгане вообще народъ честный, трезвый, трудолюбивый и храбрый. Вѣроятнѣе всего, что они произошли отъ Юечи или Гетовъ, именно отъ той части, которая не приняла участія въ нашествіи гетовъ на Восточный Туркестанъ, а осталась въ нынѣшнихъ западныхъ провинціяхъ Китая, около города Синнинъ-Фу, но подъ напоромъ китайцевъ мало-по-малу смѣшалась съ ними и окитайлась. Тѣмъ не менѣе, къ нимъ проникла мусульманская религія чрезъ Кашгаръ, что и сдѣлалось источникомъ антагонизма между ними и китайцами.

[3]) Пржевальскій. Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-Норъ. 1878.

цевъ или *каракульцевъ* и собственно *лобнорцевъ* или *каракуршинцевъ*. Жители Тарима отличаются блѣднымъ цвѣтомъ лица (вѣроятно, благодаря обилію болотъ), впалою грудью, вообще нестильнымъ сложеніемъ, роста чаще средняго, физіономія отличается разнообразіемъ, т.-е. встрѣчаются типы сартовъ, киргизовъ, тангутовъ, иногда чисто европейскія, вообще основаніе арійскаго типа замѣчается и здѣсь. Словомъ, представляется подобное тому, что замѣчено было мною въ болѣе западныхъ частяхъ. Живутъ въ убогихъ постройкахъ изъ тростника, по болотистымъ берегамъ рѣки и озеръ, иногда откочевывая въ другія мѣста, гдѣ больше топлива и корма для скота, т.-е. тростника, а иногда по случаю осны, которая здѣсь обыкновенно уноситъ большинство жертвъ. Главное занятіе рыболовство, пища почти исключительно рыба, вмѣсто хлѣба порою служатъ корни кендыря; земледѣліемъ же занимаются немногіе и съ недавняго времени, урожаи плохіе, по случаю солонцоватости почвы. Разводятъ барановъ и рогатый скотъ, который крупной породы, лошадей мало. Волокно для одежды и сѣтей доставляетъ кустарное растеніе *кендырь* (Asclepias). Всѣхъ таримцевъ около 1200 душъ. *Каракуршинцевъ* не болѣе 300 душъ (70 семействъ). Это народъ слабаго тѣлосложенія, со впалою грудью, типа тоже смѣшаннаго арійско-монгольскаго, но цвѣтъ кожи довольно темный. Видъ угрюмый и апатичный. Часть этихъ людей, живущая внутри озера Лобъ-нора, сохранила первобытный образъ жизни. На болотистыхъ площадкахъ стоятъ шалаши изъ тростника и крыша изъ него-же, по срединѣ яма для огня. Живутъ почти исключительно рыбою, которую ѣдятъ вареною, хлѣба незнаютъ; какъ лакомство ѣдятъ молодые побѣги тростника. Когда удастся достать муки, то ѣдятъ ее поджаренною. Баранина, вслѣдствіе рѣдкости ея, дѣйствуетъ даже вредно на ихъ желудки. Одежда изъ кендыря, зимою подшиваютъ шкурками дикихъ утокъ. Челнокъ изъ выдолбленнаго тогрука, сѣти, двѣ—три чугунныя чашки (изъ Курля),

ведро, ткацкій станокъ и веретено — вотъ почти весь инвентарь ихъ имущества. Челнокомъ оба пола ловко управляютъ и плывутъ въ немъ, большею частью, стоя. Умственныя способности очень низки, нѣкоторые считаютъ не далѣе сотни.

Извѣстный ученый Миллеръ во время пребыванія своего на Иртышѣ въ 1734 г.[1]) слышалъ отъ проѣзжихъ кашгарцевъ, что около озера Лобъ живутъ дикіе люди. Не объ этихъ-ли рыбоѣдахъ шла рѣчь?

О цифровомъ распредѣленіи различныхъ перечисленныхъ народностей данныхъ не имѣется; можно только сказать, что между осѣдлымъ населеніемъ 2-е мѣсто занимаютъ китайцы, хотя все-таки они въ ничтожномъ меньшинствѣ противъ кашгарскихъ сартовъ. О распредѣленіи половъ было сказано. Цифръ и на это нѣтъ, но, вообще, можно сказать, что бросающееся въ глаза преобладаніе числа женщинъ до деревень относится въ незначительной степени. Статистики браковъ, смертности, рожденій и пр. конечно не существуетъ.

Войска. Люди въ китайскія войска поступаютъ по найму, въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ. Срокъ службы неопредѣленный, а зависитъ отъ желанія, ибо только въ военное время солдатъ не имѣетъ права оставить ряды, въ мирное-же онъ можетъ уходить, когда пожелаетъ. Боевыя единицы (линзы) бываютъ пѣхотныя, кавалерійскія и артилерійскія. Первыя по спискамъ состоятъ изъ 500 чел., вторыя изъ 250, третьи (которыхъ въ Кашгарѣ, впрочемъ, нѣтъ) изъ 8—12 пушекъ съ прислугою; наличный-же составъ всегда значительно меньше, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ причинъ, т.-е. казнокрадства со стороны начальниковъ. Линза раздѣляется на 5 ротъ, рота на отдѣленія. Кромѣ начальника линзы и его помощника, есть еще 5 ротныхъ командировъ и столько-же помощниковъ ихъ, итого 12 офицеровъ и кромѣ того 4—6 чиновниковъ для канцелярскихъ занятій. Медицинскій персо-

[1]) Риттеръ. Землевѣдѣніе, переводъ Григорьева. 1873, Т. II.

нать признается излишнимъ. Содержаніе солдать отпускается денежное и натурой. Пѣхотинецъ получаетъ 8 руб. въ мѣсяцъ, кавалеристъ 14. Муки выдается 4 пуда 24½ фунта въ мѣсяцъ на человѣка (стало-быть, болѣе дѣйствительной потребности). Кавалеристъ, кромѣ того, получаетъ по 6 фун. клевера въ сутки на лошадь. Мундиръ казенный, но онъ носится только на службѣ, а внѣ ея солдатъ обязанъ имѣть собственное платье. Начальникъ (цингуань) получаетъ 240 руб. въ мѣсяцъ, помощникъ 80, ротные командиры и ихъ помощники 42 и 32. Не смотря на весьма порядочное жалованье, цингуань еще имѣетъ выгоду отъ того, что ему поручается интендантская часть линзы и вдобавокъ можно предположить, что въ его карманъ идетъ часть той воровской экономіи, которая идетъ отъ фиктивно-содержимыхъ солдатъ. Львиная ея доля, конечно, остается у генераловъ. Наконецъ, вошло въ привычку при всякой возможности временно задерживать жалованье солдатъ, вслѣдствіе чего бываютъ частые бунты; пока задержанное жалованье въ рукахъ начальства, оно, повидимому, употребляетъ на различные коммерческіе обороты. Помѣщается каждая линза въ отдѣльной казармѣ, которая иногда представляетъ небольшую крѣпостцу, т.-е. окружена валомъ и рвомъ. Внутренній видъ китайскихъ казармъ описанъ выше.

По спискамъ во всей Кашгаріи стоитъ 8.500 чел. пѣхоты и 1.200 конницы, итого 9.700 чел., изъ которыхъ 3.916 чел. имѣютъ ружья. Но, въ дѣйствительности, людей настолько меньше, что едва-ли ихъ будетъ болѣе 4.000 чел. Командующіе войсками генералы не подчинены губернатору, однако, считаются нѣсколько ниже ихъ.

VII.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ КАШГАРІИ[1]).

Первый періодъ: Кашгарія въ древности.—Саки у Геродота.—Арійское происхожденіе.—Умственное развитіе. *Второй періодъ*: Китайскіе источники. Кашгарія Юечи и Хуновъ.—Завоеваніе страны китайцами во 2-мъ столѣтіи до Р. Х.—Бытъ жителей.—Число ихъ. Соперничество отдѣльныхъ городовъ. *Третій періодъ*: Прекращеніе китайскаго господства и независимое уйгурское царство.—Внутреннія раздоры и нашествіе кочевниковъ. Буддизмъ. Языкъ и письмена.—Извѣстія китайскихъ путешественниковъ.—Типъ жителей.—Одежда, нравы и обычаи. Умственное развитіе, торговля, промышленность.—Экономическое состояніе. *Четвертый періодъ*: Нашествіе тибетцевъ, арабовъ и турокъ.—Введеніе ислама.—Внутренній бытъ. *Пятый періодъ*: Завоеваніе страны Чингисъ-ханомъ.—Тоглукъ-Тимуръ и процвѣтаніе страны.—Нашествіе Тамерлана.—Религіозныя секты.—Извѣстія европейскихъ путешественниковъ.—Марко Поло.—Извѣстія арабскихъ писателей.—Умственное развитіе, торговля и промышленность.—Вольность нравовъ.—Физическія свойства. *Шестой періодъ*: Завоеваніе калмыками.—Возвращеніе китайцевъ и благоразуміе Чао-Хой.—Жестокость его преемниковъ.—Возстаніе ходжей и жестокость китайцевъ.—Гибель кашгарскихъ бѣглецовъ на Терекъ-Давани.—Якубъ-бекъ.—Послѣднее завоеваніе страны китайцами.

Въ древности, въ нынѣшней Кашгаріи жили *Саки и Тухары*. О нихъ упоминается въ древнихъ произведеніяхъ санскритской литературы. Часть ихъ въ глубокой древности вторглась въ Индостанъ и тамъ осталась жить. Кромѣ того упоминается о *Хасахъ*, которые, какъ полагаютъ, жили приблизительно тамъ, гдѣ нынѣшній городъ Кашгаръ. Хотя древнѣйшіе источники указываютъ мѣсто жительства этихъ народовъ не совсѣмъ точно, но подтвержденіе того, что они жили именно въ нынѣшней Кашгаріи, находимъ у греческаго географа Птоломея (II ст. по Р. Х.), который даже составилъ карту по разспросамъ торговцевъ, вслѣдствіе чего въ ней, конечно, есть ошибки, но все-таки несомнѣнно, что дѣло идетъ объ этой странѣ. На протяженіи ея у него

---

[1]) Очеркъ этотъ составленъ мною, главнымъ образомъ, по переведенному В. Григоріевымъ и значительно имъ дополненному соч. Риттера „Восточный Туркестанъ" 1873 г. I и II; но кромѣ того я заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ книги г. Куропаткина.

показано болѣе десятка народовъ и областей, часть которыхъ въ настоящее время невозможно разгадать. Наиболѣе къ западу были упомянутые Саки, далѣе есть *Кашгарская область* и значительно восточнѣе *Фруна*, *Серы* и городъ Тохара или Охара. На сѣверъ средней части область *Аукакія* (Аксу). Рѣка Таримъ называется *Оксардъ*, а на правомъ ея берегу, приблизительно на мѣстѣ Харошара, расположился народъ *Оксарды*. Относительно положенія фруновъ, серовъ и тухаровъ къ востоку отъ Саковъ находится указаніе и у „Діонисія Periечета (III ст. по Р. Х.), который говоритъ, что за „искусными стрѣлометателями саками живутъ далѣ тохары, фруны и варварскія колѣна серовъ". Сѣвернѣе Аукакіи у Птоломея значится народъ „Конедовъ", т.-е. вѣроятно монголы.

Что касается характеристики этихъ народовъ, то въ индійской поэмѣ Магабарата говорится о сакахъ, какъ о народѣ очень храбромъ. Затѣмъ у Геродота есть извѣстіе, что въ составъ Ксерксова войска входили саки, бывшіе въ то время данниками персовъ и носившіе штаны и высокіе остроконечные головные колпаки, а оружіе ихъ состояло изъ луковъ, кинжаловъ и топоровъ, называвшихся *сагара*. Геродотъ прибавляетъ, что этотъ народъ отличался храбростію **въ сраженіяхъ съ греками.**

Есть полное основаніе принять, что саки были народъ арійскаго племени, стало-быть родичи индусовъ, персовъ, славянъ, германцевъ, кельтовъ, латинцевъ и грековъ. Хотя мы ничего не находимъ у древнихъ писателей относительно ихъ языка и черты лица, но нѣкоторыхъ кашгарцевъ, не смотря на сильныя помѣси, сохранили ясные слѣды арійскаго. Кромѣ того есть нѣкоторыя косвенныя на это указанія. Такъ, китайскіе писатели V—VII вѣковъ по Р. Х., когда примѣсь монгольской крови была еще не такъ значительна, упоминаютъ, что и на западъ отъ Гао-чана (нынѣ Хами) жите-

ли всѣхъ владѣній имѣютъ „виалые глаза и выпуклый носъ“, что, по крайней мѣрѣ, указываетъ на не-монгольскій типъ. Кромѣ того, они упоминаютъ о голубыхъ глазахъ кашгарцевъ. Между прочимъ, намекъ на арійское происхожденіе даетъ намъ и вышеупомянутое у Геродота названіе большихъ топоровъ, *canara*, которое похоже на славянское сѣкира.

Что касается степени развитія, на которой народы или народъ В. Туркестана стояли въ древности, то ни изъ чего нельзя заключить, чтобы оно было сколько-нибудь значительно[1]). Во всякомъ случаѣ, молчаніе древнихъ документовъ относительно культуры въ этой странѣ, отсутствіе такихъ памятниковъ, каковы напр. руины города Бактры (Балхъ) и т. п.—заставляютъ думать, что Восточный Туркестанъ и въ тѣ времена далеко не могъ равняться съ Западнымъ. Достаточно вспомнить о томъ, что Бактрія (часть Западнаго Туркестана) въ ту отдаленную эпоху была средоточіемъ дѣятельности Зороастра.

Второй періодъ. По извѣстнымъ намъ китайскимъ источникамъ, Восточный Туркестанъ сталъ извѣстенъ китайскому правительству лишь въ эпоху, соотвѣтствующую 2-й половинѣ II-го столѣтія нашей эры. Незадолго до того онъ былъ

[1]) Предположенія Григорьева относительно возможности ранняго духовнаго развитія арійцевъ В. Туркестана довольно рискованныя. Онъ основываетъ ихъ, между прочимъ, на томъ, что однородное съ ними населеніе по Оксу и Яксарту „всего этого уже достигло въ древности, стало-быть и восточные ихъ соплеменники, находившіеся относительно всѣхъ условій къ процвѣтанію, преимущественно путемъ торговли, въ такомъ-же выгодномъ положеніи“, не могли, будто-бы, оставаться чуждыми этихъ благъ. Съ такимъ-же правомъ, можно-бы вывести, что нынѣшняя Кашгарія, фактически остающаяся варварской страной, должна-бы стоять наравнѣ съ Русскимъ Туркестаномъ и Семирѣчьемъ. Или почему Россія XVI и XVII столѣтій, сосѣдившая съ разными странами Западной Европы и населенная людьми того-же племени, однако, въ сравненіи съ Западомъ пребывала въ поразительной отсталости?

наводненъ тюркскимъ народомъ *Юечи* или *Геты*, которыхъ, въ свою очередь, съ востока тѣснили *Хунны*. Главная масса юечи, не желая подчиниться хуннамъ, частью осталась въ странѣ саковъ и смѣшалась съ ними, частью перевалила на сѣверъ чрезъ Тянь-шань въ долину Или, частью къ западу въ Бактрію и Согдіану, частью чрезъ южные хребты въ долину Инда. Часть-же саковъ, въ свою очередь, оставила отечество и перевалила западные хребты. Вѣроятно, къ этому времени относится сохранившееся въ исторіи извѣстіе о наводненіи Бактріи саками въ 127 г. до Р. Х. Послѣ того, какъ можно заключить изъ китайскихъ источниковъ, страна находилась въ зависимости отъ хунновъ, которые тоже двигались на западъ и частью перевалили горы на сѣверѣ и западѣ, другая же часть еще оставалась на старыхъ кочевьяхъ къ востоку отъ Кашгаріи. Что касается китайцевъ, то первое завоеваніе ими этой страны относится къ 102 г. до Р. Х. Оно было совершено войскомъ въ 60.000 чел.,—болѣе не понадобилось, такъ какъ предварительно развѣдчики донесли, что тамъ „войска слабы". Къ сожалѣнію, о состояніи „западнаго края", т.-е. тогдашней Кашгаріи китайцами сообщается очень мало. Описаніе относится къ періоду 74—39 гг. до Р. Х. Страна состояла изъ 36-ти отдѣльныхъ владѣній, число которыхъ потомъ отъ дальнѣйшаго дробленія дошло до 50. Жители вели осѣдлую жизнь, за небольшими исключеніями, имѣли города, землепашество и скотоводство, а въ обычаяхъ „несходствуютъ ни съ Хуннами, ни съ Усунями". Существовавшая въ этомъ краѣ организація должностныхъ лицъ была крайне несложна и однообразна, изъ чего можно вывести заключеніе о первобытности всего гражданскаго строя. Жители выдѣлываютъ копья, сабли и латы, плавятъ желѣзо и мѣдь и добываютъ камень *юй* (яхонтъ). Относительно того, какого племени, языка и вѣры были жители, китайскія описанія умалчиваютъ. Только о населеніи горныхъ долинъ къ востоку отъ Памира говорится, что оно однопле-

менно съ тибетцами, монголами (ценами и дййцами), большинство населенія, стало-быть, предетавлялось китайцамъ людьми не-монгольскими. Во всякомъ случаѣ, надо допустить, что въ это время, т.-е. больше полувѣка послѣ нашествія юечи и послѣ зависимости отъ хуновъ, уже началось смѣшеніе тина и языка. Тѣмъ не менѣе, еще во время Птоломея, т.-е. лѣтъ 200 спустя, сохранилось, какъ видѣли выше, названіе саковъ, тухаровъ и хасовъ; но съ другой стороны названіе владѣнія „Аукакія“, по мѣсту соотвѣтствовавшаго нынѣшнему Акеу, и названіе рѣки и народа „Ойхарды“, которое отождествляется съ уйхурами[1]), заставляетъ думать, что мѣста уже стали называться и тюрко-монгольскими именами. Есть въ китайскихъ описаніяхъ и данныя относительно числа населенія, именно всѣхъ жителей страны приводится 314.220 душъ[2]), изъ этого 64.000 воиновъ. По подчиненіи Китаю, были оставлены мѣстные владѣтели, но были поставлены въ каждомъ владѣніи китайскіе „охранители“, которые къ владѣтелямъ находились, вѣроятно, въ такихъ отношеніяхъ, какъ римскіе прокураторы къ царямъ іюдейскимъ. Монголы, занявшіе горы Тянь-шаня и Илійскую долину, образовали царство, называвшееся впослѣдствіи *Джунгаріею*, или нарегвомъ калмыковъ. Что касается киргизъ-кайсаковъ и кара-киргизскаго названіемъ впослѣдствіи называлось населеніе В. Туркестана: приняли они съ народомъ юечи, съ хуннами или, сами-по-себѣ; во всякомъ случаѣ, въ виду того, что „Уйгурами“ назывались и турки, а равно и по языку ихъ слѣдуетъ отнести къ тюркской вѣтви монголовъ, которая и вошла въ составъ народа В. Туркестана.

[1]) Трудно сказать, откуда именно взялись эти Уйгуры, которыхъ на-

[2]) Григорьевъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы такая обширная страна вмѣщала всего 300.000 населенія. Но каждый, кто самъ побывалъ въ этой „обширной странѣ“, пойметъ, какъ мало ея обширность соотвѣтствуетъ числу пропитываемыхъ ею жителей, что и подтверждается цифровыми данными настоящаго времени. Возможно притомъ, что въ то время число жителей было меньше прежняго, вслѣдствіе предшествовавшихъ переворотовъ и войнъ.

гизъ (послѣдніе называются также дикокаменными и буру-тами), то они не произошли изъ этихъ народовъ, хотя они имени тоже монгольскаго, а есть основаніе думать, что они пришли съ Алтая[1]). Въ документахъ, приводимыхъ у Риттера и Григорьева, упоминается о киргизахъ, какъ о воинственномъ народѣ, живномъ по Тянь-шаню уже слишкомъ за 1000 лѣтъ до нашего времени.

До 74 г. по Р. Х. китайское владычество въ западномъ краѣ было очень непрочно. Отдѣлившіяся владѣнія то подпадали власти хуннонъ, то дѣлались независимыми отъ Китая и отъ хунновъ, то подчинялись которому-нибудь одному владѣнію. Именно Яркендъ и Хотанъ по-очередно первенствовали въ странѣ. И по возстановленіи китайскаго первенства, впрочемъ, отдѣльные города не переставали враждовать между собою и съ Китаемъ, которому не разъ приходилось усмирять ихъ силою оружія.

Третій періодъ. Наконецъ, въ концѣ II-го вѣка по Р. Х. зависимость отъ Китая совсѣмъ прекратилась, что продолжалось до половины VII вѣка. Это періодъ *независимаго Уйгурскаго царства*. Но въ сущности и въ теченіи этого періода повторялись событія предыдущаго періода, т.-е. внутреннія вражда и преобладаніе то одного, то другаго владѣнія, а по временамъ грабительскія нашествія сосѣднихъ народовъ, послѣ которыхъ слѣдовала временная зависимость отъ нихъ. Таковы были нашествія полчищъ Джунгаріи и Южной Монголіи, въ которой владычеству хунновъ сначала наслѣдовали *Жужани*, а потомъ *Тюгюйцы*; на берегахъ Иссыкъ-куля, въ нынѣшнемъ Семирѣчьи, кочевали *западные тюрки*, отъ которыхъ уйгуры неоднократно находились въ зависимости. Разрозненныя владѣнія ихъ не были въ состояніи противиться этимъ кочевникамъ, ихъ грабили, заставляли

[1]) См. мою монографію „Киргизы“ въ изд. Зап.-Сибирскаго отдѣла Географ. Общества, 1886 г.

платить дань, которая обыкновенно прекращалась, когда уйгуры замѣчали, что среди самихъ кочевниковъ происходятъ смуты. Но вообще нашествія этихъ ордъ были настолько тяжелы, что различныя владѣнія, въ особенности Хотанъ, неоднократно отправляли посольства съ подарками въ Китай, ища у него защиты, которая, впрочемъ, обыкновенно не получалась.

О религіи, языкѣ и нравахъ уйгурскаго народа за этотъ періодъ, свѣдѣнія почерпаемъ, главнымъ образомъ, изъ китайскихъ извѣстій. Религія въ это время преобладала *буддійская*, которая, по всей вѣроятности, туда проникла уже около временъ Р. Х., и именно съ юга чрезъ Кашмиръ, такъ какъ священныя книги были на санскритскомъ языкѣ. Буддизмъ пустилъ въ Уйгуріи глубокіе корни, въ особенности на югѣ, въ Хотанѣ. Было много монастырей, монахи которыхъ ревностно занимались изученіемъ буддійскихъ книгъ. Статуи Будды украшались парчевыми одеждами, золотомъ и драгоцѣнными каменьями и возились на колесницахъ во время процессій. Къ югу отъ Яркенда находилось святилище, т.-е. гора съ множествомъ высѣченныхъ въ ней пещеръ, въ которыхъ жили святые, погруженные въ восторженное забытье; сюда даже „переносились по воздуху святые изъ Индіи и тутъ переходили въ Нирвану“. Кромѣ буддизма, очевидно, нѣкоторою частью жителей исповѣдывалось и занесенное изъ Сиріи христіанство, какъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутая опись несторіанскихъ эпархій. *О языкѣ* китайскіе писатели ничего опредѣленнаго не передаютъ, кромѣ того, что въ каждомъ владѣніи онъ различный; подъ этимъ, конечно, слѣдуетъ понимать не болѣе, какъ различіе діалектовъ. *Письмена* у духовныхъ, какъ сказано, употреблялись индійскія, все остальное писалось собственной „варварской азбукой“. Какая это была азбука и существовала-ли она до водворенія буддизма, неизвѣстно; вѣроятно, это были письмена сирійскія, занесенныя христіанскими миссіонерами.

Есть нѣкоторыя указанія и на тѣлесныя *качества народа* у китайскихъ авторовъ, т.-е. въ исторіи сѣверныхъ Дворовъ и у буддійскихъ монаховъ, путешествовавшихъ по Уйгуріи, именно у *Фасіэня* (въ V в.) и *Сюань-Цзана* (въ VII в.). О наружности жителей владѣнія *Гобаньдо* (Ташкурганъ) и *Цзыпи* (Кашгара) послѣдній выразился, что она „некрасива и неблагородна". Что касается красивости, то слѣдуетъ помнить, что это пишетъ китаецъ, но выраженіе „неблагородства" заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. О кашгарцахъ прибавлялось, что „зрачки" (т.-е. радужная оболочка) у нихъ *зеленые* и это, вмѣстѣ съ позднѣйшими упоминаніями о *голубыхъ глазахъ* кашгарцевъ, заставляетъ думать, что тамъ арійской крови сохранилось болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Вообще-же жители страны къ западу отъ Гаочана описываются, имѣющими „впалые глаза и выпуклый носъ", изъ чего только хотанцы дѣлали исключеніе, походя будтобы болѣе на китайцевъ. О Харашарѣ упоминается, что мужчины стригутъ волоса и дѣлаютъ изъ нихъ головные уборы (парики?). Женщины Гаочана[1]) собирали волоса въ пукъ, а въ другихъ областяхъ онѣ носили косы. Въ Кучѣ и Кашгарѣ былъ обычай сплющивать новорожденному голову дощечкою. Въ Кашгарѣ раскрашиваютъ тѣло (лицо??). *Одежда* изъ хлопчато-бумажной и шерстяной ткани, но употреблялась даже шелковая съ узорами. Женщины носили штаны, короткія юбки и шуган.

Нравственныя качества не вездѣ описываются одинаково. Только о жителяхъ горной страны Гобаньдо говорится, что они характера мужественнаго и смѣлаго, но нравы грубы. О мужествѣ-же жителей низменныхъ и болѣе цивилизованныхъ областей нигдѣ не упоминается. Объ остальныхъ сто-

[1]) Населеніе этого восточнаго владѣнія было полукитайское, по происхожденію и нѣкоторымъ обычаямъ. Владѣніе Гаочанъ приблизительно соотвѣтствовало полосѣ отъ нынѣшняго Хамиля до Урумчи и Харашара, къ юго-востоку отъ Кульчжи.

рокахъ нравственнаго склада нѣкоторыя описанія противорѣчатъ другъ-другу, относительно другихъ-же всѣ согласны. О Кучѣ одинъ источникъ говоритъ, что тамъ нравы „чистые и честные“, другой—что, напротивъ, тамъ „жители дурной нравственности“. Жителей Хотана одинъ называетъ „вѣжливыми[1], честными, кроткими и почтительными“, другой—„неимѣющими ни справедливости, ни благонравія“ и что тамъ „много варварства“. О Кашгарѣ сказано, что „жители права горячаго и суроваго, преданы обману и мошенничеству, о соблюденіи нравственныхъ обязанностей не заботятся“. Всѣ описанія согласны въ томъ, что въ этой странѣ много распутства и сладострастія, но, съ другой стороны, и въ томъ, что женщины пользуются свободою и бываютъ въ обществѣ мужчинъ даже въ присутствіи иностранцевъ и ѣздятъ верхомъ по-мужски. Мать гаочанскаго владѣтеля, при посѣщеніи Сюань-Цзана, была постоянной слушательницей его богословскихъ лекцій. Кромѣ того, всѣ упоминаютъ о любви жителей къ музыкѣ и пляскѣ; любили также и вино. Въ общемъ итогѣ можно заключить, что народъ этотъ въ то время воинственностію не отличался, что въ немъ развились привычки общежитія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нравы испытали нѣкоторую порчу, въ особенности по части распутства. Что воровство мѣстами достигло значительнаго развитія, можно заключить изъ существованія варварски-строгихъ за него наказаній, а именно рубили ворамъ руки и ноги. За убійство была смертная казнь.

Объ умственномъ и художественномъ развитіи нужно полагать, что въ городахъ оно стояло значительно выше того, чѣмъ бываетъ въ быту кочевомъ и даже осѣдломъ деревенскомъ. Любили музыку и хорошо играли на флейтѣ и гитарѣ. Книжное дѣло существовало, хотя не вездѣ имъ занимались охотно; такъ, въ Хотанѣ любили это занятіе, въ Кашгарѣ нѣтъ. Скульптура (статуя Будды) и архитектура (хра-

[1]) При встрѣчѣ знакомыхъ они другъ передъ другомъ склоняли колѣна.

мовъ, хотя существовала, но, повидимому, достигла не высокаго развитія, иначе сохранились-бы какіе-нибудь слѣды художественныхъ произведеній. Живопись, повидимому, стояла еще ниже. Но что касается торговли и промышленности, то уйгуры въ этомъ періодѣ уже преуспѣвали въ нихъ. Часто упоминается о торговыхъ караванахъ, проходившихъ съ запада и востока. Кромѣ серебряной и золотой существовала и мѣдная монета, послѣдняя, очевидно, не могла быть иноземнаго происхожденія, такъ какъ ее невыгодно было-бы перевозить. Выдѣлывались замша, тонкіе ковры и кошмы, тафта, бязнла, благовонія, мѣдные сосуды. Изъ Хотана много вывозилось весьма цѣннаго камня *юй*, изъ котораго хотанцы даже умѣли рѣзать печати. Приготовлялись музыкальные инструменты—рога, барабаны, флейты, гитары и т. д.

Изъ обрядовъ и узаконеній упоминается, что подати собирались частію произведеніями земли, частію серебряной монетой и что добываемое желѣзо поступало въ казну; что вооруженіе состояло изъ лука, сабли, копья и латъ; что умершихъ сожигали и надъ ними ставили башенки, а въ знакъ траура стригли волоса и расцарапывали лицо; что брачные обряды имѣли сходство съ китайскими; что цари сидѣли на тронѣ, имѣвшемъ видъ льва, коня и проч., а на головѣ носили вѣнцы или шлемы, изображавшіе льва, барана и проч. и подъ вѣнцомъ ленту діадему; что у царя хотанскаго изъ-подъ вѣнца ниспадаютъ сзади два шелковыхъ крыла (не намёкъ-ли на арійское происхожденіе этой династіи?). Въ Гаочанѣ, гдѣ много было перенято отъ китайцевъ, содержались учители для юношества на общественный счетъ. О наказаніяхъ было уже сказано выше.

Относительно *экономическаго состоянія* жителей упоминается только, что много собираютъ риса, проса, пшеницы и винограда и что жители Хотана живутъ „богато“. Изъ этихъ данныхъ, конечно, еще нельзя вывести никакихъ заключеній относительно того, чтобы большинству жилось хо-

рово. Напротивъ, частые набѣги варваровъ, уплачиваніе дани, а, съ другой стороны, развитіе воровства заставляютъ думать, что бѣдность и пролетаріатъ уже развились и выгода отъ торговли и промышленности, вѣроятно, сосредоточивались въ рукахъ немногихъ.

Четвертый періодъ. Съ половины VII вѣка до начала VIII Уйгурія болѣе прежняго подвергалась нападеніямъ сосѣдей, которые вторгались не только съ востока и сѣвера, но и съ юга и запада, причемъ нѣкоторые изъ нихъ свили себѣ тамъ постоянное гнѣздо, владѣя различными частями страны. Съ другой стороны, этотъ періодъ отмѣченъ кореннымъ переворотомъ въ господствующемъ вѣроисповѣданіи. О первой половинѣ этого періода имѣются извѣстія въ исторіи царствовавшей тогда въ Китаѣ Тханской династіи (618—907), а второй въ исторіи Сунской династіи, кромѣ того есть разсѣянныя свѣдѣнія у арабовъ. Около половины VII вѣка китайцы вновь пріобрѣли восточныя владѣнія, т.-е. Гаочанъ, Харашаръ и Кучу, распространяя нѣкоторое вліяніе и на Кашгаръ, который въ это время, однако, болѣе зависѣлъ отъ турокъ (см. выше). Что касается Хотана, то онъ, видя силу Китая, неоднократно посылалъ къ Императору посольства съ дарами, за что владѣтели получали китайскіе военные чины и утвержденіе въ должности правителей. Вообще въ это время китайцы опять стали учреждать въ Уйгуріи военные посты съ китайскими гарнизонами и переименовывали владѣнія въ китайскія области. На этотъ разъ верховенство Китая было благопріятно для края. Пока оно продолжалось, отдѣльныя владѣнія между собою не ссорились и китайскія войска болѣе или менѣе защищали жителей отъ грабежей сосѣднихъ кочевниковъ. Но это состояніе продолжалось недолго. Въ Тибетѣ произошло соединеніе разрозненныхъ до того времени народовъ и образовалось сильное государство. Усилившись такимъ образомъ, тибетцы

въ 670 году, въ союзѣ съ западными турками, нахлынули на Уйгурію, выгнали китайскіе гарнизоны и временно подчинили себѣ западныя и среднія области. Впрочемъ, эта зависимость на этотъ разъ длилась недолго и была прекращена пораженіемъ, которое возвратившіеся китайцы нанесли тибетцамъ въ 692 г. Затѣмъ, въ 714 г. воспослѣдовало со стороны Кокана нашествіе *Арабовъ* подъ предводительствомъ *Кутейбы*, который, впрочемъ, въ слѣдующемъ году, по случаю внутреннихъ событій въ Халифатѣ, оставилъ Уйгурію, чѣмъ тотчасъ воспользовался китайскій намѣстникъ, который не только вновь занялъ страну, но на этотъ разъ даже самъ перевалилъ черезъ горы, дошелъ до Самарканда и овладѣлъ Ферганой на нѣкоторое время.

Тѣмъ не менѣе, господство китайцевъ длилось только до 720 года, когда надъ ними тибетцы окончательно взяли верхъ и подчинили себѣ Уйгурію. Лѣтъ чрезъ 60, впрочемъ, и имъ пришлось очистить мѣсто новымъ пришельцамъ. Въ земляхъ, прежде принадлежавшихъ хуннамъ, въ это время сидѣли *Хойхэ* или Хой-ху (которые первоначально по китайскимъ свѣдѣніямъ жили на берегахъ Селенги). Эти Хой-ху, которыхъ тоже называютъ уйгурами[1]), въ половинѣ IX вѣка отняли у тибетцевъ восточную часть Уйгуріи и ханъ ихъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи китайскимъ Императоромъ. Между тѣмъ, западная часть В. Туркестана или, какъ его называли китайцы Западнаго края, судя по арабскимъ источникамъ, была захвачена *Тюркми-Харлуками*, которые еще при китайцахъ оказывали на нее вліяніе. Харлу-хи и хой-ху, хотя оба принадлежали къ одному племени, но, повидимому, враждовали между собою, слѣдовательно страна опять разъединилась. Такимъ образомъ, населеніе ея получило новый притокъ тюркскаго элемента и названіе Уйгуріи болѣе всего пристало этому времени. Въ тѣсномъ смыслѣ слова, впрочемъ, такъ

[1]) Слово *Уй-гуръ* означаетъ *союзникъ*, вслѣдствіе чего этимъ именемъ назывались нѣсколько народовъ тюркскаго происхожденія.

называлась восточная часть и притомъ къ ней еще присоединялась сѣверная полоса, не относящаяся къ В. Туркестану; у мусульманскихъ писателей XVI столѣтія Уйгуріей называлась страна, соотвѣтствовавшая прежнему Гаочану до Хорошара и часть Джунгаріи на сѣверъ отъ Тянь-шаня, подъ Кашгаріей-же они подразумѣвали страну отъ Кашгара и Хотана до Кучи.

Кромѣ того, въ теченіи господства тюрковъ еще происходили съ востока нашествія *Кара-киданей*, а Хотанъ неоднократно былъ тревожимъ *тибетцами*, вслѣдствіе чего оттуда въ XI и XII столѣтіи много разъ отправляли посольства въ Китай съ подарками. Вообще Хотанъ, повидимому, послѣ сказанныхъ переворотовъ сохранялъ нѣкоторую независимость и перемѣна религіи въ немъ произошла позже. Въ остальной-же части западной Уйгуріи *исламъ*, по всей вѣроятности, былъ введенъ около 900 г. Тюркскія орды, низвергавшіяся съ Тянь-шаня, были обращены въ него арабскими проповѣдниками и послѣ этого сами сдѣлались ревностными поборниками ученія магометова, стараясь искоренить другія вѣроученія въ Туркестанѣ, что, впрочемъ, не обошлось безъ кровопролитія. Въ этой пропагандѣ участвовали, повидимому, даже киргизы[1]. Напротивъ, восточная часть Уйгуріи еще лѣтъ сто спустя исповѣдывала буддизмъ, какъ можно заключить изъ реляціи посольства, отправленнаго изъ Китая въ Гаочанъ въ 981 г. Ко времени-же нашествія на Уйгурію Чингизхана, въ началѣ XIII вѣка, исламъ, повидимому, уже сдѣлался во всей странѣ, въ томъ числѣ въ Хотанѣ, господствующей религіей, ибо это обстоятельство способствовало быстрому и почти безкровному ея завоеванію: ханъ кашгарскій и хотанскій *Кучлукъ* былъ воспитанъ въ христіанствѣ и предписалъ своимъ подданнымъ обратиться или въ христіанъ, или въ буддистовъ. Въ это время появился военачальникъ Чингиза, который объявилъ, что его по-

[1]) Риттеръ—Григорьевъ, гл. I, стр. 144.

велитель не преслѣдуетъ вѣры, вслѣдствіе чего весь край быстро ему подчинился. Тѣмъ не менѣе, и въ послѣдующіе вѣка еще много оставалось буддистовъ, въ особенности въ **Уйгуріи** (въ тѣсномъ смыслѣ слова).

О внутренней жизни народовъ изъ этого періода не имѣется такихъ подробныхъ свѣдѣній, какъ изъ предыдущаго. *Торговля и промышленность*, не смотря на частыя нашествія, повидимому, продолжали быть довольно оживленными, въ особенности въ Хотанѣ, который въ числѣ подарковъ, отправляемыхъ въ Китай, посылалъ предметы, привозимые съ отдаленнаго запада, напр. янтарь, кораллы и благовонныя деревья. Упоминается у китайцевъ о металлической посудѣ, о коймахъ и тканяхъ произведеніяхъ страны, въ томъ числѣ шелковыхъ (Хотанъ), о виноградномъ винѣ и яшмѣ (юй) Хотана. Арабы пишутъ, что вывозится желѣзо и хорошее оружіе. *Нравы и обычаи*, повидимому, тоже сохранили отпечатокъ прежняго. Повторяется извѣстіе о любви къ музыкѣ и пляскѣ жителей Хотана. О характерѣ жителей китайцы упоминаютъ, что кашгарцы коварны, а гаочанцы прямодушны и честны. Повторяется извѣстіе о вѣжливости и изысканности хотанцевъ, хотя прибавляется, что въ рѣчахъ ихъ много хвастливости. О процвѣтаніи письменныхъ занятій не упоминается, за исключеніемъ того, что одинъ изъ гаочанскихъ владѣтелей очень любилъ книги. Гаочанцы любили стрѣльбу изъ лука. О физическихъ свойствахъ отчасти повторяются нѣкоторыя изъ прежнихъ указаній, а именно: что у кашгарцевъ голубые глаза и статный ростъ, что и они, и кучанцы новорожденнымъ мальчикамъ придавливаютъ голову. Въ Гаочанѣ волосы заплетены въ косу, значитъ слѣдовали китайскому образцу и люди тамъ часто доживаютъ до глубокой старости. Объ *экономическомъ строѣ* есть извѣстія только относительно того-же Гаочана, а именно, что тамъ бѣдности нѣтъ, что даже бѣдные питаются мясомъ и пищіе содержатся на общественный счетъ.

Такой удовлетворительный быть народа вѣроятно объясняется тѣмъ, что природа и условія жизни въ этой странѣ, лежащей на крайнемъ сѣверовостокѣ въ благодатномъ оазисѣ, во многомъ отличался отъ условій остальной Кашгаріи. *О количествѣ людей имѣются извѣстія*, соотвѣтствующія 1154-му году и относящіяся къ западной части Уйгуріи: было 84.800 податныхъ семей, значитъ около 500.000 чел., стало быть народонаселеніе хотя нѣсколько увеличилось, но оставалось слабымъ, по отношенію къ общей величинѣ территоріи.

Пятый періодъ. Отъ завоеванія В. Туркестана монголами до покоренія его калмыками (джунгарами) въ концѣ XVII вѣка. Въ началѣ XIII вѣка состоялось новое нашествіе монголовъ, именно орды *Чингисъ-хана*, который присоединилъ страну къ своему царству. Занятіе обошлось безъ жестокостей и опустошеній. Сынъ Чингиза Джагатай и его потомки въ теченіи 130 лѣтъ, т.-е. до Тоглукъ-Тимура, сами большею частію жили въ Джунгаріи, именно въ долинѣ Или, а Кашгарія управлялась кѣмъ-либо изъ ихъ довѣренныхъ. Власть джагатаидовъ, впрочемъ, повидимому, ограничивалась западною частію, восточная-же, т.-е. Уйгурія въ тѣсномъ смыслѣ слова, зависѣла отъ великихъ хановъ, да и западная нѣсколько разъ дѣлилась на части и служила предметомъ междуусобій. Сами чингизовичи оставались язычниками, но подъ вліяніемъ ихъ иновѣрія пустившее корни мусульманство было на столько вѣротерпимо, что христіанство и буддизмъ существовали рядомъ съ нимъ и женщины пользовались большею свободою, чѣмъ въ остальныхъ магометанскихъ странахъ. Буддистовъ въ Уйгуріи было чуть-ли не наполовину. Въ половинѣ XIV столѣтія прославился одинъ изъ Чингизовичей, *Тоглукъ-Тимуръ*. Онъ соединилъ всю Кашгарію въ однѣхъ рукахъ и распространилъ свои владѣнія далеко за прежніе предѣлы, именно до Или и до Бухары, т.-е. онъ владѣлъ обширнымъ царствомъ, въ которое входили, кромѣ Кашгаріи,

нынѣшнее Семирѣчье, З. Туркестанъ и Бухара. Притомъ онъ и его воеводы приняли мусульманство, онъ поднялъ торговлю и вообще водворилъ въ Кашгаріи порядокъ, при которомъ она оправилась отъ прежнихъ ударовъ. Это былъ наиболѣе блестящій періодъ въ ея исторіи.

Послѣ смерти Тутлукъ-Тимура по прежнему пошли смуты, царство его распалось, а вскорѣ появился на сцену грозный Тимуръ или Тамерланъ, который, произведя по обыкновенію своему, страшное кровопролитіе и истребленіе, присоединилъ Кашгарію къ своимъ владѣніямъ. Разореніе, въ которомъ онъ оставилъ страну, было таково, что погибло и то незначительное благосостояніе, которое возникло при Чингизовичахъ.

Въ теченіи XV, XVI и XVII столѣтій Кашгарія опять принадлежала потомкамъ Тутлукъ-Тимура, которые, однако, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру своего знаменитаго предка, жили въ безпрерывныхъ междуусобіяхъ, вслѣдствіе которыхъ страна нѣсколько разъ распадалась на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ и разоренію не было конца. Немало ему способствовали набѣги населявшихъ Тянь-шань кочевниковъ, которые, пользуясь внутреннимъ разладомъ, грабили въ свое удовольствіе. Затѣмъ уходили въ свои неприступныя гнѣзда. Впрочемъ, и между послѣдующими правителями одинъ, именно *Султанъ-Саидъ* или *Абу-Саидъ*, выказалъ силу и держалъ кочевниковъ въ приличномъ отдаленіи, кромѣ того завоевалъ часть Бадахшана и нѣкоторыя мѣста въ Тибетѣ.

Кромѣ политическихъ междуусобій въ этомъ періодѣ выступили на сцену и религіозныя. Въ началѣ XV-го столѣтія изъ Бухары явился нѣкто *Махтумъ-Азамъ*, потомокъ Магомета (ходжа), который, равно какъ и два его сына, *Хазретъ* и *ходжи Исакъ*, сдѣлались учителями православія и фанатизма. Ученія этихъ сыновей, впрочемъ, нѣсколько расходились между собою, что и послужило поводомъ къ происхожденію двухъ сектъ *Акъ-тауличцевъ* (бѣлогорцевъ) и *Кара-тауличцевъ* (чер-

погорцевъ), долгое время раздѣлявшихъ страну на двѣ религіозныя и политическія партіи, которыя существуютъ даже до-нынѣ, хотя болѣе по названію. Впослѣдствіи одинъ изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ и святошъ былъ *Аппакъ-ходжа*, къ которому стекались даже ученики изъ З. Туркестана и котораго могила, находящаяся недалеко отъ Кашгара, еще и теперь привлекаетъ богомольцевъ. Однако, святость его была невысокаго сорта, такъ какъ онъ изъ личной ненависти къ своимъ врагамъ предалъ отечество джунгарамъ. Это было въ 1678 году. Произволъ, значитъ, новый напалъ монгольскаго элемента.

О внутренней жизни страны за эти 450 лѣтъ узнаемъ мы уже и отъ европейскихъ путешественниковъ. О періодѣ до Тоглукъ-Тимура есть извѣстія *Плано-Карпини*, *Рубруквиста*, въ особенности-же знаменитаго венеціанца *Марко Поло*. Полагаютъ, что первые двое, хотя были въ Средней Азіи, но Кашгаріи сами не посѣщали, Марко Поло-же проѣхалъ ее всю вдоль, въ 70-хъ годахъ XIII столѣтія. Затѣмъ о началѣ XVII вѣка имѣется описаніе португальскаго миссіонера *Гоэса*. Кромѣ того есть китайскія и мусульманскія извѣстія. Названіе *Кашгаріи*, какъ страны, произошло въ этомъ періодѣ, но восточная часть отъ Хоротнара, называлась собственно Уйгуріею.

О религіи упомянуто выше. Въ Уйгуріи буддизмъ успѣшно продолжалъ составлять антагонизмъ мусульманству. Письмена употреблялись уйгурскія (несторіанскія?) во всей странѣ, а отъ уйгуровъ ихъ приняли и монголы, у которыхъ писцы большею частію были изъ уйгуровъ. Сынъ Абу-Саида, *Абдъ-эръ-Рашидъ* былъ искусный каллиграфъ и писалъ прозою и стихами. Въ Уйгуріи (Гаочанъ) люди образованные любили писать стихи и знали по-китайски. Есть извѣстія о существованіи у нихъ и лѣтописей въ XIV столѣтіи и позже, но до насъ онѣ не дошли. Буддійскимъ богословіемъ

тамъ продолжали ревностно заниматься, и, по всей вѣроятности, были кое-какія библіотеки по этой части, какъ и въ предыдущемъ періодѣ, ибо извѣстно, что когда при Юаньской династіи въ Пекинѣ былъ учрежденъ ученый комитетъ для сличенія тибетскихъ и китайскихъ буддійскихъ книгъ, то были вызваны и ученые изъ уйгуровъ. Наконецъ, существовали сдѣланные въ XV столѣтіи переводы арабскихъ и персидскихъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторые дошли до насъ. Арабскіе писатели, писавшіе позже Марко Поло, говорятъ о Кашгарѣ, какъ о столицѣ Туркестана, которая будто-бы произвела ученыхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, напр. Шейха *Саадъ-Дина*. Марко Поло и другіе путешественники ничего объ этомъ не упоминаютъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что если и были мѣстные ученые, то это были величины весьма посредственныя, которыхъ слѣдъ скоро исчезъ и которые, по вліянію на другія страны и на науку вообще даже приблизительно не могутъ быть сравниваемы съ своими арабами.

Торговля и промышленая дѣятельность, напротивъ, были въ этомъ періодѣ еще значительныя, не смотря на политическія пертурбаціи. Марко Поло говоритъ о кашгарскихъ купцахъ, что они путешествуютъ по всему свѣту, причемъ прибавляетъ: „это народъ алчный и скаредный, ѣстъ дурно, а пьетъ и того хуже". Жители Хотана, Яркенда и Кашгара, по его словамъ, очень искусны, въ особенности по части хлопчатобумажныхъ тканей, садоводства и винодѣлія, а рынки обилуютъ всѣмъ „что нужно для человѣческой жизни". Онъ упоминаетъ о приготовленіи несгораемыхъ одеждъ изъ горнаго льна (асбеста), добываемаго въ странѣ Юлдусъ (на сѣверовостокѣ), о добываніи и выгодной торговлѣ камнемъ бой повторяютъ писатели этого періода. Во время Гоэа, т.-е. слишкомъ 300 л. спустя, повидимому, Яркендъ былъ главнымъ мѣстомъ, по сосредоточію торговцевъ и разнообразію товаровъ и даже онъ былъ будто-бы извѣстенъ во всей Азіи. Въ китайскихъ грамотахъ, между прочимъ, упоминается о посылкѣ

въ Комулъ, взамѣнъ присланныхъ товаровъ, чаю и возбуждающихъ лекарствъ, о чемъ прежде не говорилось. Что касается *военнаго дѣла*, то оно, какъ уже видно изъ хода исторіи, не процвѣтало, да въ добавокъ имѣется прямое свидѣтельство Марко Поло, что къ этому хотанцы „не склонны“. *О музыкѣ, пѣніи* и *пляскѣ* и въ этомъ періодѣ упоминается въ описаніяхъ путешественниковъ. Марко Поло, впрочемъ, разсказываетъ только о жителяхъ *Комула*, т.-е. бывшаго Гаочана (Уйгурія въ тѣсномъ смыслѣ), что они „только и заботятся о томъ, какъ-бы музыкой заняться, попѣть, поплясать и всякое удовольствіе плоти своей доставить“. Турецкая географія *Джиханъ-Нюма* въ 1640 г. упоминаетъ, что Янги Хиссаръ (нынѣ китайскій городъ Кашгара) „славятся танцовщицами и музыкантами, которые не уступаютъ индѣйскимъ“. *О вольности нравовъ* можно заключить изъ слѣдующаго обычая, существовавшаго въ томъ-же Комулѣ, по Марко Поло: когда иностранецъ останавливался въ чьемъ-нибудь домѣ, то хозяинъ съ радостію предоставлялъ ему жену свою и самъ уѣзжалъ изъ дому на это время. А въ Намѣ (Пай, между Аксу и Кучею) было, по его словамъ, обыкновенно, что если мужъ пробудетъ внѣ дома болѣе 20 дней, то жена его могла выдти за другаго.

О физическихъ свойствахъ и модахъ населенія говорится мало. Марко Поло упоминаетъ, что яркендцы часто страдаютъ зобомъ и опухолями членовъ и что женщины Комула красивы. Уйгуры не магометане связывали волосы на макушкѣ въ пучекъ, а магометане брили голову.

Шестой періодъ. Отъ подчиненія Кашгаріи калмыками до нашихъ дней. Монголы подъ именемъ калмыковъ занимавшіе Джунгарію, воспользовавшись распрями религіозныхъ партій, покорили Кашгарію и поставили надъ нею правителемъ того-же лжесвятаго Аппака, главу Бѣлогорцевъ, а сами ханы калмыцкіе продолжали жить въ Джунгаріи. Господство кал-

мыковъ продолжалось 78 л., но, собственно говоря, въ это время китайцы вновь стали оказывать вліяніе на страну, такъ что уже въ 1696 году Турпань и Комулъ или Хамыль признали надъ собою власть Китая и заняты были китайскими гарнизонами, да въ другихъ мѣстахъ были демонстраціи въ пользу китайцевъ и попытки къ сверженію ига калмыцкаго, соединеннаго съ тяжелыми поборами, но возставшихъ укротилъ ханъ *Цеванъ Рабданъ*, выселивъ значительную часть яркендцевъ, въ Джунгарію, которые на новыхъ мѣстахъ впервые завели земледѣліе и садоводство. Тѣмъ не менѣе, усилившійся Китай не упускалъ изъ виду Западнаго Края и, наконецъ, почти 200 лѣтъ спустя послѣ утраты его, онъ опять достался китайцамъ, которые затѣмъ съ промежутками независимости оставались въ немъ до нашихъ дней. Въ данное время, т.-е. при окончаніи калмыцкаго господства, китайцы, въ свою очередь, были призваны однимъ изъ бѣлогорскихъ ходжей *Бурханоддиномъ*. Ибо и во весь джунгарскій періодъ не прекращались кровавые раздоры ходжей, деревней и т. п. фанатиковъ, причемъ на помощь часто призывались киргизы. Одновременно китайцы заняли и Джунгарію, въ которой они недолго спустя, по поводу происшедшаго возстанія, произвели ужасную рѣзню. При этомъ до милліона калмыковъ было вырѣзано и джунгарское царство уничтожено. Полагаютъ, что именно послѣ этого въ Джунгаріи, въ числѣ прочихъ переселенцевъ, были китайскіе мусульмане западныхъ провинцій Китая, извѣстные подъ именемъ дунганъ. Туда-же было переселено 7000 кашгарцевъ, которые въ новыхъ мѣстахъ стали называться *таранчами*[1]; названіе это за ними сохранилось по-нынѣ.

Пріобрѣтеніе Кашгара Китаемъ произошло почти безъ сопротивленія, что объясняется дряблостью и отсутствіемъ патріотизма въ народѣ и вообще незавидными положеніемъ, до котораго довела страна подъ господствомъ ходжей и кал-

[1]) Отъ слово „таранъ"—земледѣлецъ.

мыковъ. Китайцы владѣли Кашгаріею на этотъ разъ болѣе 60 лѣтъ непрерывно, хотя за это время были нѣкоторыя частныя возстанія, изъ которыхъ уч-турфанское, происшедшее по поводу жестокости и распутства китайскихъ начальниковъ, было довольно упорное. Организація и управленіе страны были поручены ея завоевателю, генералу *Чао-гой*, котораго главныя мѣропріятія состояли въ слѣдующемъ: ходжи были казнены и имущество ихъ конфисковано въ пользу казны; объявлена неприкосновенность религіи и обычаевъ; судъ, сборъ подати и прочія второстепенныя должности поручены туземцамъ; размѣръ податей оставленъ безъ перемѣны.

Преемники *Чао-гоя*, однако, не старались ему подражать въ умѣренности и пониманіи нуждъ народа, и мало-по-малу укоренилась глубокая ненависть къ китайцамъ. Чиновниковъ стали назначать изъ западныхъ провинцій Китая, увеличеніе податей и казенныхъ работъ, взяточничество и жестокость произвели то, что множество кашгарцевъ эмигрировало въ Коканъ, Бухару и проч. и привлекли вооруженную помощь. Потомокъ одного изъ спасшихся ходжей, *Джеангиръ*, явился съ войскомъ въ 1826 году и произвелъ возстаніе, но послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, былъ побѣжденъ китайцами, послѣ чего, разумѣется, пошли усиленныя казни, конфискаціи и грабежъ. Хотя въ войскахъ Джеангира участвовали и кара-киргизы, но съ ними китайцы обошлись деликатно, что объясняется съ одной стороны трудностью наказанія ихъ, а съ другой — необходимостью получать отъ нихъ лошадей и другой скотъ. Благодаря торговому договору съ Коканомъ, не совсѣмъ, впрочемъ, выгодному для китайцевъ, коканцы ихъ лѣтъ 15 сряду оставляли въ покоѣ, т.-е. не помогали эмигрантамъ. Кара-киргизы, впрочемъ, не переставали дѣлать періодическіе набѣги.

Въ 1847 году, наконецъ, произошло новое движеніе ходжей-эмигрантовъ, которые двинулись изъ Кокана и произвели возстаніе, отчасти при помощи кара-киргизовъ. И на этотъ

разъ. однако, благодаря трусости самихъ ходжей, китайцы ихъ разбили и стали снова распоряжаться по своему съ побѣжденнымъ народомъ, что и было поводомъ къ страшной гибели бѣжавшихъ въ Кокань кашгарцевъ. До 100.000 чел., изъ различныхъ городовъ Кашгаріи, бросились среди зимы, вслѣдъ за ускакавшими ходжами, на перевалъ Терекъ-давань и большая часть этихъ несчастныхъ погибла въ горныхъ снѣгахъ. До сихъ поръ кости ихъ покрываютъ обѣ стороны перевала.

Однако, ходжи, которые, имѣя все необходимое, пробрались благополучно, не переставали безпокоить китайцевъ и одинъ изъ нихъ, вышеупомянутый варваръ *Валиханъ-тюря*, который убилъ Шлагинтвейна, успѣлъ взять Кашгаръ въ 1857 году. Но видно онъ выказалъ необыкновенное звѣрство, ибо когда вновь подступили китайцы, ихъ даже встрѣтили съ радостію. Тѣмъ не менѣе, они, прогнавъ Валихана, показали себя достойными его соперниками и усѣяли большія дороги Кашгаріи аллеями изъ шестовъ, на которыхъ возвышались клѣтки съ отрубленными головами.

Но вскорѣ подоспѣло общее возстаніе китайскихъ мусульманъ, т.-е. дунганъ и таранчей, которое охватило всѣ западныя провинціи и, конечно, дошло до Кашгаріи. Долго накопившаяся ненависть разразилась страшнымъ избіеніемъ китайцевъ, въ особенности въ Кульчѣ и другихъ городахъ Джунгаріи. Въ Кашгаріи китайскіе гарнизоны кое-гдѣ еще держались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, но наконецъ ихъ вытѣснили окончательно и власть захватилъ энергическій *Якубъ-бекъ*, ташкентскій выходецъ неизвѣстнаго происхожденія. Онъ быстро объединилъ страну, организовавъ значительную армію, отчасти вооруженную европейскими ружьями, по мѣрѣ возможности водворилъ внутренній порядокъ и держалъ китайцевъ въ приличномъ отдаленіи. Онъ держалъ себя вполнѣ независимо передъ сосѣдями и принималъ русскія и англійскія посольства. Хотя это былъ въ сущности тоже же-

стокій самодуръ, какъ большинство восточныхъ владыкъ, и кромѣ того ханжа, но, въ сравненіи съ китайскими правителями и съ ходжами, онъ долженъ былъ народу показаться въ выгодномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что выказывалъ дѣйствительную силу.

Смерть его была сигналомъ къ новому нашествію китайцевъ, которымъ народъ, по обыкновенію, охваченный паническимъ страхомъ, оказалъ мало сопротивленія, и въ мартѣ 1878 года Кашгарія въ послѣдній разъ стала провинціею Небесной Имперіи, которая, впрочемъ, ненавистна кашгарцамъ, вслѣдствіе чего до сего времени народъ волнуется періодическими слухами о появленіи изъ за-границы то разныхъ ходжей, то сыновей Якубъ-бека, то русскихъ, и вообще о предстоящемъ освобожденіи отъ китайскаго ига.

О внутреннемъ бытѣ страны за этотъ періодъ имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, сообщенныя главнымъ образомъ европейцами и китайцами.

Въ 1711 году Императоръ *Кангъ-Си* послалъ находившихся въ Китаѣ ученыхъ французскихъ іезуитовъ *Жартуа*, *Фредели* и *Фабри* въ подвластную ему область Хами (Хамыль или Комулъ, прежде Гаочанъ), для картографическаго изображенія ея. Хамійскій оазисъ этими патерами описывается въ привлекательномъ видѣ, изобилующимъ хлѣбомъ, плодами и овощами.

Торговля и *промышленность* продолжали процвѣтать въ В. Туркестанѣ. Жившіе въ Сибири послѣ Полтавскаго сраженія плѣнные шведскіе офицеры познакомились тамъ съ пріѣзжими кашгарцами и описываютъ, что они получаютъ пропитаніе отъ торговли и ремеслъ и для торговли ѣздятъ въ Китай, Индію и Сибирь, добывая тамъ большую наживу. Академикъ Миллеръ во время пребыванія на Иртышѣ въ 1734 г. тоже видѣлъ тамъ кашгарскихъ купцовъ, доѣзжавшихъ до Тары и Тобольска и привозившихъ золотой песокъ, урюкъ, кишмишъ и различные сорты хлопчато-бумажныхъ

тканей. Китайское географическое сочиненіе *Си-ю-вынь-сиы-лу*, изданное въ Пекинѣ въ 1778 году, говоритъ о Хотанѣ, что тамъ много добывается камня юй и выдѣлываются прекрасныя шелковыя ткани: о Яркендѣ, что тамошній базаръ переполненъ товарами и людьми, много тамъ рѣдкостей и драгоцѣнностей, скота и всевозможныхъ плодовъ: о Кашгарѣ и принадлежащихъ къ нему городахъ, что тамъ выдѣлываютъ шелковыя матеріи, золотыя и серебряныя вещи, отлично шлифуютъ юй, торговля процвѣтаетъ, урожаи обильные и жители зажиточны.

О письменности и наукахъ источники вовсе умалчиваютъ, за то китайская географія упоминаетъ, что жители не знаютъ „ни фамилій, ни именъ, ни родословій", что указываетъ на довольно низкую степень развитія народа.

Характеръ и нравы жителей. О жителяхъ Комуля іезуитскіе ученые (1711 г.) отзываются, что „они считались храбрыми, выносливыми и искусными въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но непостоянными, вспыльчивыми и во гнѣвѣ жестокими и кровожадными". Это, правду сказать, единственное свидѣтельство о храбрости и физическомъ проворствѣ жителей В. Туркестана, притомъ оно относится лишь къ одной небольшой области, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ отличавшейся отъ остальныхъ. Напротивъ, шведскіе офицеры говорятъ вообще о жителяхъ „Малой Бухаріи" (такъ называлась тогда въ Сибири Кашгарія), что „военная профессія тамъ совершенно чужда и каждый заботится только о собственныхъ дѣлахъ. Калмыкамъ уплачиваютъ дань, и тѣ, вслѣдствіе этого, оказываютъ имъ величайшее презрѣніе". Географъ 1778 года передаетъ, что туркестанцы любятъ охотиться съ соколами и мѣтко бьютъ зайцевъ палками, но стрѣлки они плохіе. О хотанцахъ онъ говоритъ: „нравы жителей кроткіе, простые, они откровенны и не преданы ни лѣни, ни лести, ни лукавству". О яркендцахъ: „туземцы миролюбивы, китайцевъ уважаютъ и преданы своимъ началь-

никамъ, малодушны, любятъ зрѣлища и игрушки; женщины прекрасно поютъ и пляшутъ и ловки на разныя фиглярства. Сильный угнетаетъ безсильнаго и беки чрезвычайно корыстолюбивы". О кашгарцахъ: „склонны къ разврату и расточительности. Тамъ много непотребныхъ женщинъ, которыя отлично поютъ и танцуютъ. Ихъ содержатъ даже въ домахъ людей очень почтенныхъ". Вообще о жителяхъ страны географія эта отзывается: „очень любятъ крѣпкіе напитки, напившись и наѣвшись засыпаютъ и, проспавшись, напиваются снова.... любятъ также и музыку,.... отцы и сыновья соединены союзами любви, до остальныхъ-же имъ мало дѣла. Бракъ допускается всякій, кромѣ съ матерью или дочерью". *Миръ-Изетъ-Уллахъ* въ дневникѣ 1812 года говоритъ о яркендцахъ: „жители очень трудолюбивы и состоятъ, большею частью, изъ торговцевъ; невольниковъ между ними очень немного. Женщины не закрываютъ себѣ лица покрываломъ". Что касается нѣкоторыхъ обычаевъ, употреблявшихся въ прежніе вѣка, именно сожиганіе мертвыхъ, сжиманіе головъ новорожденныхъ, то о нихъ уже нѣтъ помину, напротивъ, упоминается, что мертвыхъ хоронятъ въ землѣ.

VIII.

И Т О Г И.

Непосредственность развитія и исторической роли Кашгарцевъ.—Причины, вліяніе на физическія ихъ качества.—Незначительность борьбы съ природою.—Климатерическія вліянія.—Условія, вліяющія на складъ нервной системы и темперамента Кашгарца.—Физіологическія причины настроенія души и темперамента вообще.—Существо пессимизма.—Вліяніе гармоническаго развитія нервной системы на характеръ и умъ.—Причины склонности кашгарцевъ къ войнамъ и завоеваніямъ.—Физическія условія образованія темперамента кашгарцевъ.—Сравненіе ихъ съ киргизами.—Объясненіе недостатка связности и воинственности географическимъ характеромъ и другими природными условіями страны.—Причины появленія у кашгарцевъ трудолюбія и честности.—Условное значеніе наказаній.—Нужда—родитель трудолюбія и порядочности.—Причины развитія разврата въ городахъ Кашгаріи.—Параллель между работою мускуловъ и борьбой съ нуждою.—Причина незначительности умственнаго развитія.—Племенныя условія.—Условія со стороны численности народа и положенія страны.—Причины историческія.—Прогрессъ и регрессъ. Возможность скораго развитія перваго.—Наклоненіе въ историческихъ народахъ трудолюбія и миролюбія.—Будущность кашгарцевъ.

Въ наше время естественно-историческое изученіе человѣка болѣе и болѣе развивается. Для объясненія соціальныхъ и историческихъ явленій народовъ наука чаще и чаще нуждается въ помощи антропологіи и этнографіи, которыя, въ свою очередь, покоятся на другихъ положительныхъ наукахъ. Вотъ почему я считаю умѣстнымъ присовокупить къ очерку Кашгаріи еще особую главу, въ которой постараюсь прослѣдить вліяніе природы страны на исторію и на физическій и духовный обликъ кашгарца. Хотя объясненіе причинъ образованія того или другаго народнаго типа труднѣе описанія его и вообще подобнаго рода вопросы до сихъ поръ относятся къ труднѣйшимъ задачамъ этнологіи и исторіи, но, по крайней мѣрѣ, возможно намѣтить общіе контуры. Изъ предшедшаго уже можно было замѣтить вообще, что этотъ народъ ничѣмъ особенно выдающимся не отличается, не смотря на то, что уже давно живетъ историческою и гражданскою жизнью. Онъ не переходилъ за черту посредственности и не можетъ помѣриться съ нѣкоторыми другими азіят-

скими народами, оставившими за собою блестящій слѣдъ. Правда, въ древности его предки Саки отличались, какъ мы видимъ, храбростію и были „искусными стрѣлометателями", но періодъ этихъ воинственныхъ доблестей продолжался недолго и даже во время его этотъ народъ никогда не игралъ значительной роли, напротивъ, уже сражаясь съ греками въ рядахъ персидскаго войска, Саки были данниками персовъ.

Физическія качества. Жители деревень, какъ мы видѣли, довольно хорошаго тѣлосложенія и съ хорошо развитою мускулатурою, хотя и они особенною силою, проворствомъ и искусствомъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ не отличаются, благодаря однообразію своихъ занятій и однообразію природы страны, на что я указалъ выше. Самый климатъ не способствуетъ происхожденію сильнаго типа. Борьба съ холодомъ, съ вѣтромъ и другими метеорологическими явленіями положительно укрѣпляетъ организмъ. Хотя въ Кашгаріи зима существуетъ, но во всякомъ случаѣ температурная разность между лѣтомъ и зимою далеко не такъ значительна, какъ напримѣръ въ средней Европѣ и Сибири. А гдѣ вѣтры, гдѣ снѣжныя мятели, крупные и частые переходы отъ сухости и влажности, отъ холода къ жару, скачки въ давленіи воздуха и проч.? Всѣ эти вліянія, которыя вредятъ больному организму въ такой-же мѣрѣ увеличиваютъ физическую эластичность и крѣпость племени, которое живетъ и приспособилось къ природѣ страны, обилующей этими перемѣнами.

Съ другой стороны, слѣдуетъ брать въ соображеніе значительную пропорцію городскихъ жителей среди населенія Кашгаріи. Города съ ихъ зловоніемъ и пылью, съ бѣдностью пролетаріата, половымъ развратомъ и наркотизмомъ ведутъ къ физическому вырожденію. А всѣ эти вредныя условія возникли не вчера, напротивъ, они продолжаются уже очень давно. Въ прежнія времена, повидимому, разность заключалась лишь въ томъ, что вмѣсто злоупотребленія опіума и

ганина существовало обыкновенное пьянство (не смотря на запрещеніе корана). Склонность къ сладострастію обнаружилась также очень давно. Затѣмъ весьма небезразлично распространеніе въ этой странѣ *зоба*, который когда достигаетъ такой степени, то болѣе или менѣе ослабляетъ организмъ. Далѣе слѣдуетъ помнить, что довольно значительная часть жилыхъ мѣстъ въ Кашгаріи имѣетъ почву болотистую или окружена искусственными рисовыми болотами, что поэтому лихорадки, часто выражающіяся въ различныхъ скрытыхъ формахъ, при совершенномъ отсутствіи медицинской помощи и даже народной медицины, нерѣдко хронически подтачиваютъ здоровье жителей. Немудрено-же, что напримъ. люди, живущіе по нижнему Тариму и на Лобъ-норѣ показались г-ну Пржевальскому блѣдными и апатичными.

Наконецъ, быть можетъ и неразборчивость въ заключеніи кровныхъ браковъ, о которой упоминаютъ китайскіе писатели прошлаго столѣтія, не осталась безъ вреднаго вліянія.

Все вмѣстѣ взятое показываетъ, что процентъ людей съ физическимъ изъяномъ въ этой странѣ долженъ быть значительнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, не смотря на привычку къ верховой ѣздѣ, которая вообще благопріятна для здоровья.

Темпераментъ. Подъ этимъ словомъ слѣдуетъ понимать преобладающій видъ душевнаго настроенія, которое въ весьма значительной степени зависитъ отъ физическаго здоровья, въ особенности отъ органическихъ процессовъ нервной системы. Многіе думаютъ, что веселое или печальное настроеніе души всегда зависитъ отъ дѣйствительныхъ *впечатлѣній* причинъ, т.-е. отъ радости или горя. Между тѣмъ, есть еще другой источникъ радости и горя и едва-ли не самый обильный—это состояніе кровообращенія и степени питанія нервовъ, въ особенности мозга. Процессы эти, незамѣтно для насъ самихъ, даютъ душевному нашему міру ту или другую окраску, которую мы, вслѣдствіе недостаточной строгости

наблюденія, весьма часто приписываемъ внѣшнему міру. Вспомнимъ, для примѣра, съ одной стороны—то живое, бодрое настроеніе, которое вызываетъ холодное купаніе, гимнастика, умѣренное употребленіе кофе, чая, хорошаго вина и т. п., а съ другой стороны, то угнетенное, тоскливое, мрачное и раздражительное состояніе души, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ переѣда[1]), при слишкомъ частыхъ половыхъ удовольствіяхъ, при застояхъ крови, при катаррѣ желудка и т. п. „Тоска“ или меланхолія чаще всего имѣетъ такую внутреннюю, скрытую причину и душевная боль, ею производимая, можетъ быть изъ самыхъ сильныхъ и вести къ такъ называемому безпричинному самоубійству. Столь вошедшій нынѣ въ моду пессимизмъ въ основаніи своемъ тоже выходитъ изъ скрытой болѣзни мозга, а вовсе не изъ какой-то необыкновенной ясности мышленія. Именно наиболѣе великіе философы и поэты не были и не будутъ пессимистами, а творенія пессимистовъ представляютъ литературу вырожденія. Къ сожалѣнію, не всѣмъ читателямъ „философіи отчаянія“ извѣстно, что патріархъ новѣйшаго пессимизма, Шопенгауеръ, былъ сыномъ человѣка страдавшаго (не смотря на хорошую внѣшнюю обстановку) меланхоліею и лишившаго себя жизни въ припадкѣ ея, и что черты лица на портретахъ самого Шопенгауера носятъ ясные слѣды раздражительности и тоски.

Словомъ, настроеніе души и темпераментъ есть какъ-бы тотъ рубежъ, на которомъ происходитъ таинственная связь души съ тѣломъ: нервы и мозгъ относятся къ тѣлу, но нѣкоторые изъ процессовъ, въ нихъ происходящихъ, выражаются не въ видѣ физической боли или благоощущенія, а въ видѣ душевной печали, или, наоборотъ, веселья.

При гармоническомъ здоровьи и привычкѣ къ напряженной физической дѣятельности и настроеніе духа преоб-

[1]) Не только алкоголь, но кофе и чай при неумѣренномъ употребленіи производятъ тоску, въ особенности же опіумъ, гашишъ и пр.

ладаетъ бодрое, живое (предполагая, что нѣтъ особенныхъ явныхъ причинъ къ печали). А такого рода качество основнаго чувства души, въ свою очередь, отражается благотворно на многихъ другихъ проявленіяхъ душевной дѣятельности, которыя у этого чувства заимствуютъ силу, въ родѣ того, какъ звуки струнъ скрипки или гитары пріобрѣтаютъ силу и звонкость отъ колебанія воздуха въ резонаторѣ, т.-е. въ кузовѣ инструмента. Поэтому, дѣйствительное горе и всякія невзгоды легче переносятся при подобномъ живомъ темпераментѣ. Его обыкновенно называютъ *сангвиническимъ*, хотя послѣдній представляетъ лишь одинъ видъ того темперамента, который я бы назвалъ общимъ терминомъ *бодраго*. Но объ этомъ распространяться здѣсь не мѣсто.

Народъ Кашгаріи, какъ я замѣтилъ, не обнаруживаетъ живости и энергіи темперамента. Это въ сущности не противорѣчитъ тому, что онъ, по словамъ нѣкоторыхъ прежнихъ путешественниковъ, любитъ зрѣлища, празднества, музыку, пляски и попойки. При той безцвѣтности природы и всего быта, которую находимъ въ этой странѣ, немудрено, что люди ищутъ общественныхъ увеселеній. Далѣе, обиліе и сравнительная свобода и вольные нравы женщинъ, которые во всѣ времена замѣчались въ Кашгаріи, способствовали развитію пляски и общественныхъ сборищъ; нѣкоторые изъ источниковъ прямо говорятъ, что плясокою занимались преимущественно такія женщины, которыхъ мы можемъ приравнять индійскимъ баядеркамъ. И вообще замѣтно было, что въ общественныхъ увеселеніяхъ, попойкахъ, утощеніяхъ, пляскахъ и пр. существовалъ элементъ разнузданности, который скорѣе указываетъ на привычку къ ублаженію плотскихъ вожделеній (о чемъ даже прямо упоминаетъ Марко Поло, говоря о жителяхъ Комуля), чѣмъ на проявленіе веселости нрава. Неудивительно, что народъ, значительная часть котораго состоитъ изъ организацій болѣе или менѣе слабыхъ, не обладаетъ и такою нервною системою, здоровье которой выра-

жалось-бы привычнымъ бодрымъ и радужнымъ расположеніемъ духа; напротивъ, здѣсь относительно часто встрѣчаются субъекты, имѣющіе видъ какой-то приниблености. Уже одна распространенность зоба ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ. Люди, одержимые большимъ зобомъ становятся вялыми и угнетенными, самое соображеніе ихъ медленнѣе и сужденія нетверды. Понятно, что потомство ихъ, хотя-бы не страдало зобомъ, должно имѣть извѣстное расположеніе къ душевной анатіи. Подобное вліяніе имѣютъ болотное худосочіе и хроническое отравленіе нервовъ наркотическими веществами, сладострастіе, да и вообще всѣ тѣ условія, которыя препятствуютъ здѣсь развитію физически сильнаго типа, посредственно дѣйствуютъ и на нервно-духовную сферу. Правдоподобно даже, что однообразіе и безцвѣтность природы принимаютъ въ этомъ нѣкоторое участіе. Казалось-бы, что киргизы, тоже населяющіе пустыню, находятся съ ними въ одинаковыхъ условіяхъ. Но на самомъ дѣлѣ и образъ жизни, и самая природа ихъ пустыни, далеко не сходны съ кашгарскими. Кажущаяся монотонность родины киргиза на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такова и кромѣ того образъ жизни его крайне подвижной, онъ то жарится въ знойной степи, то поднимается къ снѣгамъ и ледникамъ, то его сушитъ горный вѣтеръ, то мочитъ дождь, то несется онъ вихремъ по привольной равнинѣ, то лѣзитъ по опаснымъ тропинкамъ надъ пропастями; то всѣми силами защищаетъ свое утлое жилище отъ нападенія всевасыпающаго и всесрывающаго бурана, то переправляется въ бродъ черезъ бѣшеныя горныя рѣки. Переносется его войлочное жилище, мѣняется и разнообразится и вся обстановка. Завѣванія бурана, грохотъ потоковъ, облачный вѣнецъ горныхъ вершинъ, красота зеленѣющихъ луговъ, пестрота весеннихъ цвѣтовъ, таинственныя тѣни лѣсовъ (который отнюдь не исключенъ изъ отечества киргиза), картины миража въ знойной равнинѣ, явленія изъ жизни птицъ и звѣрей, которыми богата его страна, нако-

ность, случайности охоты и баранты,—все это доставляетъ такое разнообразіе впечатлѣній, которое будитъ вниманіе и населяетъ воображеніе поэтическими образами, что̀ въ свою, очередь, отражается на расположеніи духа и складѣ темперамента. При этомъ, кочевникъ подвергается разнообразнымъ испытаніямъ, голоду, холоду, жаждѣ, опасностямъ, усталости и пр., но, большею частію, все это бываетъ явленіемъ проходящимъ, которое не только не успѣваетъ нанести организму постояннаго вредъ, но, напротивъ, лишь повелитъ *противодѣйствіе* его, такъ что въ итогѣ получается не ослабленіе, а укрѣпленіе. Напримѣръ, хотя несомнѣнно, что киргизъ временамъ голодаетъ[1], но онъ рѣдко этому подвергается хроническимъ образомъ.

Сторона Тянь-шаня, гдѣ онъ кочуетъ, богата, по крайней мѣрѣ, травой и даетъ возможность сѣять хлѣбъ. Не хватаетъ травы и топлива здѣсь, онъ отыскиваетъ другое мѣсто. Киргизы вообще народъ бѣдный, но поставить ихъ наряду съ городскимъ пролетаріатомъ нельзя ни въ какомъ случаѣ.

Точно также и гражданская ихъ свобода никогда не была стѣсняема въ томъ родѣ, какъ это случается съ населеніемъ осѣдлымъ. Напримѣръ, въ настоящее время нѣкоторая часть кара-киргизовъ считается въ китайскомъ подданствѣ, но китайцы съ ними обходятся до того деликатно, что не обложили ихъ податью. Положимъ, что тутъ завѣдомо есть задняя мысль—именно желаніе увѣрить киргизовъ, что китайское подданство выгоднѣе русскаго, которое сопряжено съ налогами, и образовать такимъ образомъ между китайскими и русскими предѣлами линію враждебнаго для Россіи населенія. Но, не менѣе того, эта мягкость обращенія обусловли-

[1]) Періодическое умѣренное голоданіе (при условіи послѣдовательнаго достаточнаго питанія) не только не вредитъ, но ведетъ къ *увеличенію питанія и укрѣпленію силъ*, какъ доказалъ я экспериментальнымъ путемъ (Biologisches Centralblatt, 1887, Mai u. Juni).

вается тѣмъ, что они въ сущности ничего не могутъ поддѣлать съ этими горными птицами.

Словомъ, бытовыя условія киргиза таковы, что съ одной стороны они требуютъ борьбы съ лишеніями и опасностями, съ другой—не обрекаютъ его на постоянное горе, на безисходную нищету, на рабство и т. п. Они напрягаютъ его силы, но не побѣждаютъ, не истощаютъ ихъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что простота кочевой жизни предохраняетъ до извѣстной степени отъ половаго и наркотическаго разврата, по крайней мѣрѣ тѣ изысканныя формы его, которыя привились къ населенію городовъ Кангарін, ему неизвѣстны. Въ результатѣ получается здоровый, цѣльный человѣкъ, съ живымъ, веселымъ темпераментомъ, воспріимчивымъ воображеніемъ, добродушнымъ и привѣтливымъ, но не лишеннымъ силы сопротивленія характеромъ. Въ своемъ мѣстѣ я показалъ, что и въ быту киргиза еще остаются многія pia desideria, но все-же въ сравненіи съ кангарцами ихъ далеко меньше.

Посмотримъ теперь на кангарца. Онъ прикленъ ко дну глубокаго ящика, котораго стѣны составляютъ высокіе хребты, безплодные и пустынные со стороны Кангарін, а самое дно тоже, большею частію, пустыня, какихъ мало встрѣчается, по однообразію, по бѣдности произведеній природы и по постоянству климата. Глина, песокъ, солонцы, гребенщикъ, болото и камышъ—вотъ что встрѣчаютъ глаза на сотни верстъ, а на горизонтѣ безнадежная сѣрая рамка скалъ. Изъ климатическихъ перемѣнъ здѣсь человѣкъ не испытываетъ и половины того, что киргизъ въ своихъ горахъ. Въ теченіи большей части года здѣсь стоятъ жары, зима мягкая, вѣтровъ же и дождей почти совсѣмъ нѣтъ, однообразенъ и образъ жизни. Въ участкахъ, годныхъ къ земледѣлію, занятія тоже весьма однообразны—проведеніе арыковъ, посѣвъ, жатва, напростѣйшій уходъ за садомъ, необходимѣйшія хозяйственныя работы, вотъ и все. Въ городахъ, конечно, болѣе разнообразія, есть ремесла и торговля, больше новизны и раз-

влеченія, но все-таки это въ сущности большія деревни, отъ которыхъ отличаются, однако, тѣмъ, что человѣку здѣсь живется еще труднѣе, чѣмъ въ деревняхъ. Словомъ, мы видимъ при сравненіи киргиза съ кашгарцемъ, что различіямъ ихъ типовъ соотвѣтствуютъ и многія условія, подъ вліяніемъ которыхъ образовались эти различія двухъ народовъ, принадлежащихъ почти къ одному и тому же племени, ибо арійская примѣсь есть и у киргизъ, хотя въ меньшей степени. Много правды въ той теоріи, которая выводитъ духовныя качества и историческія судьбы народовъ изъ условій природы, которою человѣкъ окруженъ. Но на практикѣ часто грѣшатъ тѣмъ, что ищутъ слишкомъ много *непосредственности* во вліяніи природы, напримѣръ, поэтическія и художественныя способности народовъ безъ дальнѣйшихъ околичностей сводятъ на вліяніе прекрасной природы. Существуютъ, конечно, и такія вліянія, но гораздо важнѣе тѣ условія, которыя заставляютъ человѣка *напрягать свои силы въ борьбѣ съ ними*. Этимъ-то въ немъ вырабатывается та духовная почва, въ которой всходятъ сѣмена художественныхъ вѣяній и въ которой зарождается мысль. Есть страны, одаренныя великолѣпной природой, но не породившія даровитаго народа. Напротивъ, страны, гдѣ разнообразіе и красота природы идутъ рука-объ-руку съ необходимостью борьбы всякаго рода, дали наиболѣе выдающихся людей.

Свойства тѣлесной организаціи и темперамента распространяются и на *характеръ* въ тѣсномъ смыслѣ слова, чего, впрочемъ, отчасти уже коснулись выше. Вообще я отвелъ такое большое мѣсто разбору условій, создавшихъ тѣлосложеніе и темпераментъ кашгарца, потому, что вліяніе послѣднихъ на проявленіе духовной жизни и исторіи народа огромно и во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ это обыкновенно допускается.

Переходя къ частностямъ, не можемъ не замѣтить, что *недостатокъ смѣлости* и *боеваго упорства*, который встрѣ-

чается у кашгарца, въ значительной степени зависитъ отъ физическихъ условій. У нѣсколькихъ авторовъ, писавшихъ о Кашгаріи, есть указанія на эти качества ея жителей („малодушны“, „плохіе воины“)[1]). Притомъ, вся исторія Кашгаріи подтверждаетъ, что жители ея не отличались воинственностью, хотя междуусобія и возстанія бывали часто. Не только они никогда не были завоевателями, но и при нашествіяхъ на нихъ самихъ рѣдко защищались съ упорствомъ, даже поддавались паническому страху. Къ немногимъ примѣрамъ упорнаго сопротивленія относится борьба возставшихъ турфанцевъ противъ китайцевъ. Рѣдкіе и краткіе періоды, въ теченіи которыхъ Кашгарія выказывала воинскую силу и до нѣкоторой степени импонировала сосѣдямъ, совпадали съ появленіемъ одной энергической личности, а потомъ все возвращалось къ прежнему. Такъ было при Туглукъ-Тимурѣ, при Султанъ-Саидѣ и Якубъ-бекъ. Послѣдній, въ добавокъ, даже не былъ кашгарцемъ.

Весьма естественно, что при значительномъ процентѣ людей слабыхъ и полубольныхъ, трудно было выставить достаточное число крѣпкихъ солдатъ, а при непривычкѣ къ тѣлеснымъ упражненіямъ (кромѣ верховой ѣзды), при недостаткѣ быстроты и проворства, кашгарскій воинъ долженъ былъ уступать свѣжему кочевнику. Съ другой стороны вялый темпераментъ ведетъ къ недостатку смѣлости, упорства и душевной эластичности, и при слабыхъ нервахъ легко поддается паническому страху.

Тѣмъ не менѣе, есть еще одна весьма важная причина, или лучше сказать рядъ причинъ, по которымъ кашгарцу суждено было постоянно играть роль порабощеннаго. Причина эта также кроется въ природѣ страны. Въ военной исто-

[1]) Извѣстія Геродота и Птоломея о доблестяхъ Саковъ относятся къ періоду, когда собственно кашгарской исторіи еще не было, народъ былъ, повидимому, еще не смѣшанный и вообще объ условіяхъ его тогдашняго быта намъ почти ничего неизвѣстно.

ріи извѣстны примѣры, что даже храбрыя войска, которыя хитростью непріятеля были загнаны въ какія-нибудь тѣсныны безъ выхода, клали оружіе или погибали. Подобныя тѣсныны въ большомъ размѣрѣ представляетъ упомянутый ящикъ. Не смотря на большое протяженіе страны, которое казалось-бы противилось употребленному мною сравненію, она все-таки въ сущности дѣйствовала въ родѣ мышеловки. Въ самомъ дѣлѣ, уходить и развиваться вдаль—препятствовали неполезныя степи, съ трудными путями и перевалами, на которыхъ еще въ наше время бѣглецы погибали массами, оставаться-же въ этихъ горахъ было немыслимо по ихъ безплодности, а тамъ, гдѣ начинаются луга и лѣса, уже жили кочевые хищники, отъ которыхъ пришельцамъ предстояло истребленіе или, по крайней мѣрѣ, сліяніе съ ними. Съ другой стороны, внутри самой страны не было убѣжищъ: ни лѣса[1], ни удобообитаемой горы, ни судоходныя рѣки не могли принять и укрыть непокорныхъ. Но и это-бы еще не бѣда, еслибъ не было третьяго условія, именно невозможности сопротивленія большими массами, другими словами, существовалъ недостатокъ *единства*, обусловленный географическимъ характеромъ страны. Не напрасно она называлась „Шестиградіемъ“ (а впослѣдствіи Осьмиградіемъ). Этимъ выражается дробленіе ея на отдѣльные центры, оазисы, раздѣленные большими безплодными и неудобопроходимыми пространствами. Знаменитые полководцы, напр., Наполеонъ, часто разбивали сильнѣйшаго непріятеля, нападая на отдѣльныя части его войска и уничтожая ихъ раньше, чѣмъ могло произойти соединеніе. Кашгарія въ сущности всегда состояла изъ нѣсколькихъ маленькихъ и беззащитныхъ государствъ, раздѣленныхъ пустынями съ плохими дорогами и несудоходными рѣками, вслѣдствіе чего непріятелю, хотя-бы не очень силь-

[1]) Исключеніе представляютъ лѣса около Маралъ-баши. Тамъ съ грѣхомъ пополамъ даже могли-бы кормиться стада бѣглецовъ листьями тугрика,—по крайней мѣрѣ, наши лошади ѣли ихъ.

ному, легко было раздавливать какой-нибудь городъ съ его участками, а затѣмъ, усилившись добромъ и услугами побѣжденныхъ, онъ двигался далѣе, для покоренія остальныхъ. Притомъ, вслѣдствіе тѣхъ-же условій, отдѣльные участки мало соединялись общими интересами жизни. Въ добавокъ, даже общее число населенія, благодаря тѣмъ-же природнымъ условіямъ, по величинѣ своей не соотвѣтствовало величинѣ страны.

Итакъ, вотъ условія, которыми отчасти можно объяснить частыя завоеванія, перемѣны правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезличеніе народа.

Но теперь слѣдуетъ обратиться въ другую сторону. Не смотря на отсутствіе воинской доблести, не смотря на нѣкоторыя привычки и внѣшнія условія, подрывающія силу нервовъ и отчасти нравственность, въ кашгарцѣ, какъ мы видѣли, выработались и удержались два очень почтенныхъ качества—*трудолюбіе* и *честность*. Родителемъ перваго была, какъ и вездѣ, *нужда*, съ которой большинство этого народа боретея уже давно. Вслѣдствіе пустынности территоріи, населеніе ея уже въ теченіи вѣковъ остается болѣе или менѣе стаціонарнымъ. Третья часть или половина настоящей цифры могла-бы существовать безбѣдно, даже при маломъ трудѣ, благодаря плодородію нѣкоторыхъ участковъ, рудному производству и пр. Но эта грань давно уже перейдена и поэтому существующая цифра должна трудиться „въ потѣ лица“ и научилась дорожить каждымъ клочкомъ плодородной земли и всѣми средствами для удобренія ея. Когда народъ бѣдный чувствуетъ въ себѣ воинскую силу и условія его страны способствуютъ набѣгамъ, то онъ скорѣе старается поживиться на счетъ другихъ, онъ привыкаетъ къ набѣгамъ и становится разбойникомъ. Такъ было, напримѣръ, съ туркменами и арабами. У кашгарца не было этой возможности и онъ предпочелъ трудиться.

Но кромѣ грабежа и разбоя бѣдность склонна искать выхода въ воровствѣ и мошенничествѣ, которыя доступны и

слабому, между тѣмъ у кашгарца и этого находимъ мало, не смотря на развитіе торговли, которое зачастую идетъ рука-объ-руку съ развитіемъ въ торгашѣ лукавства и плутовства. Нѣтъ также двоедушія и подличанья, не смотря на порабощеніе. Чѣмъ объяснить это явленіе? Полагаютъ, что страхъ передъ строгостью наказаній, положенныхъ мусульманскимъ закономъ за воровство и мошенничество, удерживало отъ этихъ преступленій. Напримѣръ Якубъ-бекъ за малое воровство и надувательство рубилъ руку, а за большое рѣзалъ вору горло, какъ барану на бойнѣ; все это дѣлалось всенародно, а несчастные изувѣченные съ незажившей раной должны были ежедневно появляться на базарѣ для позора. Положимъ, что подобныя безчеловѣчныя истязанія и казни должны были производить сильное впечатлѣніе. Подобная-же расправа существовала уже за долго до него, во время до-мусульманскаго періода, какъ упомянуто выше, да и китайскій законъ несособенно мягокъ къ ворамъ и плутамъ. Но еслибъ мы тутъ имѣли дѣло только съ непосредственнымъ страхомъ, то воровали и плутовали-бы, по крайней мѣрѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, т.-е. когда нельзя ожидать возмездія, напр. при отвозѣ товаровъ за-границу, а между тѣмъ этого нѣтъ. Отсутствіе замковъ у дверей тоже чего-нибудь стоитъ. Есть наблюденія въ наукѣ, по которымъ дикія животныя, напр. птицы, живущія въ такихъ странахъ, куда раньше никогда не заходили охотники, оказывались настолько довѣрчивыми, что подходили къ людямъ и падали массами подъ выстрѣлами ихъ. Напротивъ, молодыя животныя, родившіяся уже послѣ посѣщенія путешественниками данной мѣстности, при первомъ посѣщеніи новыхъ людей уже обращались въ бѣгство. Стало-быть, страхъ, испытанный стариками во время избіенія товарищей ихъ или ранения ихъ самихъ, передавался ихъ дѣтямъ уже въ видѣ *постояннаго качества*, т.-е. въ видѣ осторожности. Возможно, что и нравственныя качества людей отчасти слагаются при подобныхъ метаморфозахъ, что напр.

уваженіе къ чужому добру у кашгарцевъ сложилось подъ вліяніемъ повторявшихся вѣками жестокихъ наказаній за воровство. Что начало порчи было, это мы видѣли изъ отзывовъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, которые жаловались на плутовъ особенно въ Кашгарѣ. Но далеко она не пошла и въ этой остановкѣ, быть можетъ, отчасти участвовали тѣ строгія мѣры, при наслѣдственной передачѣ впечатлѣній. Впрочемъ, повторяю „отчасти“, ибо по моему мнѣнію есть другіе, болѣе глубокіе источники нравственности, и современная теорія наслѣдственности далеко не все объясняетъ. Одинъ изъ такихъ источниковъ есть привычка къ *упорному труду*, въ свою очередь порожденному нуждою. Трудъ облагораживаетъ душу, онъ, такъ сказать, вытряхаетъ ее и вымываетъ изъ нея сѣмена порчи. Вотъ почему собственно народъ, ведущій большею частію теркую и трудовую жизнь, почти во всѣхъ странахъ представляетъ нравственно здоровый элементъ, а порча даже въ странахъ порабощенныхъ распространяется лишь на тѣ слои, которые живутъ чужимъ трудомъ. Такъ и въ Кашгаріи сословіе бековъ дѣйствительно не удѣлало, это народъ жадный, жестокій и въ то-же время подличающій передъ китайцами. Не даромъ уже въ прошедшемъ столѣтіи китайскій географъ писалъ: „сильный здѣсь угнетаетъ безсильнаго“.

Возможно, наконецъ, что порядочности кашгарскаго народа, т.-е. большей массы, способствуютъ *племенныя особенности*. Монголы и Тюрки, при воинскихъ нашествіяхъ своихъ, не разъ наводили ужасъ на Азію и Европу, но, тѣмъ не менѣе, въ основаніяхъ характера ихъ много добродушія и прямодушія, чего нельзя не замѣтить при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Кашгарцы, воспріявшіе столько тюркскихъ и монгольскихъ элементомъ, конечно, во многомъ утратили первоначальную свѣжесть и силу этихъ варваровъ, но все-же національная солидность права отчасти сохранилась.

Что касается склонности кашгарцевъ къ *тяжбамъ* и воз-

мущеніямъ, о которой пишутъ китайскіе географы прошедшаго столѣтія и которая какъ-бы подтверждается частыми переворотами, то я высказался уже выше о причинахъ этого явленія.

Интересенъ вопросъ, почему именно въ В. Туркестанѣ *сладострастіе*, *попойки* и *наркотизмъ* сильнѣе развиты, чѣмъ въ другихъ восточныхъ странахъ? Послѣдній въ настоящее время очень распространенъ и въ Западномъ Туркестанѣ; но въ Восточномъ его уже въ прежніе вѣка замѣнили попойки, которыя на остальномъ Востокѣ были и остались неключеніями; впослѣдствіи отъ вина перешли къ наркотикамъ. Объ изобиліи вольнаго поведенія женщинъ также давно упоминаютъ и до сихъ поръ ѣздятъ въ Кашгарію за деневыми женами, т.-е. по-просту за наложницами.

Съ одной стороны, раннее развитіе торговли повлекло за собою вольныя привычки и разгулъ, какъ это всегда бываетъ въ бойкихъ мѣстахъ и здѣсь тѣмъ болѣе, что почти не было противовѣса въ видѣ воинскихъ упражненій и походовъ, которые хоть на время отвлекаютъ человѣка отъ наслажденій. Затѣмъ здѣсь, очевидно, рано появился пролетаріатъ на ряду съ богатствомъ отдѣльныхъ лицъ, а все это способствовало какъ и теперь, продажности женщинъ; людей имущихъ завлекало въ сладострастіе и развратъ, на что, вѣроятно, и разслабляющія жары этой страны имѣли нѣкоторое вліяніе. Здѣсь уже въ старину женщины были свободнѣе и существовалъ снисходительный взглядъ на брачные грѣшки. Самая свобода женщинъ, вѣроятно, произошла подъ вліяніемъ буддійскихъ ученій. При болѣе здоровомъ развитіи народныхъ силъ, въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ она могла-бы сдѣлаться залогомъ процвѣтанія, но при стеченіи остальныхъ невыгодныхъ условій получилось обратное.

Нищета и порабощеніе, съ другой стороны, повели къ наркотизму. Когда нужда является передъ человѣкомъ въ такомъ видѣ, что съ нею бороться еще возможно, то она,

становится великою благодѣтельницею, пріучая къ труду и честности. Когда она слишкомъ велика, то, напротивъ, ломаетъ человѣка, увлекаетъ его въ развратъ, рабство или преступленіе. Словомъ, происходитъ тоже, что при избыткѣ физическаго упражненія: умѣренная работа мускуловъ увеличиваетъ ихъ силу и укрѣпляетъ здоровье, чрезмѣрное—ведетъ къ атрофіи, къ чиниой сухоткѣ и другимъ болѣзнямъ. Въ обществѣ, которое вѣками борется съ нуждою, можно наблюдать рядомъ оба явленія: съ одной стороны вырабатываются скромные и честные труженики, и эти, къ счастію, обыкновенно составляютъ большинство, а на периферіи этой здоровой массы движется ободокъ противоположнаго свойства—люди падшіе. Впрочемъ, далеко не всегда такъ рѣзко распредѣлены эти различія между отдѣльными людьми. Нерѣдко наблюдаются люди, которые вмѣщаютъ въ себѣ обѣ противоположности, т.-е. рядомъ съ выработанною вѣками трудовою энергіею и смышленостью въ нихъ обнаруживается сильная склонность къ пьянству или сладострастію, или къ болѣзнямъ физическимъ, или преступленію и т. д. Душа такихъ людей нерѣдко представляетъ картину борьбы свѣта съ мракомъ. Часто побѣждаетъ послѣдній, но при измѣнившихся условіяхъ побѣда можетъ остаться и за первымъ. Забота о томъ, чтобы облегчить ему эту побѣду, есть задача педагогическаго и соціальнаго воспитанія.

Умственное развитіе. По нѣкоторымъ арабскимъ источникамъ, Кашгарія въ средніе вѣка произвела ученыхъ по различнымъ отраслямъ наукъ, но это, очевидно, были весьма посредственныя величины, не оставившія за собою слѣда. Уже не упоминаю о Европѣ, но даже если, напримѣръ, пересмотрѣть подавляющій списокъ свѣтилъ арабской науки и поэзіи (въ томъ числѣ уроженцевъ Западнаго Туркестана), то напрашивается вопросъ: почему Восточный Туркестанъ, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ остальной средней Азіею,

съ Китаемъ и Индіею, не произвелъ ничего подобнаго, и почему до сихъ поръ этотъ народъ не обладаетъ способностями, за исключеніемъ развѣ торговыхъ, ремесленныхъ и музыкальныхъ? Вопросы этого рода въ настоящее время еще очень трудно поддаются удовлетворительному рѣшенію, но, вѣроятно, въ этомъ явленіи участвовали слѣдующія причины. Не смотря на арійскій корень, едва-ли будетъ ошибочнымъ считать кашгарцевъ скорѣе тюрками, чѣмъ арійцами, во всякомъ случаѣ въ нихъ монголизма болѣе, чѣмъ въ жителяхъ западныхъ частей Азіи, куда меньше проникло монголовъ; между прочимъ, слѣдуетъ вспомнить о формѣ головы кашгарцевъ, приближающей ихъ къ киргизамъ (тюркамъ). Тюркскіе же и вообще монгольскіе народы пока не принадлежатъ къ передовымъ. Европейскіе турки, не смотря на близость къ нимъ цивилизаціи, до сихъ поръ остались варварами. Вслѣдствіе неразгаданныхъ еще причинъ, корни которыхъ теряются въ мракѣ тысячелѣтій, до высочайшихъ вершинъ человѣческаго творчества и мышленія до сихъ поръ доходили только двѣ семьи народовъ—арійцы и семиты[1]). Монголы-же, въ особенности въ лицѣ китайцевъ и японцевъ, развились и приблизились къ низшимъ ступенямъ—торговлѣ, ремесламъ, къ практическимъ знаніямъ и изобрѣтеніямъ. Положимъ, что и число жителей В. Туркестана никогда не было значительнымъ, а чѣмъ больше народъ, тѣмъ болѣе вѣроятія порожденія имъ выдающихся личностей. Но все-же это условіе изъ маловажныхъ. Мы знаемъ довольно примѣровъ, гдѣ небольшіе народы давали много талантливыхъ, даже геніальныхъ людей. Таковы были голландцы, греки, даже евреи, которые въ древности многочисленностью еще не отличались.

Выгодное въ торговомъ отношеніи положеніе страны и нахожденіе въ ней нѣкоторыхъ минеральныхъ богатствъ рано направили кашгарцевъ на путь торговли и ремесленнаго не-

[1]) Къ семитамъ, какъ извѣстно, относятся арабы и евреи и, можетъ быть, египтяне.

кусства, и всякіе другіе болѣе идеальные пути развитія заглохли. Они даже занимались банкирскими оборотами, о чемъ, по крайней мѣрѣ относительно Уйгуріи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, есть указанія.

Кашгарія не была единымъ и могущественнымъ государствомъ, куда-бы подъ вліяніемъ какихъ-нибудь даровитыхъ и сильныхъ монарховъ стекались изъ далекихъ мѣстъ ученые и художники, книги (за исключеніемъ буддійскихъ), рѣдкія произведенія искусства, ученыя пособія и т. д. Это—одна изъ вѣроятныхъ причинъ ея застоя по части развитія наукъ, тѣмъ болѣе, что она безчисленное число разъ подвергалась нашествіямъ, порабощеніямъ и перемѣнамъ правленія. Торговлю, земледѣліе и ремесла легче возобновять послѣ такихъ погромовъ, но истребленіе сокровищницъ науки и художества и изгнаніе ихъ представителей оставляетъ глубокіе слѣды, даже въ странахъ, гдѣ обнаруживались задатки высшаго развитія. Тѣмъ болѣе опустошенія должны были низвести какую-нибудь Кашгарію. Въ настоящее время она рѣшительно относится къ странамъ, представляющимъ регрессъ, т.-е. пониженіе благосостоянія и развитія. Торговля очевидно и значительно уменьшилась, отчасти вслѣдствіе открытія новыхъ путей сообщенія, особенно моремъ. Эксплоатація рудная богатства пріостановилась вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ. Движенія вообще меньше, чѣмъ когда-нибудь; народъ предоставленъ себѣ и тѣмъ незавидными образчиками, которые доставляютъ ему китайскіе подонки.

Говоря о регрессѣ, я, однако, долженъ оговориться, что, по моему мнѣнію, при явномъ наружномъ регрессѣ въ учрежденіяхъ, политическомъ строѣ и т. д., въ *умахъ* народа въ то-же время можетъ совершаться и нерѣдко фактически совершается скрытый прогрессъ, т.-е. созрѣваютъ сѣмена такихъ качествъ, которыя необходимы для прогресса, и при какомъ-нибудь значительномъ толчкѣ извнѣ или изнутри (въ лицѣ великаго человѣка и пр.) они вдругъ пускаютъ ростки.

Только этимъ можно объяснить, почему иногда варварское съ виду государство въ какой-нибудь данный моментъ надѣваетъ сапоги-скороходы и быстро догоняетъ цивилизованныхъ своихъ братьевъ. Такъ было, напр., съ Японіею. Если-бъ ея новѣйшіе реформаторы были семи пядей во-лбу, то и тогда она-бы не ухитрилась сдѣлать половину того, до чего дошелъ этотъ народъ, благодаря накопившемуся въ немъ запасу прогрессивныхъ душевныхъ силъ. Особенно на два качества считаю нужнымъ указать, которыя вырабатываются вѣками, даже при самыхъ грустныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и совершенно незамѣтно для поверхностнаго наблюденія, а затѣмъ при улучшеніи внѣшнихъ условій, вдругъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе, становясь подножіемъ внѣшняго прогресса, который безъ нихъ немыслимъ. Первое есть *трудолюбіе* или рабочая сила. Я уже высказался въ другомъ мѣстѣ, что эта сила, постепенное появленіе которой у различныхъ народовъ подтверждается исторіею, есть одно изъ ясныхъ доказательствъ нравственнаго прогресса человѣчества. Такъ, напр., германцы, которые 1800 лѣтъ тому назадъ славились лѣностью и безпечностью, теперь одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ народовъ, хотя многія другія качества ихъ характера и теперь еще настолько сохранились, что напоминаютъ описаніе Тацита. Вообще, количество рабочей силы у народовъ распредѣлено пропорціонально отдаленію ихъ отъ кочевой или полукочевой жизни и пропорціонально степени борьбы съ нуждою и препятствіями, которыя пришлось имъ выдержать. Меньше всего ея у тѣхъ, которымъ всегда жилось привольно, среди благодатной природы и безъ стѣсненія. Другое качество, которое прививается человѣку жизнью, есть *миролюбіе*. Какъ-бы ни смотрѣть на споръ о возможности или невозможности вѣчнаго мира, но, при внимательномъ сравненіи различныхъ историческихъ періодовъ и различныхъ народовъ, невозможно не придти къ выводу, что не только внѣшнія условія, но самое *располо-*

женіе къ дракѣ и ссорамъ у людей понемногу уменьшаются. Не только видимъ, что именно *дикія* племена погружены въ постоянныя войны, но чѣмъ дальше глядимъ назадъ въ свое собственное прошлое, тѣмъ чаще видимъ войны народа съ народомъ, въ одной и той-же странѣ безпрестанные походы города на городъ, мало того, въ одномъ и томъ-же городѣ фамиліи ополчаются на фамиліи, улицы на улицы. Отдѣльныя лица то-и-дѣло выходили на поединокъ изъ-за причинъ, которыя теперь возбуждаютъ улыбку. Не по тому вообще драки стали рѣже, что онѣ сопровождаются большимъ раздраженіемъ,—напротивъ, прежнія войны нерѣдко влекли за собою бо́льшія бѣдствія, вырѣзываніе цѣлыхъ городовъ и народовъ, опустѣнія цѣлыхъ округовъ, эпидеміи, уничтожавшія по половинѣ и по двѣ трети всего населенія, и т. д. И даже бо́льшее развитіе ума не можетъ быть единственнымъ объясненіемъ сравнительной рѣдкости ссоръ и войнъ, а нужно принять, что и характеръ человѣка цивилизованнаго становится менѣе раздражительнымъ и мы находимъ удовольствіе уже не въ томъ, въ чемъ находили его наши предки. И теперь еще есть люди, для которыхъ ссоры составляютъ необходимую приправу жизни; они-то и доставляютъ намъ мѣрило для сужденія объ обществѣ прежнихъ временъ, когда большинство его членовъ походило на этотъ отсталый и вымирающій типъ. Рядомъ съ уменьшеніемъ частныхъ дракъ и народныхъ войнъ видимъ развитіе въ людяхъ сознанія общности происхожденія. Народцы и народы, прежде считавшіе себя другъ-другу чуждыми и всячески настаивавшіе на существующей розни въ характерѣ, языкѣ и обычаяхъ,—потомъ начинаютъ замѣчать родственныя между собою черты, что́, конечно, совершается при участіи науки и историческихъ событій. Сначала объединяются государства, прежде состоявшія изъ отдѣльныхъ маленькихъ государствъ и народцевъ родственнаго происхожденія, потомъ начинаютъ переговаривать о союзѣ родственныхъ націй, напр. славянъ, ла-

тинцевъ, германцевъ. А, наконецъ, придетъ время, когда и эти рамки покажутся слишкомъ узкими, когда непріязнь, нынѣ столь часто возникающая между латинцами, греками, германцами или славянами, покажется нелѣпою и безнравственною, и племена эти начнутъ смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ по происхожденію. Основаніе этому уже и теперь положено. Языкознаніе и Антропологія неопровержимо доказали, что всѣ они представляютъ сучья одного мощнаго и благороднаго арійскаго ствола, раздѣлившагося на побѣги еще въ глубокой древности.

Въ смыслѣ только что изложеннаго взгляда на развитіе условій для прогресса, возможно, что и народъ Кашгаріи, не смотря на глубокій застой и отсталость, носитъ въ себѣ сѣмена для лучшаго будущаго и лишь ожидаетъ освобожденія отъ китайскаго режима, служащаго въ настоящее время представителемъ давно прошедшихъ временъ. Въ отношеніи физическаго развитія и связанной съ нимъ свѣжести и живости темперамента и характера, кашгарецъ отсталъ отъ своего кочеваго сосѣда. Но онъ его далеко опередилъ по части трудолюбія и даже миролюбія, а при иныхъ порядкахъ, при радикальномъ измѣненіи соціально-политическаго строя, онъ, вѣроятно, замѣтно подался-бы впередъ, что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождалось-бы и улучшеніемъ физическаго типа. Уже одно улучшеніе санитарнаго состоянія городовъ и преслѣдованіе наркотическаго разврата было-бы важнымъ шагомъ впередъ. Правду сказать, даже въ русскомъ Туркестанѣ на послѣднюю статью и на безобразіе бачей до сихъ поръ слишкомъ мало обращаютъ вниманія, но есть основаніе допустить, что въ недалекомъ будущемъ додумаются до этого. Уже въ видахъ охраненія общественнаго порядка необходимо принять какія-нибудь новыя мѣры. Достаточно указать на то, что въ Ферганѣ нерѣдко совершаются убійства „безпричинныя“, т. е. подъ вліяніемъ одуренія отъ гашиша.

IX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Отправленіе въ горы.—Встрѣча съ караваномъ.—Холодный ночлегъ.—Діэта киргизскихъ лошадей.—Убійственный вѣтеръ.—Китайскій постъ.—Пустынность природы Кокшаала.—Тонка помощію стеариновыхъ свѣчей и масла.—Беделъ.—Ночлегъ у подножія его.—Причины красоты вида съ высоты.—Сновидѣніе.—Выступленіе къ перевалу.—Крутой подъемъ къ Урта-Кургану. Калоша джигита.—Затрудненія при подъемѣ на перевалъ.—Крутость и высота Беделя.—Сартовская женщина. Припадки горной болѣзни.—Критическое положеніе надъ пропастью.—Ночлегъ въ юртѣ.—Появленіе травы и измѣненіе ландшафта.—Характеристика высокаго плоскогорья и вліяніе разрѣженнаго воздуха.—Ущелье Кашка-су и трудный спускъ.—Ледники.—Еловый лѣсъ.—Путь по ущелью Зука и предвѣстники обитаемаго мѣста.—Прибытіе въ Сливкину и въ Караколъ.—Ощущенія возвращающагося путешественника.

Утромъ 19-го октября мы оставили послѣднее жилье людское и отправились искать общества скалъ, снѣговъ и облаковъ. Сначала бродили еще нѣсколько времени среди опустѣлыхъ полей деревни, потомъ вышли на горную тропу, идущую въ сѣверо-западномъ направленіи, при ровномъ, но постоянномъ и замѣтномъ подъемѣ. Очень высокихъ горъ пока не видно было впереди, но горизонтъ застилался широкими зазубренными массами, выроставшими одна за другой, и конца имъ не было. Кругомъ ничего кромѣ темнаго камня, развѣ изрѣдка пучекъ хвоща или колючаго кустарника. Все мертво, сурковыхъ норъ по этой дорогѣ нигдѣ не видали и не встрѣтили даже ни одной птицы. Горныя породы по пути къ Беделю чаще всего встрѣчаются *сланцевыя*. Вообще въ хребтѣ Кокшаль (Мушкетовъ) преобладаютъ *горные известняки*. Камень, изъ котораго состоитъ верхушка Беделя, оказался тальковымъ сланцемъ.

Часовъ около 3-хъ по полудни подошли къ крутому спуску въ ущелье *Уйгалъ*. Передъ спускомъ направо отъ дороги стоитъ сложенная изъ камней заброшенная башенка или караулка. Ее аксакалъ нашъ называлъ *Караулъ-Тоне*, по маршруту-же г. Супаргулова, проходившаго черезъ Бедель въ 1877 г., этимъ именемъ называется мѣсто по *ту сторо-*

ну Беделя. Джигиты, впрочемъ, заявили, что на сѣверномъ спускѣ съ Беделя, верстахъ въ 12-ти отъ вершины перевала, есть холмикъ (между рѣчками Бедель и Возь-Джаль-Накъ), который назывался *Карауль-тоте* или *тюбе*; караула, впрочемъ, никакого тамъ нѣтъ и не было.

На днѣ ущелья, на лѣвомъ берегу рѣчки *Уйталъ*[1]) назначенъ былъ ночлегъ. Спустившись туда, мы увидѣли, къ удивленію и удовольствію нашему, разведенный костеръ и неподалеку отъ костра зеленую палатку, людей, хлопотавшихъ около нея и развьюченныхъ лошадей. Это былъ передній въ Караколь кашгарскій купеческій караванъ, который въ слѣдующіе дни шелъ вмѣстѣ съ нами, но за Беделемъ отсталъ на цѣлый переходъ. Высокія и крутыя стѣны ущелья состоятъ изъ сѣраго, голаго конгломерата. На противоположномъ берегу рѣки растетъ жидкій и корявый тополевый лѣсъ, въ которомъ караваны запасаются топливомъ на остальной путь. Но дорогъ здѣсь и далѣе вверхъ попадается, какъ единственный представитель растительности, темноцвѣтный колючій кустарникъ *бадалъ* (Lycium?). Онъ почти весь состоитъ изъ большихъ твердыхъ шиповъ, листьевъ незамѣтно, но есть плотносидящія очень маленькія темнокрасныя ягодки кисловатаго вкуса. Пока раскидывали наши палатки, я замѣтилъ пробѣгавшаго внизу зайца. Солнце уже скрылось за стѣнами ущелья, и холодъ давалъ себя чувствовать. Всю ночь горѣлъ костеръ, около котораго отогрѣвался часовой и это затѣмъ повторялось еще четыре ночи сряду. Благодаря двумъ шубамъ, я спалъ въ теплѣ, но вставать было куда какъ непривѣтливо; въ моемъ коиѣ было—2° R. Затопили было печку, но толку отъ этого было мало, главная надежда въ этихъ случаяхъ на горячій чай и на шубы. Лошади на этомъ ночлегѣ уже питались однимъ тѣмъ кор-

[1]) Ее также называютъ *Бедель*, такъ какъ она течетъ изъ подножія этой горы на юго-востокъ.

момъ, который везли съ собою. Оказалось, что джигиты никакого клевера не сочли нужнымъ припасти и попросили у насъ. Такъ какъ имъ было впередъ извѣстно, что мы захватили запасъ только для своихъ лошадей и притомъ предстояло кормить изъ вьюка не день, а дня три по крайней мѣрѣ, то я подивился ихъ безпечности, но они прибавили „если нѣтъ лишняго, то можно и безъ корму". Другими словами, киргизъ въ такихъ случаяхъ игнорируетъ потребность въ пищѣ у лошади и все-таки увѣренъ, что она его пронесетъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ не пройдетъ сытая и сильная деревенская лошадь. На этомъ и на слѣдующемъ ночлегѣ мы имъ дали половину порціи, а на третьемъ, именно передъ переходомъ чрезъ Ведель, ихъ кони по нашему мѣрилу все равно, что ничего не ѣли, однако, по ходу ихъ никто-бы этого не могъ предположить.

Утро было ясное, но во весь этотъ и въ особенности на слѣдующій день намъ дулъ на встрѣчу убійственно рѣзкій вѣтеръ. Трудно себѣ представить, до какой степени такой вѣтеръ, вольно гуляющій по обнаженнымъ вершинамъ, обостряетъ дѣйствіе холода. Казалось-бы, что значитъ температура въ $+1$ или $+2^0$ при теплой одеждѣ, а между тѣмъ подъ напоромъ этого вѣтра мало-по-малу можно совсѣмъ окоченѣть. Я нѣсколько разъ садился въ носилки, гдѣ, по крайней мѣрѣ, нижняя половина тѣла защищалась коцмами, которыми они были выстланы, но все-таки не разъ принужденъ былъ выходить и идти пѣшкомъ, чтобы согрѣться. Точно такіе снѣшивались по временамъ и казаки. Въ первый разъ въ эти дни они не пѣли, видно пѣсни ихъ застывали въ горлахъ. Самая дорога становилась труднѣе и труднѣе. Она идетъ то по правой, то по лѣвой сторонѣ рѣки, то вверхъ, то внизъ, то лѣпится по склону горъ; препятствія ея состоялп, главнымъ образомъ, въ нагроможденіи большихъ камней, которые мѣстами достаютъ лошадямъ до брюха, такъ что о до-

рогѣ въ общеизвѣстномъ смыслѣ слова нѣтъ рѣчи, и лошадямъ нужно много ловкости, чтобы не повредить себѣ ногъ.

Горы по бокамъ ущелья высокія и покрыты снѣгомъ до самаго ущелья. Въ мѣстахъ, гдѣ рѣчка бѣжитъ стремительно, она еще была свободна отъ льда, въ болѣе тихихъ ледъ держалъ лошадей. Не доходя до половины, приходится останавливаться въ укрѣпленьицѣ, гдѣ живетъ 3 челов. китайскихъ солдатъ, осматривающихъ билеты проѣзжающихъ. На картѣ оно названо *Ибрай*, проводники-же его называли *Бырынче-караулъ*. Это скорѣе пикетъ или караулъ, построенный изъ мѣстнаго камня и снабженный небольшимъ дворомъ съ воротами, чрезъ который и надлежитъ проѣхать. Имѣлось-ли у хвостатаго гарнизона какое-нибудь оружіе, неизвѣстно,— воины выходили по обыкновенію безъ признаковъ своего званія, въ синихъ кофтахъ и юбкахъ. Не веселое должно быть житье ихъ въ этомъ голомъ, холодномъ каменномъ гнѣздѣ, вдали отъ всего живаго. Впрочемъ, на дворѣ пикета расположена кибитка нѣсколькихъ киргизскихъ семей, которыя здѣсь находятся для посылокъ. Скотъ ихъ кормится соломою, которую привозятъ на вьюкахъ снизу, изъ ближайшихъ деревень (т.-е. верстъ за 40).

Дорогою во многихъ мѣстахъ виднѣлись бѣлыя клочья ваты на шипахъ вышеупомянутаго колючаго кустарника: это шедшій впереди насъ караванъ пробирался между колючкой, оставляя на нихъ слѣдъ хлопка, который онъ везъ въ Караколъ. Кое-гдѣ слышались крики рябчиковъ, и выводки этихъ птицъ убѣгали отъ насъ въ горы. Вѣроятно, они питаются ягодами колючки, иначе трудно придумать, чѣмъ-бы могли они существовать въ этой пустынѣ.

Второй кочевой ночлегъ нашъ былъ въ *Акъ-теке́* — закрытой съ сѣвера площадкѣ, на берегу рѣчки того-же имени.

Прибыли часа въ 4 пополудни окоченѣвшими отъ неунимавшагося вѣтра. На этотъ разъ, какъ только поставили кошъ, я обратился къ помощи моей печки, но держась вновь

придуманнаго мною способа топки. Дровъ, т.-е. точнѣе хвороста во-первыхъ было очень въ обрѣзъ; чтобы имѣть ихъ больше, требовалось-бы больше животныхъ, а съ числомъ послѣднихъ, въ свою очередь, увеличился-бы кормовой вьюкъ. Кромѣ того, слѣдовало имѣть въ виду возможность различныхъ задержекъ и непріятныхъ случайностей, напр. бурановъ и беречь топливо насколько возможно. Наконецъ, при вѣтрѣ печка дровами очень трудно растоплялась и наполняла юрту дымомъ. Поэтому я велѣлъ употреблять топливо только для костра, а самъ обратился къ болѣе компактному горючему матеріалу, котораго предвидѣлся остатокъ съ взлинкомъ, именно къ стеариновымъ свѣчамъ, къ антечному деревянному маслу, къ спуску и къ столовому маслу, которое мнѣ поднесъ аксуйскій аксакалъ. Прежде всего я сталъ разогрѣвать чайникъ стеариновыми свѣчами, для чего 3—4 огарка разомъ зажигались, и вода скоро достигала кипѣнія. Еслибъ не это, то я былъ-бы въ большомъ затрудненіи. Потомъ тотъ-же способъ былъ приложенъ къ печкѣ: на блюдечко клалось нѣсколько огарковъ или нѣсколько столовыхъ ложекъ масла или спуска, туда-же клокъ ваты, затѣмъ блюдечко вставлялось въ печь и вата зажигалась. Не смотря на раскаленіе печки, температура въ серединѣ юрта не поднималась выше 2 или 3^0 R. и то только пока поддерживался огонь. Въ казачьей-же палаткѣ такая температура стояла сама по себѣ и притомъ удерживалась дольше, благодаря большему количеству людей, отчасти, впрочемъ, ее пригрѣвалъ и костеръ. Ради лучшаго согрѣванія я опускался на полъ[1]) передъ самой печкой, поворачивался къ ней то бокомъ, то спиной, даже садился на нее, подложивъ сырую конину и такимъ образомъ удалось провести вечернія часы въ относительномъ теплѣ, не спуская при этомъ, конечно, мѣхового пальто съ плечъ. Правду сказать, не легко мнѣ доставалось это препровожденіе времени,—я обратился въ коче-

[1]) Роль пола въ такихъ палаткахъ тоже играетъ кошма.

гара, весь вечеръ то и дѣло нужно было подливать или подкладывать, руки были въ сажѣ, голова тяжелѣла отъ сальнаго чада. О раздѣваніи или какихъ-нибудь занятіяхъ въ теченіи 5—6 дней и думать нельзя было. Во время пребыванія моего въ Амурскомъ краѣ, мнѣ случалось быть въ дорогѣ въ такіе морозы, что хересъ замерзалъ въ моемъ погребцѣ, но такой постоянной борьбы съ холодомъ не испытывалъ, потому что чрезъ какіе-нибудь 2—3 часа ѣзды слѣдовалъ интервалъ на теплой станціи. И все-таки слѣдуетъ прибавить, что въ путешествіяхъ подобныхъ настоящему, конюмная палатка или юрта представляетъ такую гарантію, которая можетъ спасти проѣзжаго. Великое ея значеніе въ томъ, что она удерживаетъ вѣтеръ, а въ немъ-то вся суть. Хоти-бы температура внутри палатки была такая-же, какъ на дворѣ, но когда нѣтъ вѣтра, то при помощи шубъ, чайника, даже безъ топки, можно жить. Кромѣ того, палатка защищаетъ отъ снѣга, что́ тоже очень важно во время бурана. Когда одинокіе джигиты проходятъ по этимъ пустыямъ, они обыкновенно имѣютъ при себѣ полосу конопы, въ которую на остановкахъ завертываются на-глухо и это имъ замѣняетъ палатку или кошъ.

Кромѣ холода начинала заявлять о себѣ и рѣдкость воздуха. При движеніяхъ легко появлялась усталость и одышка, изъ чего можно было заключить, что мы уже поднялись на значительную высоту.

Утромъ 21-го, когда я проснулся въ кошѣ, было—3°, а снаружи—5° R. и вскорѣ возобновился убійственный вѣтеръ, которому нужно было идти навстрѣчу. Часа черезъ 2 хода мы прошли мимо рабата *Ачичъ-Акуль*. Это заброшенный каменный пикетъ, въ которомъ есть помѣщеніе для людей и для лошадей. Во время бурана онъ можетъ служить убѣжищемъ, въ особенности когда нѣтъ палатокъ. Здѣсь снѣгъ въ самое теплое время еще сходитъ, но лишь мѣстами, и то не надолго. Послѣ полудня вѣтеръ, къ общему удовольствію,

стать стихать, солнце стало греть и въ то-же время мы, наконецъ, увидѣли начало конца: при одномъ поворотѣ, откуда открывался видъ на длинное русло ущелья, джигитъ № 1 вытянулся на стременахъ и, указывая рукой впередъ, произнесъ: „Бедель!“ Мы увидѣли вдали внушительную конусовидную бѣлую шапку, вставленную между двумя сѣрыми массами. Казалось, можно-бы и перевалить сегодня, но проводникъ отсовѣтовалъ, предлагая лучше отложить до слѣдующаго утра, и мы на другой день убѣдились, что совѣтъ былъ дѣльный. Направо отъ дороги, въ закрытомъ логу[1]), мы вскорѣ увидѣли выступившій нѣсколько раньше насъ купеческій караванъ, который также расположился для ночлега, хотя былъ только 2-й часъ въ началѣ. Туда-же повернули и мы. Дно лога было обнажено отъ снѣга, тогда какъ въ главномъ ущелiи уже не было свободнаго мѣста. Изъ этого лога течетъ рѣчка *Акъ-текé*, которая вмѣстѣ съ другой рѣчкой, текущей изъ-подъ Беделя, составляетъ р. Уйталъ[2]).

Скоро нашъ лагерь получилъ оживленный видъ. У сартовъ уже стояла зеленая палатка, около которой, въ видѣ вала и для защиты отъ вѣтра, располагались тюки съ ватой. Нѣсколько выше раскинулись наши палатки. Кругомъ на различныхъ разстоянiяхъ группами стояли лошади и лежали различныя части вьюка. Костры задымились, лошади ржали, люди сновали туда и сюда, хлопоча кто надъ варкой пищи, кто надъ кормомъ лошадей, и т. д. Въ сартовскомъ караванѣ, между прочимъ, ѣхали 3 женщины, которыя тамъ хозяйничали; у насъ, по обыкновенiю, кашеваромъ былъ Дементiй, которому поочередно помогали казаки. Сегодня шла у насъ послѣдняя мясная порцiя изъ купленнаго въ деревнѣ барана, другаго достать тамъ не могли, поэтому остальной путь предстояло идти на вегетарiанской пищѣ,—о чемъ, впрочемъ, люди, повидимому, не тужили.

---

[1]) Мѣсто это называется *Бесъ*-курганъ.

[2]) Мѣсто впаденiя называется *Акъ-текe-чатъ*.

Съ прекращеніемъ злого вѣтра, стало настолько хорошо, что всѣ оттаяли, а когда насытились и стали пить чай, то людьми нашими овладѣло необыкновенное оживленіе, на что, вѣроятно, не безъ вліянія оставался видъ Бедели, объщавшаго близкій конецъ скитанія и возвращеніе въ „Рассею". Пѣсня за пѣсней выливались у казаковъ, одна другой веселѣе, юмористическіе разсказы Софронова, шутки и задушевный хохотъ перемежались, заглушая журчаніе бѣжавшей вдоль лога рѣчки и шорохъ лошадей. Киргизскихъ лошадей на эту ночь погнали въ окрестныя щели „кормиться". Хотя кругомъ виднѣлись нѣкоторыя мѣста, обнаженныя отъ снѣга, но вообще горы представлялись совершенно голыми, каменными массами, гдѣ казалось не было и намека на кормъ. Лишь на слѣдующее утро, когда мы проходили мимо одного такого мѣста, я успѣлъ разглядѣть, что тамъ точно торчали кое-какія былинки, но, во всякомъ случаѣ, онѣ относились къ настоящей травѣ такъ, какъ пухъ на лысой головѣ къ настоящимъ волосамъ.

Наступили сумерки и голоса стали стихать. Надъ горой, возвышавшейся противъ нашего лагеря по ту сторону ущелья, взошла луна. Хотя она была въ половинѣ, но воздухъ былъ очень прозраченъ и лучи ея разливали уже яркій свѣтъ. Въ третій разъ за этотъ походъ, я ее увидѣлъ прибывающею,— будучи дома, когда она въ третій разъ нальется до полнаго круга? Что намъ скажетъ этотъ старый великанъ, котораго обликъ мы увидѣли изъ ущелья? Терпѣливо-ли онъ дастъ вереницѣ дерзкихъ муравьевъ переползти чрезъ свою бѣлую голову, или сдунетъ ихъ и скомкаетъ? Тишина и ясность воздуха позволяли надѣяться на благополучный день. Мы находились на высотѣ, вѣроятно, не менѣе 12.000 фут. надъ уровнемъ моря, поднявшись на исполинскую крышу, тянущуюся поперекъ хребта верстъ на 100 въ приблизительно одинаковомъ подъятіи, не считая нѣсколькихъ еще болѣе высокихъ башенъ, къ которымъ относится Бедель и его со-

сѣди. Словомъ, этотъ горбикъ Тянь-шаня то-же нѣчто въ родѣ „Крыши міра“.

Когда мы взойдемъ на высокую крышу, на башню или гору, то все лежащее внизу получаетъ поэтическую окраску. Тѣ самыя деревья, поля, хижины, дворы, группы людей, стада и т. д., мимо которыхъ вблизи проходимъ равнодушно, теперь становятся привлекательными линіями живописной картины. Это такъ называемый „видъ“ съ высоты. Но что такое собственно этотъ „видъ“, чѣмъ объяснить такое превращеніе будничной прозы въ поэзію? Оно происходитъ у всѣхъ на глазахъ и, вѣроятно, поэтому считается дѣломъ очень простымъ. Между тѣмъ, процессъ, благодаря которому даже очень обыкновенные люди вдругъ становятся доступными восприятію хотя-бы слабаго поэтическаго волненія, вовсе не такъ простъ, и остается очень интересный вопросъ: почему это такъ? Потому, что мы при этихъ условіяхъ получаемъ разомъ гораздо бо́льшее число и бо́льшее разнообразіе зрительныхъ впечатлѣній, чѣмъ при отдѣльномъ разсматриваніи внизу; впечатлѣнія эти, сталкиваясь въ душѣ, складываются въ болѣе высокую волну чувства. Подобное этому мы видимъ во многихъ другихъ примѣрахъ: одинъ и тѣ-же силы, будучи приложенными порознь, не производятъ того результата, который получается отъ одновременнаго ихъ дѣйствія.

Каковъ-же долженъ быть видъ съ крыши міра и ей подобныхъ высотъ! объ этомъ пусть разсказываютъ тѣ счастливцы, которымъ удалось стоять на вершинѣ Монблана въ ясное утро, что, какъ извѣстно, выпадаетъ очень рѣдко. Что до нашей крыши, то никакая ясность дня не можетъ помочь дѣлу, потому что самый видъ закрытъ горами. Но что недоступно глазу физическому, то видитъ глазъ духовный—воображеніе. Одно сознаніе того, что вы находитесь такъ высоко надъ матерью-землею, какъ немногіе изъ вашихъ братьевъ, что милліарды людей копошатся далеко внизу, дѣй-

ствуетъ подобно необыкновенному виду и настраиваетъ душу торжественно. Нѣчто подобное овладѣло мною въ этотъ тихій лунный вечеръ, наканунѣ перехода чрезъ ребро непо-линской перегородки, поставленной между Азіею и Европою. Ибо я надѣюсь, что каждый, кто побывалъ въ такихъ странахъ, какъ эта окраина Китая, согласится считать Европою даже наше новорожденное Семирѣчье.

Въ такомъ настроеніи возвратился я съ прогулки по ущелью въ свой холодный подвижной кабинетъ и принялся за вечернее занятіе, т.-е. за топку печки. Когда она раскалилась, я присѣлъ передъ нею на корточки и хорошо согрѣлся, хотя не надолго. Сквозь щели, оставшіяся около печной трубы, ко мнѣ еще проникали пучки луннаго свѣта. Голоса утихли, люди улеглись „съ пѣснями", слышались только шаги часоваго, ропотъ рѣчки и отдаленный лай Кривого, производившаго обычную вечернюю рекогносцировку около лагеря. Мало-по-малу я почувствовалъ дремоту и незамѣтно очутился въ области сновидѣній, которыя составляли какъ-бы продолженіе являвшихся мнѣ передъ этимъ размышленій и проходили передо мною въ удивительной ясности и связности. Мнѣ представилось, что я поднялся на воздухъ и, несомый невидимыми крыльями, возвратился назадъ и летѣлъ надъ печальными равнинами Кашгаріи. Пустыни за пустынями проходили подо-мною; вотъ сыпучіе пески, бѣлые солончаки, тамарисковые бугры, болота, темныя мертвыя деревни, города съ мрачными, пыльными улицами. Я видѣлъ ряды земляныхъ норъ, въ утробѣ которыхъ шевелились покрытыя лохмотьями человѣческія существа. Передо-мною проносились грязныя трущобы съ валяющимися въ дремотномъ одурѣніи курильщиками, далѣе мрачные застѣнки, клѣтки съ подвѣшенными умирающими людьми, связанныя, плачущія дѣвочки въ свадебномъ нарядѣ, лачуги, набитыя умирающими горячечными.... Все исчезло, я высоко поднялся и чрезъ

мгновеніе увидѣть внизу нашъ лагерь, у подножія Беделя. Меня повлекло дальше, я увидѣлъ подъ собою тѣ, сотворенныя отъ вѣка, башни, которыя еще предстояло намъ побѣдить. Я летѣлъ надъ пропастями, надъ мрачными ущельями, гдѣ въ это время мирно спалъ горный духъ, далѣе надъ снѣговыми полями, надъ темной щелкой лѣсовъ, надъ бурнымъ потокомъ, я спускался ниже и ниже и, наконецъ, увидѣлъ знакомый мнѣ край. Вотъ широкая водяная чаша, тихо сіяющая при лунномъ свѣтѣ, мирный городокъ, почтовыя станціи, хутора, деревни. Далеко свѣтятся ихъ окна, въ окнахъ рисуются горшки съ цвѣтами, кипящіе самовары, мелькаютъ краснощекія дѣтскія головки, широкія плечи въ цвѣтныхъ рубахахъ, улыбающіяся женскія лица, слышится кругомъ мычаніе коровъ, говоръ людей, хохотъ, звуки гармоники.... Опять предо-мною горы, я несусь быстрѣе, вотъ засіяли въ лучахъ луны бѣлыя головы двухъ одѣтыхъ темными лѣсами великановъ, а у ногъ ихъ засверкало много огней. Я узналъ городъ, который видѣлъ въ послѣдній разъ въ жаркое лѣтнее утро. Надъ широкими прямыми улицами, надъ освѣщенными лунною садами, надъ свѣтящимися рядами оконъ свѣтло и мирно разливается звонъ вечерняго колокола. Но вотъ на углу площади одинъ домъ.... я почувствовалъ, что меня туда влечетъ. Вижу знакомыя комнаты, свѣтло тамъ и должно быть тепло. „Что-же меня держитъ, почему не могу, наконецъ, взойти въ мой домъ и почему меня никто не встрѣчаетъ?“ вырвалось у меня..., но вдругъ прозвучало около меня „назадъ!“, все исчезло, меня охватилъ холодъ, я несусь въ пространство и - просыпаюсь, сжась дѣйствительно отъ холода.

Есть мусульманская легенда, по которой однажды ночью ангелъ, разбудивъ Магомета, потребовалъ его къ Богу и улетѣлъ съ нимъ. „Магометъ въ эту ночь имѣлъ 99 бесѣдъ съ Богомъ, а между тѣмъ, когда ангелъ его принесъ назадъ, то даже еще не успѣла вытечь вода изъ кружки, которую онъ

опрокинуль при пробужденіи. Почти въ этомъ родѣ случилось со мною, ибо когда я очнулся, то огонь на блюдечкѣ еще не совсѣмъ погасъ,—значитъ, прошло всего минутъ десять съ тѣхъ поръ, какъ я подливалъ масло въ послѣдній разъ. А сколько я успѣлъ увидѣть видовъ за это время! Дюпалью разсказываетъ, что когда ему однажды, во время путешествія по экваторіальной Африкѣ, пришлось терпѣть голодъ, то во снѣ предъ нимъ проносились всѣ тѣ кушанья, которыми его угощали на прощальномъ обѣдѣ въ Лондонѣ. Подобно этому, и мнѣ стали рисоваться картины свѣта и тепла въ то время, когда я опять начиналъ леденѣть. Отчасти же сновидѣніе это составляло отголосокъ того, что́ ветрѣчалось мнѣ по ту сторону Тянь-шаня, и того, что́ предстояло увидѣть на нашей сторонѣ. Повозившись еще нѣкоторое время съ печкой, я легъ поранѣе, подъ защитой мѣховаго пальто и спотовой шубы, благодѣяніямъ которыхъ я обязанъ тѣмъ, что и эту ночь провелъ въ относительномъ теплѣ, не смотря на то, что она была самая холодная во весь походъ, и что вліяніе печки очень скоро исчезло; въ 6 часовъ утра, когда я проснулся, въ юртѣ было — $7\frac{1}{2}^{0}$ R. У казаковъ, напротивъ, было + $1\frac{1}{2}^{0}$.

Утро 22-го было ясное и тихое и предвѣщало благополучный переходъ. Въ $7\frac{3}{4}$ ч. мы выступили. Сначала дорога идетъ по ущелью, вдоль плотно замерзшей рѣчки. Здѣсь груды громадныхъ камней чередовались со снѣгомъ, который мѣстами хватало лошадямъ до брюха, но быть, къ счастію, замерзшій, такъ что большею частію держалъ лошадей, хотя онѣ все-таки кое-гдѣ проваливались и выкарабкивались съ трудомъ. Потомъ начался крутой и необыкновенно длинный подъемъ на предгорія Бедели. Скатерть тропинки, по которой мы поднимались, здѣсь ровна и снѣгу почти не было, но самая тропинка идетъ по краямъ крутыхъ склоновъ, надъ глубокими пропастями, извиваясь многочисленными оборота-

ми, по случаю крутизны. Кто подвержен головокружению при взглядѣ съ высоты, тотъ долженъ здѣсь принять всякія предосторожности, иначе онъ можетъ свалиться съ лошади, а послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропинки могло-бы стать роковымъ. Нѣкоторые уже здѣсь поднимались пѣшкомъ, ведя лошадь въ поводу. Оба каравана перемѣшались, кто какъ поспѣвалъ. Я былъ въ числѣ передовыхъ, урядникъ Трофимовъ спѣшился и просилъ позволенія поддерживать мою лошадь на наиболѣе сомнительныхъ мѣстахъ. Когда мы добрались до болѣе отлогаго мѣста, я обернулся назадъ и посмотрѣлъ внизъ. Картина стоила того, чтобы полюбоваться: болѣе 50 ѣздовыхъ и вьючныхъ лошадей вмѣстѣ со спѣшившимися людьми изображали, какъ-бы исполинскую змѣю, выползающую изъ бездны. Солнце обливало насъ яркимъ свѣтомъ, и небо, какъ и при подняти на Ташъ-рабатъ, вслѣдствіе рѣдкости воздуха и отсутствія облачности, стало темно-голубымъ. Во время подъема термометръ показывалъ еще -6^{0}, но, благодаря отсутствію вѣтра, намъ было тепло.

Мѣсто, откуда я смотрѣлъ, представляетъ начало площадки, на которой расположено заброшенное глинобитное укрѣпленіе *Урта-курганъ*, въ которомъ во время Якубъ-бека содержалось человѣкъ сто гарнизона. Люди мѣнялись каждые 2 мѣсяца, по случаю трудности службы: они страдали сильными головными болями, вслѣдствіе рѣдкости воздуха, вліяніе которой вскорѣ обнаружилось и на насъ. Первый фельдшеръ Байгуловъ почувствовалъ такое головокруженіе, что едва усидѣлъ на лошади; такъ какъ этотъ припадокъ появился не во время подъема, а уже на площадкѣ, гдѣ ѣхать было неопасно, то его слѣдуетъ приписать исключительно дѣйствію уменьшеннаго атмосфернаго давленія. Отъ Урганургана дорога поворачиваетъ направо, идетъ почти въ горизонтальномъ направленіи по продолженію упомянутой площадки, представляющей уступъ у подножія послѣдней высокой стѣны Бедели, на перевалъ котораго загибъ тропинка

поднимается такъ круто, что кажется издали отвѣсною. Направо отъ уступа глубина, но съ довольно отлогимъ склономъ. Все склонъ покрыто снѣгомъ, который по дорогѣ, впрочемъ, не глубокъ. Когда мы ѣхали по сказанному уступу, у джигита № 1 какимъ-то образомъ свалилась съ ноги калоша[1]) и покатилась въ глубину, но остановилась саженихъ въ 2-хъ отъ дороги. Казаки стали надъ нимъ трунить, полагая, что онъ теперь поѣдетъ съ одной калошей. Но онъ имъ не доставилъ этого удовольствія. Не слѣзая даже съ лошади, онъ молча направилъ ее внизъ и спустился, пробираясь наискосокъ до калоши. Правда, что здѣсь снѣгъ былъ лошади до колѣна и довольно вязкій, а склонъ отлогій, но все-таки для непривычнаго глаза казалось-бы неудобнымъ совершать верховую прогулку въ такое мѣсто. Наконецъ, мы у поворота къ самому перевалу. Передъ нами возвышалась стѣна, по самому скромному разсчету футовъ въ 200, на гребнѣ которой виднѣлась каменная караулка, а подлѣ нея узенькая горизонтальная полоска, куда направились кое-какіе слѣды по снѣгу. Это и былъ перевалъ. Стѣна такъ крута, что среднимъ счетомъ можно считать наклонъ въ 42—45°, что, какъ извѣстно, очень трудный подъемъ, въ особенности для животныхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что почва ровная и единственный упоръ, который находятъ ноги, это вязкій снѣгъ и выстоящіе мѣстами камни. Самое крутое и гладкое мѣсто послѣднія 2—3 сажени. Хотя и на эту стѣну мѣстами поднимаются зигзагами, но не вездѣ это возможно, и во всякомъ случаѣ этотъ подъемъ такъ труденъ, что по-временамъ, т.-е. когда снѣгъ перемежается со льдомъ, онъ безусловно бываетъ недоступенъ, безъ помощи сверху. Въ виду этого, въ прежнее время въ упомянутой караулкѣ жила часть Урта-курганскаго гарнизона, которая была обязана

[1]) Киргизы, какъ и другіе мусульмане, носятъ круглый годъ кожаныя калоши, которыхъ назначеніе вовсе не состоитъ въ защитѣ ногъ отъ холода (см. выше).

втаскивать вьючныхъ животныхъ помощью аркановъ. При китайскихъ же порядкахъ все это оставлено. Къ крутости и высотѣ подъема присоединяется рѣдкость воздуха, вслѣдствіе всего этого верховыя, даже порожнія, лошади карабкались вверхъ съ большимъ трудомъ, черезъ каждые 5—6 шаговъ переводя духъ. Половина нашихъ людей поднималась одновременно со мною, другіе позади, одни верхомъ, другіе пѣшкомъ. Не легко было, впрочемъ, и пѣшимъ. Мою лошадь опять держалъ за уздцы Трофимовъ, а на самомъ крутомъ мѣстѣ отбился даже нашъ философъ-джигитъ № 1 и пошелъ подлѣ меня, поддерживая лошадь. Вьюкъ и купеческій караванъ были еще далеко позади. Большинство нашихъ людей почувствовали головную боль, которая, впрочемъ, на самомъ перевалѣ понемногу прошла. Я, наоборотъ, чувствовалъ себя легко до перевала, но благодаря долгой проволочкѣ на немъ (о которой скоро будетъ сказано), мало-по-малу появилась у меня сильная боль головы, которая продолжалась до ночи.

Было 10 час. утра, когда мы взобрались на перевалъ. Онъ представляетъ небольшую площадку, шаговъ въ 6 шириною, лежащую между развалившеюся караулкою и обломками скалы, которая еще превышаетъ перевалъ. Изъ этихъ-то обломковъ взялъ я образчикъ, оказавшійся тальковымъ сланцемъ. Къ сожалѣнію, съ этой столь возвышенной точки, благодаря пасмурности горъ и извилистому ходу ущелій, вовсе нѣтъ живописнаго вида, котораго-бы можно было ожидать. Море бѣлыхъ верхушекъ—и больше ничего. Утро все еще оставалось тихимъ, такъ что легкій морозъ въ—$1\frac{1}{2}$° R. вовсе не чувствовался. Небо въ это время мѣстами представляло легкую прозрачную облачность. Облака эти были конечно перистыя, которыя плаваютъ очень высоко, обыкновенныя-же облака могли-бы быть ниже насъ. Высота Беделя до сихъ поръ, на основаніи приблизительнаго разсчета, считалась отъ 14.000 до 15.000 фут. надъ уровнемъ моря, но по барометрическому опредѣленію П. М. Пржевальскаго

(осенью 1885 г.) онъ возвышается на 13.760 фут.[1]) Впрочемъ, не мѣшало-бы еще нѣсколько опредѣленій, для выведенія средней цифры, такъ какъ состояніе атмосферы имѣетъ вліяніе на искомую величину. Самъ я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности запастись инструментами, потому что сборы мои были слишкомъ неожиданны и скоропостижны, притомъ я сначала не предполагалъ возвращаться черезъ Ведель, но Нарынскому-же пути высота перевала уже была опредѣлена раньше. Наивысшія точки ишковъ Кокъ-шала, по приблизительному разсчету К. А. Ларіонова, достигаютъ 16.000—17.000 фут.

Давно уже мы были наверху, а вьюкъ все оставался внизу. Долго тянулись различныя части каравана, подъ горой по горизонтальному уступу, но какъ только онѣ подходили къ повороту перевала, то начиналась съ лошадьми такая-же бѣда, какъ съ верблюдами подъ Ташъ-рабатомъ. Измученныя уже во время прохожденія по каменистому ложу ущелья и по первому подъему, вьючныя животныя, не смотря на всевозможныя усилія погонщиковъ, стали пасовать одна за другою. Нѣкоторыя поднимались, безпрестанно падая на колѣни и съ неимѣрно длинными паузами для отдыха, другія ложились на-бокъ и вовсе не могли быть понуждаемы далѣе. Къ послѣднимъ относилась большая часть лошадей нашего вьюка. Время проходило, а все-таки толку нѣтъ. Еслибъ при такихъ условіяхъ поднялся вѣтеръ, то положеніе въ такомъ мѣстѣ и при разобщеніи съ вьюкомъ, было-бы довольно серіозное. Наконецъ, наши-же молодцы насъ выручили. Младшій джигитъ, Дементій и 4 казака (двое оставались при лошадяхъ наверху) стали спускаться внизъ по нѣсколько разъ и притаскивали на плечахъ различныя части вьюка, чтобы облегчить лошадей. Въ одно изъ такихъ путешествій Дементій немогъ удержаться на крутизнѣ и покатился внизъ, но удержался за выступающій камень. Что это былъ за трудъ,

[1]) На основаніи любезнаго сообщенія, сдѣланнаго **Н. М. Пржевальскимъ**, вслѣдствіе моего запроса.

можно было заключить изъ того, что уже однократное восхожденіе, безъ всякой тяжести, составляло трудную задачу, я видѣлъ чего это стоило кунцамъ, которые почти всѣ поднялись нѣмкомъ, задыхаясь и красные, какъ изъ бани. Труднѣе всего было ихъ женамъ, особенно одной, которая, благодаря варварскому обычаю и нелѣпой ревности мужа, даже при этихъ обстоятельствахъ не рѣшилась снять своей плотной занавѣски, вслѣдствіе чего еще болѣе страдала отъ недостатка воздуха. Вся эта занавѣска промокла уже отъ ея дыханія, грудь высоко поднималась, бѣдная женщина топталась на одномъ мѣстѣ, не зная какъ одолѣть послѣднюю крутизну, и никто не подавалъ ей помощи. Оказалось, что между стоявшими уже на перевалѣ былъ и ея супругъ, который наблюдалъ за нею съ высоты величія. Узнавъ, что это онъ, я потребовалъ черезъ переводчика, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, позволилъ ей снять вуаль. Онъ покачалъ головой съ угрюмымъ равнодушіемъ. Меня взорвало. „Яманъ!“ (дрянь) крикнулъ я ему и приказалъ немедленно подать помощь женѣ. Тогда онъ соблаговолилъ снизойти и подать ей кнутовище нагайки и, такимъ образомъ, поднялся вмѣстѣ съ нею. Во время хлопотъ съ вьюкомъ одна вязанка дровъ покатилась въ пропасть и остановилась на такой глубинѣ, что достать ее никоимъ образомъ нельзя было.

$3^1/_2$ часа прождали на перевалѣ, наконецъ, кое-какъ подняли лошадей и мы тронулись. Кунцы справились нѣсколько раньше насъ, вѣроятно, ихъ вьючныя лошади были лучше. Сначала спускъ довольно отлогій, но потомъ дорога идетъ по такому мѣсту, что чуть-было со мною бѣды не случилось. Пробираться приходится по крошечному уступу (карнизу), проходящему на половинѣ высоты между высокой стѣной и глубокой пропастью. Уступъ при томъ самъ имѣетъ наклонъ къ пропасти и на этотъ разъ былъ покрытъ рыхлымъ, настолько глубокимъ снѣгомъ, что трудно было нащупывать дорогу. Не смотря на бѣшеную головную боль, я

долженъ былъ сидѣть верхомъ, но при первыхъ шагахъ замѣтилъ, что лошадь моя, у которой нога была ранена во время прохожденія по камнямъ, стала скользить, чему конечно способствовало и то, что снѣгъ спекался подъ копытами. Въ виду этого и въ надеждѣ облегчить головную боль, я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ, но тутъ попалъ изъ огня въ полымя. Я везъ съ собою пару валеныхъ сапогъ, которые не понадобились во всю дорогу, но въ это утро я ихъ надѣлъ, на случай могущаго подняться вѣтра. Въ эту минуту пришлось мнѣ раскаяться въ томъ. Выпуклое дно валенокъ препятствовало ощупывать почву при опусканіи ноги, и при этомъ условіи нога неминуемо скользила. Я чувствовалъ невозможность пройдти по этой тропинкѣ, не соскользнувши съ нея, особенно при нетвердости, которую сообщала моимъ шагамъ гнетущая головная боль. Соскользнуть-же съ дороги въ этомъ мѣстѣ было равносильно паденію въ пропасть, потому-что наклонъ съ горы ниже тропинки въ этомъ мѣстѣ очень крутъ, градусовъ въ 60 или болѣе и удержаться на немъ не было никакой возможности, а пришлось-бы покатиться до самаго дна. Даже допуская, что снѣгъ предохранилъ-бы отъ ушиба при паденіи, то ужъ выбраться изъ этой бездны, на днѣ которой притомъ снѣгъ выше головы, было-бы безусловно невозможно. Словомъ, это былъ самый для меня критическій моментъ всего похода. Я, конечно, сообразилъ, что необходимо снять валенки и пройти въ однихъ сапогахъ, но это было дѣломъ, при данныхъ условіяхъ, очень нелегкимъ. Къ счастію, подоспѣлъ на помощь мой вѣрный и проворный Дементій. Стоя самъ на краю пропасти, но крѣпко упершись одной ногой, онъ такъ ухитрился стащить съ меня валенки и надѣть вмѣсто нихъ резиновыя калоши, въ которыхъ идти было гораздо легче. Такимъ образомъ, я, ведомый за руку шедшимъ впереди джигитомъ, кое-какъ пробрался по этому мѣсту, а идти пришлось такимъ образомъ съ $^1/_4$ часа.

Лошади всѣ пробрались благополучно. Потомъ мало-помалу дорога стала такою ровною, какою мы ее давно не видали. Она шла по дну долины, которой лѣвый бокъ покрытъ снѣгомъ, а правый болѣе или менѣе оголенъ. Я сначала опять поѣхалъ верхомъ, но потомъ изъ-за головной боли, принужденъ былъ сѣсть въ носилки. Съ $1\frac{1}{2}$ часа (время оставленія перевала) до полуночи мы шли безостановочно, стремясь найти для ночлега обнаженное отъ снѣга мѣсто, гдѣ-бы была вмѣстѣ съ тѣмъ и вода. Мѣстность, гдѣ дорога становится ровною, относится уже къ хребту *Сары-чатъ*. Нагорное плато Сары-чатъ возвышается на 11.800 фут. (Ларіоновъ). По долинѣ, которою идетъ дорога съ *Беделя*, течетъ и рѣчка *Бедель-су* (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутою одноименною, текущею къ югу). Бедель-су впадаетъ въ *Иштыкъ* или *Истыкъ*, который представляетъ одинъ изъ притоковъ *Джанарта*. Вообще, дорога отъ Беделя къ Иссыкъ-кулю идетъ на с.-з. и лишь ненадолго уклоняется къ з. Въ долинѣ Бедель-су она нѣсколько разъ встрѣчается съ рѣкою, идя отчасти по берегу ея, особенно по правому и въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкаетъ ее. Было еще два небольшихъ перевала. Между первымъ и вторымъ дорога въ одномъ мѣстѣ огибаетъ карнизъ, съ лѣвой стороны котораго такая стремительная пропасть, что съ дороги нельзя разсмотрѣть дна ея. Самый карнизъ представляетъ изрядный косогоръ. Мѣсто это названо *Келенъ-Тайгакъ*[1]. Къ счастію, въ это время намъ уже свѣтила луна, а безъ нея было-бы плохо. На днѣ пропасти течетъ рѣчка Бедель-су. По карнизу я шелъ пѣшкомъ, ведомый подъ руки джигитами. Послѣ еще разъ пришлось идти подобнымъ-же образомъ. Второй перевалъ былъ непріятенъ, подъемъ его очень труденъ для лошадей. Послѣдніе часы этого вечера шли ровными долинами и степями, покрытыми снѣгомъ, и, наконецъ, изму-

[1]) Буквальный переводъ „сноха прямо ногу не поставитъ", иносказательно—опасная для бабъ дорога.

ченные усталостью, въ полночь пришли въ логъ *Иштыкъ*, гдѣ есть мѣсто, обнаженное отъ снѣга, и хорошая вода, т.-е. рѣчка и ключъ. Здѣсь имѣется небольшая каменная загородка, а въ ней мы застали поставленную юрту, въ которой тлѣлъ сухой навозъ (кизякъ) вмѣсто костра. Юрту эту нарочно привезъ, какъ оказалось, знакомый нашихъ любезныхъ джигитовъ и самъ онъ меня встрѣтилъ, приглашая погрѣться. Юрта, положимъ, была таковою только по названію, вся въ дырахъ и безъ купола, но все-таки, когда ее покрыли кошмами изъ нашего вьюка, въ ней можно было провести ночь. Какъ волки мы накинулись на нашу провизію, въ томъ числѣ и я, у котораго лишь къ этому времени прошла головная боль. Бѣдныя лошади тоже крайне нуждались въ отдыхѣ и пищѣ, у многихъ изъ нихъ были сбиты и ранены ноги, и онѣ не ѣли цѣлый день, а лошади джигитовъ, какъ сказано было, не первый день держали діэту. Здѣсь уже оказался небольшой подножный кормъ и табунъ нашъ отправился туда. Мы сдѣлали въ этотъ день, вѣроятно, не менѣе 50 верстъ, да еще какихъ! Купеческій караванъ мы потеряли изъ виду. Онъ въ темнотѣ гдѣ-то отсталъ, остановившись, вѣроятно, раньше на ночлегъ.

Утромъ въ юртѣ было —2° R., день опять былъ ясный и тихій. Ландшафтъ сталъ больше привѣтливымъ, дорога шла все время широкими плоскими долинами, горы были ниже и мягче. Все было покрыто довольно глубокимъ снѣгомъ, но по бокамъ горъ изъ-за снѣга уже сквозила довольно густая пожелтѣвшая трава. Блескъ этихъ снѣжныхъ полянъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ былъ такъ силенъ, что мы все время жмурили глаза. Плоскогорье, по которому лежалъ нашъ путь и которое лежитъ между хребтами Сарычатъ и *Терскей-Алатау*[1]), относится къ самымъ высокимъ мѣстамъ, хотя при взглядѣ на низкіе горные колпачки, поднимавшіеся тамъ и сямъ, и на густую травяную растительность, выглядывавшую

[1]) На картѣ, приложенной къ сочиненію г. Куропаткина, этотъ хребетъ называется *Кырызнинъ-Алатау*.

изъ-подъ снѣга, можно было-бы вообразить себя въ какихъ-нибудь низменныхъ степяхъ. Въ немъ различаютъ мѣстность *Акъ-Ширякъ*, *Арабель*, *Акъ-бель*, *Тожеке-бель*[1]) и др. Чрезъ послѣдній мы прошли. Оно возвышается на 11.000—12.000 фут., поэтому подъемъ на перевалъ Кенка-Су, который мы прошли на слѣдующій день и который имѣетъ 12.300 фут. (Пржевальскій), совсѣмъ незамѣтный. Такія высокія мѣста называются киргизами *тоотекъ*. Въ виду того, что это плоскогорье производитъ прекрасныя луговыя травы, сюда перекочевываютъ въ срединѣ лѣта, но обыкновенію не болѣе, какъ на $1^1/_2$—2 мѣсяца, и при томъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей, по случаю рѣдкости воздуха. А именно людей слабыхъ[2]) и беременныхъ женщинъ сюда не пускаютъ, точно также жеребята и жеребевыя кобылы оставляются внизу, такъ какъ замѣчено, что первые часто околѣваютъ, а вторыя легко выкидываютъ. Мало того, наблюдаютъ, чтобы самыя случки производились внизу, ибо здѣсь онѣ, большею частью, остаются безъ послѣдствій. Вслѣдствіе большой высоты здѣсь даже лѣтомъ бываютъ снѣжные бураны, и это вмѣстѣ съ холодными ночами, въ свою очередь, заставляетъ сокращать время пребыванія здѣсь кочевокъ. Трава здѣсь невысокая, но отборная, и вообще страна эта все-таки не такая угрюмая пустыня, какъ можно-бы заключить изъ нѣкоторыхъ описаній[3]). Такъ, по рѣкѣ Тожеке, гдѣ былъ нашъ ночлегъ въ этотъ день, растетъ въ изобиліи

[1]) „Бель“ означаетъ верхушка.

[2]) Даже для здоровыхъ здѣсь не совсѣмъ безопасно. Вышеупомянутый Джилты-Бай умеръ на этой высотѣ.

[3]) Une grande partie de la region, comprise entre le Terskei-Alataou au nord et le Kock-Chal au sud, forme une large plaine ou sirt, revêtue de grès, de marnes bigarees, de gypses et de couches salines, parsemee de flaques d'eau et n'offrant qu'une herbe rare sur les isthmes, qui separent les cavités des marais et des lacs: les voyageurs, qui traversent cette redoutable contree, où les tempetes de neige ne sont pas rares méme en juin et juillet, trouvent à peine entre les marais un endroit favorable pour y planter leurs tentes (Elisée Reclus. l'Asie Russe, 1881, page 357).

кипецъ (Festuca sp.)—небольшая травка, считающаяся первоклассным кормомъ для скота! Довольно водится здѣсь и звѣрья. Есть *заяцъ, лиса, волкъ, горный козелъ, олень, сѣрый, бурый* и *черный медвѣдь;* послѣдній, говорятъ, бываетъ чернымъ только до 2-хъ лѣтъ, потомъ дѣлается грязножелтымъ. Изъ птицъ *беркутъ, утка, гусь* и проч. О змѣяхъ и насѣкомыхъ киргизы ничего не могли сказать. Что касается геологическаго состава, то въ этомъ плоскогорьи (по Мушкетову), встрѣчаются *каменноугольная, девонская, силурійская* и *архейская системы* (филиты, кристаллическіе сланцы и пр.)

Въ сумерки мы дошли, наконецъ, до лога *Джаакъ*, гдѣ не было снѣгу и есть ключъ и хорошая трава. Это мѣсто одно изъ наиболѣе высокихъ на этомъ плато, и, дѣйствительно, одышка, легко появлявшаяся при усиліяхъ, напр. при поднятіи чего-нибудь съ пола, подтверждала мнѣ это, да и хохолодъ былъ чувствительный. Въ этотъ день мы сдѣлали добрыхъ 40 верстъ. Логъ *Джау-Джурекъ* (гдѣ останавливался г-нъ Супаргуловъ) мы прошли, оставивъ его назади, верстахъ въ 5-ти. Онъ также былъ покрытъ снѣгомъ.

24-го утромъ въ моемъ кошѣ было —5° R. Съ этого ночлега до деревни Сливкиной, въ которой можно было считать конецъ нашего скитанія, оставалось верстъ 70, притомъ очень трудной дороги. Но близость жилаго крова была большою приманкою и я рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы одолѣть этотъ переходъ за одинъ разъ, тѣмъ болѣе, что погода продолжала намъ благопріятствовать, а этимъ слѣдовало пользоваться, особенно въ виду того, что ущелье *Кашка-Су*, которое предстояло пройти, славится буранами. Въ 7 часовъ утра мы были готовы къ выступленію. До ущелья мѣстность такъ ровна, что мы большую часть ея проѣхали быстро; съ полчаса я могъ скакать въ галопъ, да и вьюкъ не очень далеко отставалъ, не смотря на довольно глубокій снѣгъ. Влѣво отъ дороги виднѣлись перевалы *Барскоунъ* и *Зукы*, черезъ которые лѣтомъ идетъ караванный путь, такъ какъ

на Кашка-Су, чрезъ который путь короче, есть озеро, препятствующее проѣзду, когда оно не покрыто льдомъ. Въ 10 часовъ мы вступили въ ущелье Кашка-Су, въ которомъ бились до 2-хъ часовъ. Длинное, узкое и извилистое ущелье это было покрыто глубокимъ снѣгомъ, такъ что лошади, бродя въ немъ по брюхо, передвигались съ большимъ трудомъ. Джигиты замѣтили, что такого обилія снѣга еще не было, когда они проѣзжали въ первый путь. Значитъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ были сильные бураны, которые совпали съ ранними метелями, гулявшими по всему Семирѣчью въ теченіи цѣлой недѣли. Выступи мы днями 5-ю ранѣе изъ Аксу, путешествіе наше чрезъ Бедель и Кашка-Су было-бы, вѣроятно, неособенно благополучнымъ. Пока мы тянулись ущельемъ, вихрь нѣсколько разъ принимался крутить снѣжныя облака но не надолго, это какъ-бы были снисходительныя напоминанія о томъ, что онъ могъ-бы обойтись съ нами гораздо хуже. *Озеро Кашка-Су-куль* лежитъ между высокими обрывистыми скалами; оно было до того основательно засыпано снѣгомъ, что нельзя было даже замѣтить его присутствіе. За нимъ тотчасъ и самый перевалъ, котораго подъемъ не замѣтенъ, онъ собственно обозначается лишь тѣмъ, что послѣ этого начинается спускъ. А спускъ этотъ такой, какого до сихъ поръ еще не видали. Уже на перевалѣ къ снѣгу присоединились огромные камни, отчасти скрытые подъ снѣгомъ, что́ еще болѣе увеличивало трудность прохожденія. Одна изъ нашихъ лошадей попала-таки ногою подъ такой камень и упала. Ее высвободили послѣ большой проволочки и хлопоть, но она хромала и пришлось ее пустить порожнякомъ; была, къ счастію, запасная. Обыкновенно, при спускахъ даже съ очень высокихъ горъ (напр. на Кокпалѣ) бываетъ такъ, что, какъ-бы ни были круты, неудобны или опасны нѣкоторыя мѣста, но онѣ перемежаются съ болѣе отлогими и удобопроѣзжаемыми. Здѣсь-же природа какъ-бы желала не давать путнику отдыха. Спускъ въ

одинаковой крутости продолжается болѣе 2 часовъ къ ряду. Снѣгъ мало-по-малу исчезаетъ, но это не улучшаетъ дѣла. Извилина смѣняется извилиной, а глазъ все видитъ впереди тѣ-же крутизны, загромождённыя большими острыми камнями и обломками льда, тѣ-же трещины, лѣпящіяся по ребрамъ горъ, надъ глубочайшими обрывами, тѣ-же крутые скаты, мѣстами въ добавокъ подернутые ледяною корою. Много разъ приходилось спѣшиваться, но даже пѣшкомъ случалось падать. Перешли рѣчку въ бродъ чрезъ рѣчку Кашка-Су. Скалы высочайшія по обѣ стороны, далѣе внизъ уже обнаженныя отъ снѣга. Въ одномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ ущелья нижняя часть стѣны его представилась, какъ-бы состоящею изъ какой-то снѣгообразной породы камня: это были ледники[1], первые, которые намъ встрѣтились. Вообще въ Тянь-шанѣ ледники больше попадаются въ мѣстахъ, гдѣ есть лѣса, т.-е. гдѣ больше влажности. Далѣе внизъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ по стѣнамъ, надъ дорогой висѣли большіе глыбы льда. По Кашка-Су часто встрѣчаются ярко-желтые, желто-красные и кирпичные конгломераты и песчаники.

Около 4-хъ часовъ по полудни дошли мы, наконецъ, до болѣе ровнаго и широкаго ущелья, по высокимъ стѣнамъ котораго представилось нѣчто давно не виданное—густой еловый лѣсъ, восходившій до самыхъ высокихъ реберъ горы и казавшійся издали чернобурымъ. Это, значитъ, мы спустились приблизительно до высоты 8.000 фут. Скоро дорога уклонается нѣсколько влѣво, т.-е. къ з., и Кашка-Су впадаетъ въ р. *Зуки* (Цакука), вдоль береговъ которой потомъ долго приходится идти по высокому и густому еловому лѣсу. Трудности прохожденія здѣсь мѣстами чрезвычайныя. Къ безчисленнымъ и огромнымъ камнямъ присоединяются ямы, стволы деревьевъ и частые переходы въ бродъ чрезъ Зуки, представляющую уже довольно крупную и быструю рѣчку, русло

[1]) Обозначаемый на картахъ *ледника Потрова* остается значительно правѣе караваннаго пути.

которой, въ свою очередь, завалено каменными глыбами. Трудность пути нѣсколько облегчалась лунным освѣщеніем.

Не смотря, однако, на усталость и на нескончаемыя препятствія, на меня повѣяло чѣмъ-то роднымъ въ этомъ живописномъ ущельи. Группы высокихъ, стройныхъ елей, разнообразно освѣщенныя луною, одна за другою принимали насъ въ свои объятія, тихо шевеля верхушками, какъ-бы говоря: „здорово!, гдѣ пропадали такъ долго?“ Спутники мои, повидимому, поняли этотъ привѣтъ: съ самаго вступленія въ лѣсъ пѣсня ихъ гремѣла съ небываломъ еще энергіею, прерываясь лишь по временамъ на трудныхъ мѣстахъ перехода. Лѣсъ сталъ рѣдѣть и, чу!... къ пѣнію казаковъ и шуму потока присоединились новые звуки,—то тутъ, то тамъ сталъ раздаваться лай киргизскихъ собакъ, и по направленію лая ихъ можно было разглядѣть вдали огоньки, дымокъ и темные контуры юртъ и людей. Теплѣе стало на сердцѣ и пѣсня казаковъ звучала еще громче. Когда мы выбрались изъ лѣса на равнину, то поѣхали рысью, не смотря на сильную усталость. Лошадей ужъ не нужно было погонять, онѣ бѣжали, какъ будто только-что выступили съ ночлега. А вотъ въ отдаленіи послышался перекатный лай такого большого общества собакъ, какого не бываетъ въ кочевыхъ аулахъ—это значитъ мы приближаемся къ русской деревнѣ.

Наконецъ, вотъ и она! По обѣимъ сторонамъ потянулись чистые уютные домики, въ нѣкоторыхъ уже было темно, въ другихъ окна еще свѣтились. Одинъ изъ казаковъ, котораго послали впередъ, здѣсь насъ встрѣтилъ и повелъ въ отведенную квартиру. Когда я вошелъ въ избу, было 10 часовъ. Скоро радушная хозяйка подала самоваръ, молока, яицъ, всякаго печенья, а у входа съ любопытствомъ столпились мужички, посмотрѣть на неожиданныхъ странниковъ.

Проснувшись утромъ (25 октяб.) отъ крѣпкаго сна, я сталъ оглядываться, точно-ли я наконецъ очутился въ настоящемъ домѣ. Точно! я лежу въ свѣтлой, чистой и теплой комнатѣ съ

досчатымъ поломъ, съ толстопузой печью, съ картинками по стѣнамъ, а на улицѣ слышно гоганье гусей и утокъ, смѣхъ ребятишекъ, русскій говоръ людей. Сливкина большая заимочная деревня на южномъ берегу Иссыкъ-куля, представляющая въ своемъ населеніи цѣлый букетъ великорусскихъ переселенцевъ—тутъ есть нижніе, воронежцы, тамбовцы, пензенцы, вятичи и т. д. Все это обжилось здѣсь и народъ живетъ привѣтливо, только жалуется на недостатокъ сбыта.

Отсюда до города Каракола 36—40 верстъ, которыя я проѣхалъ на лихой тройкѣ, въ солнечное тихое утро. На поляхъ еще стояли неубранныя скирды хлѣба, то и дѣло виднѣлись киргизскія стада, по дорогѣ встрѣчались то русскія, то дунганскія телеги, то верховые киргизы, съ одной стороны виднѣлась гладь озера, съ другой—горы съ синѣющими лѣсами[1]). А вотъ предсталъ уютный городокъ, съ густыми пожелтѣвшими садами и аллеями, весь облитый утреннимъ солнцемъ. Это—Караколъ. Какой плѣнительной идиліей показались мнѣ деревенскія картины, какими чертогами домы моихъ каракольскихъ друзей! Какимъ-то сіяніемъ была окружена для меня вся эта обстановка мирной осѣдлой жизни и привычекъ цивилизованныхъ людей. Съ чувствомъ, которое мною овладѣло въ это время, я могу сравнить развѣ ощущенія конвалесцента, который послѣ долгой болѣзни и затворничества, въ первый разъ выѣхалъ на прогулку и радуется каждой травкѣ, каждому камню, каждому встрѣчному лицу. Кто правъ,—онъ или окружающіе его здоровые, которые видѣли всѣ эти предметы каждый день и смотрятъ на нихъ равнодушно? Кто правъ,—юнона, пристально и съ любопытствомъ взля-

---

[1]) Западные вѣтра проникаютъ на Иссыкъ-куль чрезъ сѣдловину между Заилійскимъ Алатау и Александровскимъ хребтомъ, сѣверовосточные—чрезъ сѣдловину Санташа; мѣсто встрѣчи этихъ воздушныхъ теченій, которое и есть мѣсто наибольшаго образованія тучъ, находится у восточной половины озера и тамъ горы лѣсисты, а у западной безлѣсны (Сѣверцевъ. Путешествіе по Тянь-шаню).

дывающійся въ явленія жизни и наслаждающійся красками ея, или старикъ, считающій все суетнымъ, потому-что его ничто не радуетъ, не согрѣваетъ? Если мы, вслѣдствіе притупленія привычки, не чувствуемъ прикосновенія рубашки къ тѣлу, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ея дѣйствительно не было; отсутствуетъ только наша воспріимчивость. Предметы внѣшняго міра кажутся намъ таковыми, каковы мы сами. Подъ вліяніемъ гармоническаго состоянія души, вызваннаго музыкою, мы часто смотримъ глазами примиренія и участія на людей и на предметы, къ которымъ въ другое время равнодушны или непріязненны. Когда намъ послѣ долгаго лишенія возвращаются тѣ блага, съ которыми успѣлъ сродниться культурный человѣкъ, въ насъ зарождается подобная-же гармонія чувствъ. Ощущенія обновленной души настолько справедливѣе ощущеній притупленной и завядшей, насколько изображенія въ свѣтломъ и гладкомъ зеркалѣ вѣрнѣе изображеній въ потускнѣвшемъ или надтреснутомъ. Застывать въ самоуслажденіи и квасномъ восторгѣ—конечно, не можетъ быть назначеніемъ человѣка, напротивъ, вверхъ и впередъ лежитъ ему путь. Но бываютъ событія и положенія, которыя невольно заставляютъ насъ оглядываться назадъ и внизъ. Такъ бываетъ, когда мы на-время окунемся въ омутъ низшихъ формъ человѣческой жизни. Изъ глазъ нашихъ не исчезнетъ тропа, ведущая къ верхушкѣ горы, но, по крайней мѣрѣ, поглядѣвъ внизъ, мы сознаемъ, что одолѣли уже многое, и эта мысль дастъ намъ новыя силы.....

Въ Караколѣ я разстался съ казаками, которые отправились въ Нарынъ, а я, продавъ вьюкъ и лошадей, черезъ 2 дня поѣхалъ на почтовыхъ въ Вѣрный, не замѣчая на этотъ разъ однообразія станцій и почтовой ѣзды.

ИЗДАНІЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ІМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Записки Отдѣла:

КНИЖКА 1-я. (Отчетъ за 1878 г.—Колдовство и порча у крестьянъ Томской губ. *Князя Кострови.*—Крестьяне-старожилы Нарымскаго края. *Григоровскаго.*—Путевые очерки Джунгаріи, съ картою. *Ивѣцова.*) Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 2-я. (Отчетъ за 1879 г.—Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ. *Норденшельда.*—Зимнее изслѣдованіе нагорнаго берега Иртыша отъ Тобольска до Самарова и сѣверныхъ тундръ между Обскою губою и Сургутомъ, съ картою. *Хондажевскаго.*—О пароходствѣ въ Обской губѣ и морской торговлѣ Западной Сибири съ Европой въ 1878 и 1879 гг. *Балкашина.*—Былъ-ли Ермакъ пожалованъ въ князья, *его-же.*—(Смѣсь.) . . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 3-я. (Отчетъ и протоколы за 1880 г.—Путевыя записки, веденныя во время поѣздки, въ 1878 г., въ Кокчетавскій уѣздъ. *Словцова.*—Изслѣдованіе путей въ Алтайскомъ краѣ. *Брешницкаго.*—Торговое движеніе между Западной Сибирью, Средней Азіей и Китайскими владѣніями. *Балкашина.*—Смѣсь. . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 4-я. (Отчетъ и протоколы за 1881 г.—Отчетъ о поѣздкѣ въ 1880 г. въ горный Алтай, къ Телецкому озеру и въ вершины Катуни. *Ядринцева.*—Сельскія общества Салаирской волости. *Поликарповскаго.*—Очерки Нарымскаго края. *Григоровскаго.*—Промыслы Нарымскаго края, съ чертеж. *Шостаковича.*—Объ условіяхъ торговаго сношенія Европы съ Западной Сибирью, перев. *Козлова.*—Статистическій очеркъ современнаго состоянія горнозаводской промышленности въ Западной Сибири, съ картою. *Малявскаго.*—Перечень 172 астрон. пункт. Зап. Сибири. *Мирошниченко.*—Смѣсь.) . . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 5-я. (Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая, съ картою Монголіи. *Ивѣцкаго.*) . . . . Ц.—2 р. 50 к.

КНИЖКА 6-я. (Протоколы за 1883 г.—Озеро Балхашъ и теченіе р. Или отъ выселка Илійскаго до ея устьевъ. *Фишера.*—Описаніе Васюганской тундры съ карт. *Григоровскаго.*—Первобытная культура тюрко-татарскихъ народовъ *Вамбери*, перев. *Страшилатова.*—Двѣ главы изъ соч. Котты: Der Altai. *Леваневскаго.*—Ботаническій очеркъ Тарскаго округа Тоб. губ.—*Лебединскаго.*—Флора г. Омска и его окрестностей. *Киломана* и *Колоколова.*—Астрономическія и барометрическія наблюденія. *Лазарева*, обр. *Ивановымъ.*—Метеорологическія наблюденія въ г. Акмолинскѣ съ 1873 по 1881 г. *Лазарева.*) . . . . . Ц.—1 р. 50 к.

КНИЖКА 7-я. выпускъ I. (Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область. *Никольскаго.*—О находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ г. Тюмени. *Словцова.* . . . . . Ц.—1 р.

выпускъ II-й (Отчетъ и протоколы за 1884 г.—Киргизы (этнологическій очеркъ). *Зеланда.*—Путевыя замѣтки объ оз. Сартланѣ. *Дьякова.*—Смѣсь.) . . . . . Ц.—1 р.

КНИЖКА 8-я. выпускъ I-й. (Отчетъ и протоколы съ 1-го Января 1885 по 1-е Іюля 1886 г.—По Ишиму и Тоболу (изъ путешествій и изслѣдованій крестьянскаго быта Зап. Сиб.) *Петропавловскаго.*—Очеркъ переселенческаго въ Сибирь движенія. *Дмитріева.*—Путевыя Записки, веденныя во время поѣздки лѣтомъ 1885 г. въ верховья рр. Тартаса и Тары и зоографическій очеркъ лѣсисто-болотистой полосы, лежащей между рр. Омью, Тарой и Иртышемъ, съ картою. *Степанова.*—Смѣсь.) Ц.—1 р. 50 к.

выпускъ II-й. (Путешествіе на Алтай и за Саяны, лѣтомъ 1883 г. (предварительный отчетъ) чл.-с. *Мартанова* . . . . . Ц.—1 р.

Складъ изданій въ помѣщеніи Зап.-Сибирск. Отдѣла Императорск. Русск. Геогр. Общ. Иногородные адресуютъ въ Зап.-Сибир. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общества, въ Омскѣ.

4p